ОГОНЁК

№ 48 НОЯБРЬ 1961

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В НОМЕРЕ:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 48 (1797)

26 НОЯБРЯ 1961

39-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Герой Социалистического Труда Ахык Нурманбетов — звеньевой свекловод из колхоза имени XXII партсъезда, Алма-Атинской области, и Улбосын Ауэзова — бригадир тракторной полеводческой бригады хлопководческого совхоза «Махталы», Южно-Казахстанской области. Они приехали в Ташкент на совещание работников сельского хозяйства республик Средней Азии, Азербайджана и южных областей Казахстана.

Фото Дм. Бальтерманца.

●

На первой странице обложки: Ткачихи комбината «Трехгорная мануфактура» имени Ф. Э. Дзержинского, запевалы движения «Каждой смене работать отлично!» Евгения Родионова, Фаина Халилулина и Светлана Василенко (см. в номере «Ум хорошо, а три лучше»).

Фото М. Савина.

На последней странице обложки: Чайки над Кременчугским морем. Это море создано руками строителей Кременчугского гидроэнергетического узла.

Фото Н. Козловского.

Целиноград. Зональное совещание работников сельского хозяйства. На снимке: в президиуме совещания.

К КОММУНИЗМУ НАДО ИДТИ УВЕРЕННЫМ ШИРОКИМ ШАГОМ. НАШ ТЕМП ДВИЖЕНИЯ ВПЕРЕД ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ РОСТОМ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА, ТЕМ ВКЛАДОМ, КОТОРЫЙ БУДЕТ ВНОСИТЬ КАЖДЫЙ СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК В ОБЩЕНАРОДНОЕ ДЕЛО.

Н. С. ХРУЩЕВ

После совещания работников сельского хозяйства Узбекистана, южных областей Казахстана, Таджикистана, Туркменистана, Киргизии и Азербайджана, которое состоялось в Ташкенте, Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. С. Хрущев прибыл в Целинный край для того, чтобы принять участие в совещании работников сельского хозяйства Целинного края, Актюбинской, Западно-Казахстанской, Восточно-Казахстанской, Карагандинской, Семипалатинской областей.

Перед совещанием Никита Сергеевич Хрущев посетил научно-исследовательский институт зернового хозяйства и совхозы края.

В зале совещания.

На птицеферме совхоза «Ижевский».

Эти сельскохозяйственные машины будут работать на целинных землях.

В поселке Шортанды Никита Сергеевич встретился с учеными и р

КОММУНИЗМ— ЭТО ДЕЛО РУК ВСЕХ

XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза всколыхнул мировую общественность. Во всех уголках земли, на всех континентах миллионы людей горячо приветствуют решения съезда. «Это Коммунистический манифест нашей эпохи,— говорится о Программе КПСС в резолюции Исполкома Коммунистической партии Великобритании.— Он будет иметь такие же важные результаты для нашего столетия, как Коммунистический манифест Маркса и Энгельса для своего столетия».

Документы съезда изучаются коммунистами всего мира. Борцы за счастливое будущее человечества черпают в Программе партии Ленина новые силы. Решения XXII съезда находятся в центре внимания демократических партий и организаций стран, освободившихся от колониальной зависимости.

О больших чувствах и смелых мыслях, вызванных XXII съездом, о восхищении великим подвигом советского народа, о благодарности за то, что люди Советской страны сделали для всего человечества, говорят:

Джордж ДЖЕКСОН,

председатель Национального комитета Коммунистической партии Новой Зеландии

Что больше всего поразило меня на съезде? Удивительные, грандиозные и, я подчеркиваю, абсолютно реальные перспективы, о которых там шла речь.

Человек веками мечтал построить общество, где царствовала бы Справедливость, общество, где каждый чувствовал бы себя полноправным членом огромного коллектива, где навсегда были бы похоронены нужда и бесправие, где солнце заглянуло бы в каждый дом. Но какое огромное расстояние от этой мечты до действительности! Чтобы пройти это расстояние, нужны были великие жертвы и великие подвиги, нужны были баррикады Парижской коммуны и несгибаемая стойкость защитников города-героя на Волге. Самое главное, самое потрясающее впечатление от XXII съезда — это ощущение того, что великое будущее, которое называется Коммунизм, уже стучится в двери.

Программа КПСС, принятая съездом, заставляет капиталистический мир завидовать социализму, его смелому провидению, его неисчерпаемым возможностям.

Выступления товарища Хрущева на съезде и речи делегатов были пронизаны мыслью: коммунизм — это дело рук всех, он может быть создан лишь трудом, трудом миллионов.

Огромное впечатление производит экономическая часть Программы. Когда я слушал доклад, я думал о том, чего мог бы достигнуть мир, чего он достигнет, когда пойдет по пути социализма. Я уверен, что притягательная сила этого великого документа окажет на трудовой народ нашей планеты влияние, масштабы которого сегодня даже трудно представить.

Я рад передать читателям «Огонька», всем советским людям братский привет из далекой Новой Зеландии. Мы радуемся вашим успехам, дорогие друзья. Мы боремся за то, чтобы и у нашего маленького народа было такое же солнечное завтра, как и у вас. Спасибо за то, что вы своим трудом и своими свершениями удесятеряете наши силы.

Эту открытку напечатали коммунисты Новой Зеландии.

Тидьяни ТРАОРЕ,

член Политбюро партии Суданский союз Республики Мали, депутат Национального собрания

XXII съезд КПСС — событие эпохального значения. Мы с исключительным вниманием слушали доклады товарища Хрущева, будем глубоко изучать их.

Невозможно поставить перед собой более прекрасную цель, чем та, которую поставили вы. Построить коммунизм — это значит освободить человека, создать ему такие материальные, духовные и интеллектуальные условия, каких еще не видел мир. Всё — человеку. Об этом говорил съезд. Это делается в вашей стране. Человек здесь занимает почти такое место, на которое религия ставит бога. Замечательно!

Все, с кем мы встречались во время пребывания на вашей земле, говорили о будущем с необычайным энтузиазмом и верой. Советские люди полны решимости довести до конца свой изумительный труд — построение коммунистического общества. Они не сомневаются в успехе. У вас великолепные люди. Они веселы, жизнерадостны, они очень любят свою страну.

И еще одно я хотел сказать. Вы трудитесь не только для себя. Вы трудитесь на благо всего человечества. Человечество по достоинству оценит то, что здесь делается для него.

Наша делегация благодарит весь советский народ и ЦК Коммунистической партии Советского Союза за возможность присутствовать на историческом XXII съезде, установить контакт с советскими людьми. Нам бы хотелось научиться говорить по-русски, чтобы еще лучше понимать вас, чтобы быть еще ближе к вам.

ками Всесоюзного научно-исследовательского института зернового хозяйства.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

ПАТРИОТЫ АЛЖИРА ПОБЕДЯТ!

Самолет шел на посадку. Стюардесса на тоненьких каблучках объявила с заученной улыбкой: «Через несколько минут мы прибываем в Тунис. Господ пассажиров просят застегнуть предохранительные пояса». Когда самолет приземлился и пассажиры ступили на землю, они обнаружили, что находятся в... Алжире. Пятеро из них были немедленно схвачены, на их руках звякнули стальные браслеты наручников. Это произошло 22 октября 1956 года. Французские власти пиратски захватили самолет, в котором находились Мохаммед бен Белла и другие руководители Национального фронта освобождения Алжира. С тех пор они томились во французских тюрьмах, куда современные инквизиторы заточили 15 тысяч алжирских патриотов.

Будучи не в силах подавить национально-освободительную борьбу алжирского народа, все больше увязая в грязной войне в Алжире, французское правительство усиливает репрессии против алжирцев. 17 октября этого года на улицах Парижа «силы порядка» открыли огонь по демонстрантам-алжирцам, которые шли с лозунгами «Алжир — алжирцам!», «Свободу алжирским патриотам!». Десятки убитых, утонувших в Сене, 11 тысяч арестованных, массовые отправки в лагеря — таков итог только одного этого трагического дня.

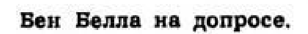
О том, как французские власти обращаются с заключенными алжирцами, говорит тот факт, что даже видавшие виды полицейские распространили листовку, рассказывающую о зверских избиениях алжирцев.

В знак протеста против недопустимых условий, в которых содержатся алжирские узники, в знак солидарности со своим народом, восьмой год сражающимся с колонизаторами, 32 тысячи заключенных во Франции и в Алжире объявили голодовку. Как отмечают газеты, это самая массовая голодовка в истории.

Вместе с другими патриотами в ней приняли участие захваченные французскими властями несколько лет назад Мохаммед бен Белла, Мохаммед Будиаф, Мохаммед Хидер, Рабах Битат, Хусейн Аит Ахмед.

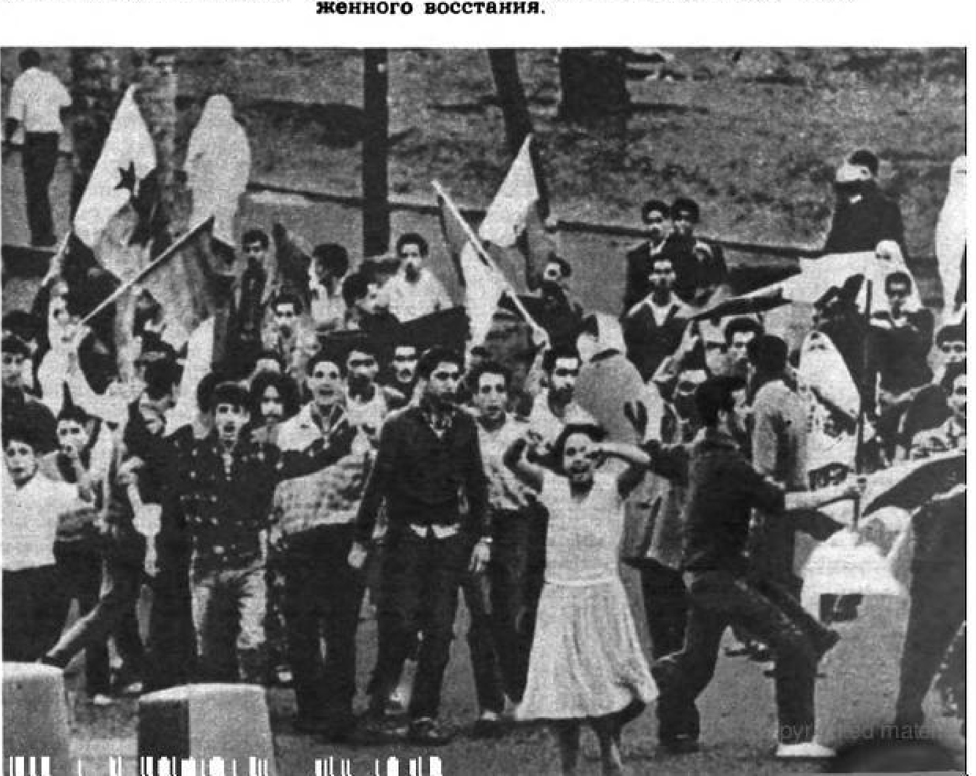
На 19-й день мужественные узники добились победы: французские власти обязались распространить режим политических заключенных на всех находящихся в тюрьмах и лагерях алжирцев — участников национально-освободительного движения.

Борьба патриотов Алжира продолжается. В этой борьбе на их стороне все честные люди Земли. Во многих странах состоялись забастовки солидарности, демонстрации и митинги, участники которых требовали от французского правительства немедленного освобождения алжирских патриотов и прекращения войны в Алжире.



Бен Белла на допросе.

Демонстрация в Алжире 1 ноября — в день седьмой годовщины вооруженного восстания.



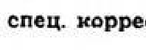
Укрепляются узы дружбы

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, который выезжал в Республику Судан с официальным визитом по приглашению Председателя Верховного Совета вооруженных сил и премьер-министра Республики Судан генерал-лейтенанта Ибрагима Аббуда, нашел в этой африканской стране теплый, дружественный прием. Встречая гостя из Советской страны, генерал-лейтенант Ибрагим Аббуд выразил уверенность, что поездка Л. И. Брежнева приведет к укреплению братства и упрочению уз дружбы между суданским и советским народами. И вот теперь, когда закончена эта поездка, можно сказать: так оно и случилось.

Советские люди с большой симпатией относятся к стремлению суданского народа вести свою страну по пути национального возрождения и до конца ликвидировать все последствия колониального прошлого.

На снимке: Л. И. Брежнев и Ибрагим Аббуд во Дворце республики в Хартуме.

Фото спец. корреспондента ТАСС В. Соболева.



Праздник гимнастики

Пять дней Дворец спорта был во власти гимнастов. Лично-командное первенство СССР собрало широко известных спортсменов и способную молодежь.

Когда командная борьба за Кубок, которую с наибольшим успехом вели московские и украинские гимнасты, завершилась победой столичных спортсменов, к снарядам вышли самые сильные, получившие право оспаривать личное первенство на отдельных снарядах. Среди известных имен нельзя было не заметить новое имя — Ю. Цапенко. Молодой спортсмен из Казахстана выступал с исключительным успехом: он завоевал три золотые медали за выступления на коне, на брусьях и по вольным упражнениям.

Две медали за победу на кольцах и перекладине вручены Юрию Титову (УССР) и одна — за лучший результат, показанный в прыжках,— молодому москвичу В. Леонтьеву.

Пришлось потесниться и двум сильнейшим гимнасткам мира — Л. Латыниной и П. Астаховой. Одна была первой на брусьях, другая — на бревне, а лучшие результаты по вольным упражнениям и прыжкам показали молодые спортсменки Т. Люхина (РСФСР) и Е. Волчецкая (БССР).

Ю. Цапенко.

Е. Волчецкая.

Фото А. Бочинина.

ВЕРШИНА ИМЕНИ БРАТСКОЙ СТРАНЫ

Когда альпинисты берут штурмом новую высоту, они называют ее именем родного города, народного героя или другим славным именем, дорогим для их сердца. Советские альпинисты, поднявшиеся на одну из вершин Кавказа, назвали ее Вершиной Монгольской Народной Республики.

Недавно в честь национального праздника монгольского народа на эту вершину было совершено новое восхождение. Вместе со своими товарищами — московскими студентами на Северный пик МНР поднялся Лувсаннямын Бямбадорж. Он был первым гражданином Монгольской Республики, взошедшим на вершину, и имел почетное поручение водрузить на ней флаг МНР.

Победа Эквадора

В Эквадоре — небольшом латиноамериканском государстве, расположенном в экваториальной части континента,— произошли события, о которых заговорил мир. Прогрессивные и патриотические силы страны одержали важную победу в борьбе за независимость и социальный прогресс.

Старый режим, который олицетворял бывший президент Эквадора Веласко Ибарра, пытался пулями остановить растущее недовольство народа политикой покровительства реакционным силам и подчинения страны американским интересам. В начале ноября власти расстреляли мирную демонстрацию в городе Куэнка. Ответом на это стали массовые демонстрации по всей стране. Гнев народа лишил власти президента. Его пост в соответствии с конституцией занял вице-президент Карлос Хулио Аросемена. Приступая к исполнению своих обязанностей, он заявил, что в Эквадоре будет установлен «режим, который будет твердо соблюдать законность, законность для всех; режим, который покончит с привилегиями, режим, при котором олигархии будут вынуждены все более и более отступать, до тех пор, пока они не потеряют все свои позиции».

В Гуаякиле, самом крупном городе Эквадора, сторонники старого режима хотели пулями остановить демонстрантов.

Во время демонстрации в Гуаякиле против режима Веласко Ибарры.

Вся жизнь в театре

Общественность нашей страны отмечает необыкновенную дату — девяностопятилетие замечательной русской актрисы А. А. Яблочкиной.

Велика ее жизнь. Но нет в душе усталости, нет жажды покоя. Такой она и была всю жизнь — неразменно-цельной, самоотверженной в своей любви к театру, к родному «Дому Щепкина». Она жила искусством. «У всех есть семья, дети, а у меня, кроме Малого театра, никого. В нем, в этом театре, вся моя жизнь, вся моя семья»,— говорила Яблочкина.

Говорить о творчестве Александры Александровны — значит говорить о любимом ею Малом театре. В конце 80-х годов прошлого века пришла она на его сцену. Ее наставницей, заботливой, умной, тонкой, была ученица Щепкина Гликерия Николаевна Федотова. На одном из ученических спектаклей Яблочкину заметил и оценил сам Островский. Трудно представить себе бесконечную галерею образов, неисчислимое количество жизней, прожитых актрисой на сцене. Яркий талант, изящество и простоту ее исполнительской манеры высоко ценили Ермолова, Станиславский, Качалов...

С 1915 года стоит Яблочкина во главе Всероссийского театрального общества, и ни одно важное решение Общества не выносилось без ее участия.

Народную артистку продолжают волновать великие преобразования, совершающиеся в нашей стране, она мечтает о новых спектаклях, которые прославят душевную красоту и силу советских людей.

Л. ОСИПОВА

Народная артистка СССР А. А. Яблочкина на одном из заседаний ВТО.

Фото И. Тункеля.

У Жени есть вопросы к Светлане...

УМ ХОРОШО, А ТРИ ЛУЧШЕ

Н. БЫКОВ

Фото М. Савина.

Партийные билеты обычно вручают в районных комитетах. Но бывают обстоятельства, когда партийный билет вручают в окопе, у свежевспаханной борозды, в котловане будущей ГЭС... Светлане Василенко, молодой ткачихе со знаменитой московской Трехгорки, кандидатскую карточку вручили на фабричном дворе, возле мемориальной доски в честь рабочих, павших в борьбе с самодержавием. Было это 16 октября нынешнего года, накануне открытия XXII съезда КПСС.

Этому событию в жизни девушки предшествовали другие, не менее значительные. В середине сентября Светлана выступила на собрании комсомольцев ткацкой фабрики с предложением... Она сначала даже сама не знала, как это все сформулировать. В общем, когда разговор зашел о том, каким трудовым подарком встретить съезд, Светлана напомнила подругам слова из Программы:

→ Трехгорка. Фабричный двор. Тесное кольцо друзей. Светлане вручают карточку кандидата в члены партии...
Фото И. Арефьева.

человек человеку — друг, товарищ, брат...

— Если друг, так давайте по-дружески посмотрим на нашу работу. Нас вот три сменщицы — я, Фаина Халилулина и Женя Родионова. Мы работаем на одних и тех же станках, а выполнение плана у нас разное. А почему? Почему мы с Женей отстаем от Фаины? Разве мы интересуемся этим? А она почему не поможет нам?

— Так вы же все в разных сменах! — напомнил чей-то удивленный голос.

...Три девчонки из одного гнезда, вот вы о чем задумались!.. Гнездо — это восемь станков, которые обслуживает одна ткачиха. Светлана, Фаина и Женя работают в одном гнезде: в первую смену — Женя, во вторую — Светлана, в третью — Фаина. Встречались только во время пересменки.

Знали они друг друга? И да и нет... Дружили? Кажется, не ссорились, делить-то вроде нечего...

— Привет! — бывало, улыбнется одна, надевая фартук.

— Пока,—ответит усталая сменщица, снимая фартук.

Снова пущены станки, снова грохот сотрясает цех — это заступила новая смена, у нее своя жизнь, своя дорога к плану. Как работала ткачиха до нее, о чем думала, над чем билась, этого ее сменщица не знала. А знать, оказывается, надо. Было о чем задуматься втроем: разным людям из разных смен надо было перешагнуть через их межи.

Вот и рассказала Светлана комсомольцам, что хотя их десятая бригада и носит звание коммунистической и норму выработки ткачихи выполняют, но как? Вразнобой. А ведь все трое окончили одно ФЗУ, работают в одном гнезде, значит, на одних станках. Все станки заправлены, как говорят на фабрике, одной и той же тканью — плательной, артикул 621... А выработка? У Светланы — 102 процента, у Фаины — 106, у Жени одно время и ста не набегало... А если бы все до 106 дотянули, сколько бы еще сдали ткани! Ведь каждый процент — это пятьсот метров.

Художница Таня Иванова

И заговорили девушки, поднялись ткачихи:

— Не по совести некоторые смену сдают.

— Сменщица знает неполадки станка и промолчит. Дескать, пусть и другая помучается...

— У нее в ночную кромки перекрестятся, а я потом шейся с ними!..

— У нее маршрут свой, а мне про то ни слова...

Светлана, Фаина и Женя договорились передавать смену не на бегу, а по-человечески, по-дружески, по совести.

— Меня не убудет, если я расскажу Фаине о своем маршруте,— сказала Женя.

— А я вам, девчонки, покажу, как быстрее нити связывать,— ответила Фаина.

— Давайте будем и учителями и учениками сразу! Чтоб каждой смене отлично работать,— резюмировала Светлана.

И трое по-новому взглянули в глаза друг дружке.

Отныне трое были не просто ткачихами из разных смен, а членами одной команды, которая изо дня в день несет свою эстафету.

— Молодцы, девчонки! — воскликнула Люся Васина из девятнадцатой бригады, узнав про новшество.— Очень правильно сделали, очень! Наше гнездо — за!..

— Дело даже не в подвохах, а в том, что важно в ритм работы войти,— поддержала молодых опытная ткачиха Меркулова.— Сколько, бывало, времени пройдет, пока в дело втянешься! А тут вроде все гнездо из рук в руки получаешь, прямо на ходу...

Предложение трех комсомолок с Трехгорки вскоре обсудили на заседании Краснопресненского райкома комсомола. И на том же заседании райком рекомендовал Светлану Василенко в партию. Светлана готовилась к этому дню, готовилась по-настоящему, думая о том, с чем она встанет в ряды партии!..

И вот минуло два месяца. Начинание девушек из десятой бригады дало жизнь большому движению: «Каждой смене работать отлично!» И прежде были на комбинате передовики. Но говоря

← Ткачиха в царстве художников. Здесь трудно оставаться объективным...

...акатчик Толя Балашов.

По-новому взглянула теперь на станок Женя...

...и Фаина тоже.

языком астрономов, все это были звезды разной величины. Теперь накал их выравнялся. Теперь в гнезде Светланы Василенко частенько можно видеть картину, которой не могло быть раньше: над станком склонились три девичьи головы. Когда Женя сдает смену Фаине, она не спешит побыстрее протопать каблучками из цеха, а сразу вводит подругу в курс всех событий, происшедших за смену в жизни гнезда. А когда есть свободный от учения день, сюда приходит еще и Светлана: «Ну как, девочки?.. Сегодня не шились»?

Ум хорошо, а два лучше — так говорили издавна. Девчонки с Трехгорки внесли поправку: три лучше! Да, три лучше! Теперь норма выработки в гнезде выполняется подругами на 107—108 процентов. Разрыв сократился до одного процента, а в иные месяцы — до десятых долей процента!

Для работы по-новому требуется если не полное родство душ, то хотя бы единодушное понимание общей цели — работать только отлично! Требуется единство взглядов на свой труд, свою роль в жизни цеха, фабрики, страны. Ткань дают не отдельные ткачихи, пусть и герои труда, не отдельные рационализаторы, а все гнезда, все цеха, весь комбинат. В это общее наступление и поднял фабрику порыв трех девушек из десятой бригады.

Они были знакомы—стали подругами. Заболела Женя — ее разыскала и навестила Светлана, ткачиха из другой смены. Фаина получила письмо — прочла его Жене и Светлане. Светлана пошла в десятый класс вечерней школы и подбила Фаину и Женю на то, чтобы они обязательно пошли в восьмой! И те пошли. И все трое учатся теперь, все трое открывают друг в друге все больше и больше интересного, поучительного, близкого. Так и должно было случиться. Такие не могли не подружиться. Ведь они сошлись в главном — нельзя отбывать смену, надо ее каждый раз отработать на отлично, нельзя наплевательски относиться к сменщице — надо передать ей эстафету, максимально облегчить ей труд, а завтра от нее получить станки на ходу, по совести.

Причина успехов трех сменщиц и их последователей на комбинате (а таких уже более двух тысяч!) таится не столько в мускульных усилиях, в отработке каждой производственной операции, сколько в силе нравственной, «мобилизованной и призванной» на борьбу за количество и качество продукции. Заразителен хороший пример. Руки протянули друг другу не только ткачихи, крутильщицы разных смен, но и люди смежных, а подчас и вовсе разных профессий.

Как дела у художников, как выглядит ткань новой расцветки? В общем-то, ткачихе, казалось бы, нет дела до этого. Есть, трижды есть! Оказывается, эти вопросы волнуют ее, не дают ей уйти домой сразу же после гудка. И вот отнюдь не любопытство, а профессиональная, наконец, просто человеческая заинтересованность гонят Светлану и Женю в ассортиментный кабинет. Художники, обогащенные за лето эскизами цветов и орнаментов Прибалтики, Закавказья, бьются над новыми образцами тканей. Ткачих встречают по-дружески, с тайной гордостью и открытой благодарностью за внимание. В тот день перед художниками рядится в новую ткань не манекен и даже не манекенщица, а ткачиха — товарищ по труду, горячо заинтересованный в продукции только отличного качества.

Эстафета передается дальше. И вот уже художница Таня Иванова появляется в граверной, идет к накатчикам, которые переносят рисунки, рожденные ее фантазией и кистью, на металл. Еще недавно, работая годами по соседству, художники и граверы не знали дорогу друг к другу. Теперь художник Таня Иванова и один из лучших накатчиков, Толя Балашов, нашли общий язык.

Новое движение — это в духе только что принятой Программы коммунистического строительства.

...Они по-прежнему бегают в разные смены — Светлана Василенко, Женя и Фаина. А работают они теперь, можно сказать, вместе! Спелись девушки! И тысячи знакомых и незнакомых им людей подхватили их новую песню.

Светлана передает Герману Титову подарок от ткачих.

Наука в большом походе

Лауреат Ленинской премии
Х. АБДУЛЛАЕВ,
президент Академии наук Узбекской ССР

Анализируя итоги Всероссийской переписи, журнал «Вестник воспитания» подсчитал, что при тогдашних, дореволюционных, темпах роста народного образования понадобилось бы 4 600 (!) лет, чтобы уничтожить поголовную неграмотность населения Средней Азии.

С горечью вспоминаем мы сегодня это время — потрясающее свидетельство беспросветной жизни многих народов нашей страны.

С гордостью называем мы ныне иные цифры.

В Советском Узбекистане — бывшей колонии царской империи — 30 вузов, 220 докторов наук и свыше 2 400 кандидатов наук. Из каждых 10 тысяч жителей республики 81 имеет высшее образование — в два раза больше, чем в таком передовом капиталистическом государстве, как Франция.

По роду работы мне приходится сталкиваться с иностранными коллегами — учеными Англии, США, азиатских стран. Люди иного мира, они часто спрашивают:

— Как это вам удалось? Создать на пустом месте национальную академию? Воспитать целые научные школы из местных ученых — хлопководов, химиков, геологов? Сделать в просвещении и науке то, на что обычно уходит не сорок лет, а века? В чем секрет столь стремительного и плодотворного развития вашей науки?

На все эти вопросы отвечает одно слово: Октябрь.

Октябрьская революция создала условия для расцвета науки. Ее развитие и внедрение научных достижений в народное хозяйство всегда были, есть и будут предметом особой заботы нашей партии. Взлет советского человека в космос — это взлет мысли и творческой энергии всего народа и прежде всего ученых и инженеров, выращенных и воспитанных партией.

Перед каждым из нас в эти дни лежит небольшая книжечка — Программа КПСС. Она стала для нас добрым другом, наставником и советчиком. Общение с ней рождает целый мир ответных мыслей и настроений. Читая рассказ о нашем будущем, я думаю о сегодняшнем и завтрашнем дне науки, о ее задачах и конкретных путях развития.

«Применение науки становится решающим фактором могучего роста производительных сил общества» — как это верно сказано!

Да, роль науки в нашей жизни, ее проникновение в самые дальние уголки нашего хозяйства и даже быта растут с неимоверной быстротой. Наука все более делается непосредственной производительной силой. Какую бы область мы ни взяли, везде мы увидим укрепление позиций науки. Связь ее с производством всегда была залогом успешного развития экономики. Разве можно, например, рассчитывать на серьезный подъем сельского хозяйства, не подкрепив его новейшими достижениями биологии и химии? Или осуществить комплексную автоматизацию без применения кибернетики и электроники? Или двинуть вперед горнорудную промышленность, не поддержав ее движение необходимыми геологическими исследованиями?

Но сегодня речь должна идти не просто о связи теории и практики, а об их взаимном влиянии и слиянии. Образно говоря, практикам теперь все чаще придется садиться за стол исследователя, а ученым надевать рабочий комбинезон. И тем и другим предстоит развивать науку сообща.

Время рождает новые формы взаимоотношений науки и производства. В Узбекистане сейчас создается сто двадцатое научное учреждение — институт использования топлива. Он будет подчинен одновременно и производственникам и ученым — совнархозу и Академии наук республики. Академический институт химии создал экспериментальный цех на Чирчикском электрохимическом комбинате, свои лаборатории на заводе твердых сплавов и других предприятиях.

Практическая жилка у науки проявляется все ярче. Возьмем «проблему № 1» для Узбекистана — хлопководство. Площади под этой важнейшей технической культурой непрерывно растут. Собирать урожаи хлопка вовремя и без потерь — дело хлопотное и трудоемкое, а на огромной территории просто невозможное: не хватает рабочих рук. Потребовались хлопкоуборочные машины. Они были созданы. Сотни комбайнов уже трудятся на полях республики. Конструкторы Узбекистана совместно с заводом «Ташсельмаш» разработали новые, более совершенные типы машин. Сейчас они проходят испытания.

Известно, что коробочки хлопчатника созревают в разное время. Мешают уборке и листья. Удалив их перед уборкой, можно ускорить созревание коробочек. Вручную это сделать немыслимо. Выручили химики. Теоретические работы узбекских ученых позволили создать новые химические препараты, которые ускоряют опадение листьев и раскрытие хлопковых коробочек. Их широкое применение открыло дорогу на поля машине, заменяющей 30 сборщиков хлопка.

Усиление роли науки как непосредственной производительной силы особенно заметно в новых отраслях знания. На стыке старых, на первый взгляд довольно далеких друг от друга наук возникают новейшие направления. Именно здесь, на гранях, казалось бы, хорошо развитых наук, рождаются открытия, захватывающие своей новизной и неожиданностью. Я не буду останавливаться на успехах астромедицины, возникшей в наше время на основе двух древнейших отраслей знания,— они хорошо известны всему миру. Возьмем радиационную химию. Вмешательство ядерной физики в давно известные технологические процессы родило новые схемы химического производства, придало новые свойства старым материалам.

А кибернетика? Ее применение в экономике, математической статистике, медицине, генетике уже дает поразительные результаты. Слияние и взаимопроникновение этих наук позволят улучшить планирование, ускорить исследования и проектирование в десятки, сотни, тысячи раз! Миллионы умов и рабочих рук будут высвобождены для творчества и созидания благодаря вычислительной технике.

Взаимопроникновение наук, использование достижений математики, физики и химии в естествознании, технике и других отраслях знания резко возрастет в предстоящий период, откроет новые перспективы.

Бурное развитие современной науки вызывает к жизни новые производительные силы. Благодаря детальным исследованиям наших ученых в хозяйственный оборот вовлекаются новые географические пространства, создаются новые экономические комплексы.

В новых условиях особую остроту приобретают вопросы комплексирования, координации и взаимопомощи. Успех дела всегда зависит от того, насколько дружно будут трудиться над решением важнейших проблем ученые и практики разных союзных республик, различных экономических районов.

Работы геологов, ботаников, почвоведов Казахской, Узбекской и других республик Средней Азии совершили переворот в нашем представлении о пустыне. До последнего времени на нее смотрели только как на район каракулеводства. Теперь в Кызылкумах и других песках найдены газ, нефть и еще ряд полезных ископаемых. Гидрогеологи Средней Азии и Казахстана установили большие запасы подземных вод в пустыне. Голодностепский подземный резервуар имеет объем в 170 тысяч кубических километров. Это два с половиной годовых стока Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи!

Открытие воды в пустыне — факт огромного научного и хозяйственного значения. Здесь, под южным солнцем, каждый гектар орошаемой земли может дать в 5 раз больше продукции, чем, скажем, в средней полосе страны. А освоить в Узбекистане намечается около 2,5 миллиона гектаров пустынных земель! Освоить, окупив затраты через три года.

Ирригация — путь к изобилию, путь к созданию устойчивого, не зависящего от капризов стихии сельского хозяйства. Но не только земледелие обретет в пустыне благодатную почву, когда придет вода. Она позволит развернуть здесь строительство тепловых электростанций, предприятий химической, горнорудной и других отраслей промышленности.

Создание новых заводов, рудников, каналов, энергетических узлов — словом, всего, что укрепляет материально-техническую базу коммунизма, требует невиданных капиталовложений. Использовать их наиболее разумно и экономно, добившись максимального результата и выигрыша времени,— значит приблизить Коммунистическое Завтра.

Какой мы оставим потомкам нашу Землю? Что́ мы оставим будущему? Меня, как геолога, эта проблема особенно волнует. Земля — со всеми ее несметными наземными, подземными и водными богатствами — у нас одна. Поэтому мы должны использовать их и тратить тоже разумно и экономно, не разбазаривая свою сокровищницу.

«Прогресс науки и техники в условиях социалистической системы хозяйства позволяет наиболее эффективно использовать богатства и силы природы в интересах народа, открывать новые виды энергии и создавать новые материалы, разрабатывать методы воздействия на климатические условия, овладевать космическим пространством». Когда вдумываешься в это положение Программы КПСС, невольно окидываешь взглядом то, что уже сделано, подготовлено, накоплено наукой.

Солнечные батареи, синтетическая пленка, атомная энергия, пластобетон, геохимическая разведка, полупроводники... Новые материалы, новые виды энергии, новые методы исследований... Они уже завоевали прочные позиции в науке, но еще не проникли во все поры советской действительности. Ближайшие два десятилетия будут временем их победного шествия, временем новых открытий и достижений.

Количество этих открытий уже и сегодня столь велико, что неизбежно проникаешься ощущением того качественного скачка, который предстоит совершить нашей науке на пути к коммунизму.

На обороте вкладки:
А. Семенов. ТРАКТОРИСТЫ — ПОРТРЕТ ЗНАТНОГО МЕХАНИЗАТОРА КОЛХОЗА «ПОБЕДА» ПЕТРОВСКОГО РАЙОНА тов. ТОКАРЕВА.
Харьковский государственный художественный институт.

А. Туранский. АРСЕНАЛЬЦЫ.
Киевский государственный художественный институт.

ДЕВЯТАЯ ВСЕСОЮЗНАЯ ВЫСТАВКА ДИПЛОМНЫХ РАБОТ СТУДЕНТОВ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ВУЗОВ СССР. 1961 ГОД.

Б. Бельтюков. ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ.
Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина. Ленинград.

Восемь неизвестных

Илья КОТЕНКО **Невыдуманная история** **Рисунки А. ЛУРЬЕ.**

Я никогда не писал приключенческих повестей. Не думал, что и эта повесть, имеющая непосредственное отношение к сельскому хозяйству, может хоть в какой-то степени стать приключенческой. Больше того, о событиях, о которых пойдет речь, я начал уже писать повесть, обыкновенную, без всяких признаков детектива повесть, в которой хотел рассказать о судьбе интересного человека, о людях, с которыми он встречался, и событиях, связанных с его жизнью.

Но эту спокойную повесть пришлось отложить, так как неожиданный поток событий и фактов обрушился на меня и на всех остальных, имеющих отношение к этой истории.

Что же касается самой истории, то теперь, когда все прояснилось и стало на свое место, можно только удивляться: до чего же просто все в ней отгадывалось! Но тогда, когда события только начинали разворачиваться, она, эта история, превратилась в какую-то невероятно сложную задачу, в которой было по крайней мере восемь неизвестных. Раскрыть их было не так-то просто: этому мешали и большие расстояния, отделявшие друг от друга основных действующих лиц, и летнее время — время отпусков, командировок, полевых работ,— словом, время, когда трудно отыскать человека дома или на своем обычном рабочем месте.

Так или иначе, а на одном и том же материале сложилась другая повесть...

Почему же это случилось? И о чем пойдет речь?

Первые сведения о героине

В августе над Москвой бушевали ливни. Машины шли по улицам, как торпедные катера, отбрасывая в стороны мутные буруны. Прохожие жались к стенам домов, толпились у витрин под навесами, забивали проходы в магазинах. На песчаных дорожках бульваров валялись сбитые дождями тополевые ветки.

В жизнь города эти ливни не внесли особых изменений. Разве только чуть быстрее стали вваливаться в заводские проходные потоки рабочих, да девчата, сняв в трамваях босоножки, спрятав их под плащи, бегом одолевали мокрый асфальт перед своими фабриками. У Дома Союзов останавливались автобусы, и делегаты Всемирного форума молодежи, поеживаясь под дождем, поспешно ныряли в тяжелые гранитные подъезды. Экскурсанты ходили по Кремлю с потемневшими спинами, прямо на свое отражение в аэродромных дорожках садились самолеты, и безропотно несли свою вахту на стадионах болельщики, укрывшись плащами и газетами.

А по вечерам тысячи мокрых зонтов, отражая в себе зеленые, красные, желтые огни реклам и светофоров, плыли по тротуарам, свертывались и исчезали в подъездах театров, кино и станциях метрополитена. Горели окна цехов. Подходили к перронам поезда дальнего следования. Разрезая молочным светом подмосковные леса, мчались электрички.

И весь этот огромный мир, наполненный трудом, движением, простыми и сложными оттенками человеческих характеров и судеб, любовью и горем, отдохновением и заботами, врывался вместе с напоенным дождями воздухом на этажи огромного здания комбината «Правда».

Тот, кого судьба единожды ввела под своды редакции и сделала полноправным участником этой трудной, беспокойной и суровой жизни, уже никогда не изменит ей. Все в ней дорого: и задушевные беседы в коридорах, как будто бы случайные и не нужные с точки зрения административного порядка, но в которых рождаются подчас самые интересные темы и образы; и шумные летучки, на которых хвалят от души и судят беспощадно; и полночные бдения, когда давно уже спит наработавшийся город, а ты не в силах оторваться от любимого дела. Мил сердцу и запах краски на только что оттиснутой и поднятой из типографии газетной полосе, и постукивание телетайпа, несущего самые последние новости, и голоса далеких городов в кабинках стенографисток.

Говорят, что нет более прекрасного чувства, чем чувство первооткрывателя. Оно знакомо изобретателю, после долгих мук и поисков нашедшему нужное решение; и астроному, открывшему в созвездиях миров новую звезду; и селекционеру, вырастившему невиданный доселе плод; и геологу-разведчику, указавшему на карте, где в таежных буреломах скрывается под землей дорогой металл. Чувство первооткрывателя всегда, каждый день живет в душе журналиста. Это особенность его работы, его обязанность, его каждодневное состояние.

Еще спит город, ничего не зная, что происходит в мире, а газетчик уже прочел новое постановление правительства и последние сообщения из-за рубежа; еще никто не знает о событии, происшедшем в снегах Памира или на пароходе, пересекающем Индийский океан, а газетчик уже «висит на проводе», пробиваясь к месту происшествия; еще никто не слыхал фамилии человека, совершившего подвиг, а газетчик уже роется в справочниках, исследует карту, высчитывая, сколько километров и как ему лететь, плыть, ехать до того далекого места, где живет этот человек, которого ему предстоит «открыть», о котором нужно рассказать всей стране.

Пусть не покажется лишним это несколько лирическое отступление о журналистах: оно имеет самое непосредственное отношение к истории, о которой пойдет речь.

Итак, в один из мокрых августовских дней, когда над комбинатом «Правда» полыхали молнии и за минуту, положенную, чтобы добежать от машины до подъезда, человек намокал до нитки, я поднимался в лифте на шестой этаж, где располагалась знакомая мне редакция. Со мной в кабине поднималась на тот же этаж девушка, у ног которой лежали два мешка с письмами, пришедшими в редакцию. На остановке она с трудом выволокла их из лифта, и я помог ей дотащить мешки до отдела писем.

Не знаю, в этих ли мешках находилось то письмо, от которого, собственно говоря, и начали разворачиваться все события, но впоследствии я не раз вспоминал эти почтовые мешки и хорошо ощущал их немалую тяжесть.

Жизнь в редакции шла своим чередом. В коридоре встретились товарищи: кто-то из них вернулся из Африки и рассказывал, как охотятся на слонов, кто-то улетал на восток и советовался, брать ли что-нибудь из теплых вещичек. Так или иначе, а в сельскохозяйственный отдел я добрался не так уж скоро.

Это был, пожалуй, единственный отдел, в котором люди не могли мириться с тем, что происходило сейчас в природе. В южных областях уже вовсю шла уборка, фронт полевых работ стремительно передвигался на север. Сотни молодых трактористов, комбайнеров, лафетчиков успешно начали выполнять свои обязательства по сбору высокого урожая. Как там у них сейчас дела? Такие же, как в Москве, ливни? Здорово ли они мешают уборке? Как дела у животноводов? В каком состоянии кукуруза, свекла, бобы?

На минуту оторвавшись от телефона, заведующий отделом, мой старый товарищ, с хитринкой посмотрев на меня, спросил:

— Хочешь подарок? На, читай! Только что получили...

Он протянул мне конверт, а в нем несколько соединенных скрепкой листков. На первом из них со штампом ответственного секретаря одной заволжской районной газеты было написано следующее:

«Уважаемые коллеги!

Наша редакция обменивается газетами с рядом редакций нашей области. И вот в газете «Трудовое знамя» (№ 83 за 14 июля 1961 года) наше внимание привлекла зарисовка «Из молодых, да ранняя». Написана она, конечно, неважно, да и заголовок неудачный, но обратите внимание на факты: молодая доярка В. Смирнова имеет четыре ордена, учится на 5-м курсе сельскохозяйственного института!

Вот это будет настоящий специалист. Хочется, чтобы об этой героине знали все, и мы просим вашего корреспондента написать очерк о Вале Смирновой. Если бы эта замечательная девушка жила и трудилась в нашем районе, мы бы, конечно, написали сами.

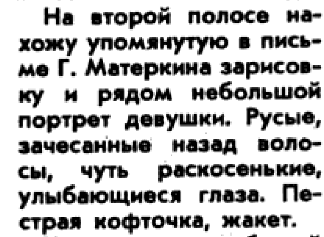
С приветом

Г. Материн».

Я пробежал эти строки еще раз. Факт, несомненно, интересный: доярка, студентка пятого курса, четыре ордена! Впрочем, если не считать орденов, ничего особенного в этом письме не было: сколько у нас доярок учится и в техникумах и в институтах! В знакомых мне станицах на Кубани девчата, окончившие десять классов и работающие свинарками, телятницами, птичницами, и не мыслят себе дальнейшую жизнь без институтов, а, говорят, на Украине есть молодежные фермы, где все доярки ходят в студентках.

— Ну как? Ничего фактец? — спросил заведующий отделом, прикрывая ладонью телефонную трубку.— Девчонка — и уже четыре ордена. Да ты прочти, что о ней пишут...

К письму была приколота двухстраничная газета «Трудовое знамя» за 14 июля 1961 года. На второй полосе нахожу упомянутую в письме Г. Матеркина зарисовку и рядом небольшой портрет девушки. Русые, зачесанные назад волосы, чуть раскосенькие, улыбающиеся глаза. Пестрая кофточка, жакет.



Читаю рассказ об этой девушке от заголовка «Из молодых, да ранняя» до подписи автора: «Я. Гришин».

Ничем особым начало этой зарисовки не отличалось. Сельхозинститут. Распределение на практику. Сожаление героини по поводу того, что не едет она в свой бабановский колхоз «Родина», в связи с этим воспоминания о детстве и первых годах работы на ферме. Ничего особенного не было и в том, что Валя начала работать на ферме с двенадцати лет. Тысячи доярок именно так и начинали свой рабочий путь — с детских лет, рядом с матерью, у телят и коров. Сначала это походило на забаву, игру. Затем появлялось увлечение, а с ним и опыт. А когда подходили годы и вставал извечный вопрос, кем быть, какой избрать путь, решать-то, по существу, было нечего: любимое тобой и уважаемое людьми дело было уже в руках.

Дальше зарисовка повествовала о более существенных фактах:

«В 1953 году на груди четырнадцатилетней доярки появился первый орден. Он был заработан кропотливым, старательным трудом. Тогда молодая колхозница надоила на каждую корову по 2 800 литров молока. А через год надой достиг 4 700 литров. Ей вручили второй орден.

— Удачливая ты,— завидовали подружки, когда Вале Смирновой вручили третий орден за то, что она обеспечила надой молока по 5 700 литров на корову. Это было в 1955 году.

Но самым памятным для девушки был 1957 год. Он летел стремительно и наполнен был большим напряжением, рождал чувства радости. Валя Смирнова удостоилась награждения четвертым орденом, получила аттестат зрелости и готовилась поступить в институт...

В последний год она надоила по 8 900 литров молока на корову, почти каждый год выезжала на Всесоюзную выставку достижений народного хозяйства»...

Как ни говорите, а это все было уже любобытно. А если учесть, что за всем этим мог таиться интересный характер, интересная судьба, тогда совсем могло быть здорово! Но где Смирнова сейчас, куда к ней ехать? Газета и на этот вопрос дала исчерпывающий ответ:

«Станция Каменка. Невдалеке от нее раскинулась совхозная ферма. Невеселое впечатление произвела она на студентку-практикантку Смирнову. С первых шагов начались трудности и неприятности...»

Дальше в заметке рассказывалось, как успешно Валя стала работать в совхозе Каменском сливачом, подменной дояркой, а затем бригадиром дойного гурта. Как организовала на речке Каменке выпасы, оборудовала их, как построила новый водопой.

«Животноводы оценили труды практикантки. Они увидели в ней рачительную хозяйку, умело решающую все вопросы. И если в первое время средний надой по стаду составлял 3—4 литра на корову, то теперь он достиг 8 литров».

Ну что ж, это были уже факты! Смирнова жила и работала, боролась, требовала, настаивала. Видимо, есть у девчонки характер! И я, признаться, размечтался...

Изумительная это работа — создавать в своем воображении незнакомого еще тебе человека. Кто он? Откуда? Его детство, семья. Первая любовь и первые заработанные своими руками деньги. Юношеские мечты и первые столкновения с жизнью. Студенческая жизнь и тот неизвестно когда наступающий день, когда из ученика человек превращается в творца, начинает мыслить самостоятельно, проявляет свою волю, утверждает свое мнение.

Может быть, потому, что над Москвой в эти минуты бушевала гроза, мне виделась Валя Смирнова в мокром, шумящем лесу, над которым полыхали молнии. Повязанная платочком, в стареньком платьице, пробиралась она, спотыкаясь о корневища, к далеким каменским выпасам. А затем маленький огонек в ее комнатке. Полночный час. Склоненная над учебниками русая голова. Сколько их, таких вот молодых, влюбленных в свое дело, в свое призвание девчат живет подобной жизнью во всех краях моей Родины!

Видимо, все эти мои видения не укрылись от взора заведующего отделом.

— Значит, договорились?

— При двух условиях.

— Каких?

— Узнать, где она сейчас, чтобы не ехать напрасно, и проверить, что о ней было напечатано в те годы... Может, даже книги написаны?

Непосвященные в газетную жизнь люди, видимо, и не подозревают, что есть в редакциях работники, которые в любую минуту могут точно сказать, в какую область и район входит тот или иной населенный пункт; сколько километров до него от ближайшей железнодорожной станции; как фамилии, имена и отчества Героев Социалистического Труда, известных летчиков, шахтеров, комбайнеров; что и где о них писалось. В руках этих, как будто бы незаметных в редакционной жизни сотрудников огромный справочный материал, картотеки, опыт, наконец, память.

Пока шли поиски в библиотеке, мы связались с областным городом, где училась Валя. Он пробился в телефонной трубке чуть слышным женским голосом:

— Институт слушает... Кто-кто? Валя Смирнова? Есть, она на практике. В Каменском совхозе... Да... Должна быть там... По графику практика у нее закончилась, но ее задержали. Кто? Дирекция совхоза... Понравилась, значит... До какого числа? Не могу сказать... Алё! Здесь около меня сидят товарищи, они говорят, вчера ее видели в Каменке.

Мы помолчали. Трубка нетерпеливо спросила:

— Алё, Москва! Все, что ли?

Следовало, конечно, дозвониться до Каменского, узнать точнее. А вдруг Валя уехала сегодня?..

— А если и уехала, так что? — пожал плечами мой нетерпеливый товарищ.— Все равно тебе надо побывать в Каменке, посмотреть, где она жила, поговорить с людьми... А там узнаешь, куда уехала, и давай следом за ней... Так что не теряй попусту время...

В тот же день вместе с фотокорреспондентом Сергеем Косыревым я вылетел в заволжские земли.

Одно только меня удивляло: почему никто никогда не писал о Смирновой. Проверка в библиотеке показала, что ни в одном всесоюзном журнале, ни в одной центральной газете никогда ни строчки о ней не было напечатано. Неужели газетчики в то время ее «проворонили»? Ну что ж, тем интереснее «открыть» ее сейчас...

Скромничает или боится!

Мне кажется, что наши советские люди — миллионы командированных, пересекающих каждый день страну во всех направлениях; отпускники, торопящиеся к благословенным берегам отдохновения; матери детей, спокойно засыпающих в своих подвесных кроватках на высоте девяти тысяч метров; влюбленные, для которых тысячекилометровые пространства теперь не преграда; наконец, футбольные болельщики, готовые следовать за своей командой на очередной матч в любой город страны,— еще не сказали нужных, сердечных слов в адрес нашей реактивной транспортной авиации.

Как-то незаметно вошла она в нашу жизнь, перевернув все прежние представления о времени, пространстве и возможностях познания мира. Может, это произошло оттого, что входила она в наш быт в те годы, когда блистательным фейерверком возносились в межзвездное пространство наши спутники, ракеты и космические корабли. И в свете этой славы и фантастики чересчур «приземленными» и обычными были полеты громадных самолетов, впускавших по трапу в свои салоны толпы пассажиров.

Но всякий раз, всматриваясь из иллюминатора «ТУ-104» в клубящуюся подо мной белоснежную, библейски фантастическую громаду облаков, на одном из которых вот-вот, кажется, появится сам бог Саваоф в том виде, в каком его рисуют художники-карикатуристы, я не могу избавиться от чувства преклонения перед теми тысячами неизвестных мне людей, руками которых созданы эти летающие над землей громады.

Обедали мы над Казанью. В разрывах облаков прошла непохожая на реку Волга — широкая, как вытянувшееся озеро, с острыми языками заливов. Потянулись бурые высоты, островки лесов, дымки заводов...

Я не бывал в Заволжье, и мое представление об этой земле складывалось из книжных и газетных сведений, по картинам и рассказам товарищей.

Поэтому когда после трех часов полета мы ступили на землю и пересели в «Победу», а по сторонам замелькали пронизанные уже холодноватым солнцем березовые и сосновые перелески, были полным открытием для меня и огромные квадраты полей, на которых хлопотливо трудились самоходные комбайны, и высокая кукуруза, сквозь которую не в силах были пробиться солнечные лучи, и каменные городки животноводческих ферм, и, наконец, сам областной город — чистый, светлый, многие улицы которого так заросли каштанами и кленами, что не сразу можно было отыскать номер нужного тебе дома.

«Победу» нашу вел шофер Володя Павловский. Поскольку он имеет немалое отношение ко всей этой истории, я скажу несколько слов о нем.

Он, несомненно, принадлежал к тому могучему племени водителей, с какими можно спокойно отправляться в самые отчаянные экспедиции и о которых в годы войны было сказано: «Мы ели все, что бог послал, и пили, что шофер достал». Фронтовик, белорус, оказавшийся после ранения на заволжской земле, он полюбил ее, а главное, знал досконально не

только все ее дороги и дорожки, но и все, что на ней происходило.

— Хотите посмотреть, где наш лучший колхоз? — спросил он, когда мы уже порядком отъехали от областного центра. И через полминуты снова:

— Попить не хотите? Направо пиво есть, налево — колодец...

Когда я предложил остановиться на железнодорожном переезде и узнать, где Каменское и как туда лучше проехать, Володя обиженно спросил:

— А вам, собственно, кого нужно?

— Сначала к директору!

— Ну и все...

Машина перемахнула через лужу у железнодорожного полотна, скользнула по глинистому проселку и, тормозя на выбоинах, минут через десять вкатила во двор большого белого дома.

Центральные усадьбы совхозов, где бы они ни находились: на Украине, на Кубани или здесь, на заволжской земле,— оказывается, удивительно похожи друг на друга. Белые двухэтажные дома, неструганый штакетник, примятые дождями цветы в палисаднике, доска показателей, цементное крылечко и пустой, полутемный коридор со множеством дверей. В которую из них входить? Только стук машинки, как радиокомпас, вывел нас к директорскому кабинету.

Степан Алексеевич Васильев, грузный седеющий человек в синем кителе, разговаривал по телефону, когда мы к нему вошли. Кто-то, видимо, упрямился или не хотел понимать чего-то, и Степан Алексеевич, сдвинув брови, повторял в трубку:

— Дорогу мы будем делать, понимаешь, будем, и тебе надо уже готовиться к этому... готовиться...

Мы представились, сказали, зачем приехали. Степан Алексеевич усмехнулся:

— Смирнова?! А на меня она уже жаловалась?

— Мы еще ее не видели...

— Ну, так пожалуется! — Степан Алексеевич прищурил глаз и почесал пальцем затылок.— Мы тут немного порядок нарушили, задерживаем ее у себя больше положенного. А что делать? На ее место не сразу подберешь человека. Ведь дойный гурт! А она, если заболеет доярка, сама группу раздаивает, искусственное осеменение провести умеет. И все с наукой, со знаниями... А сейчас она на выпасах... Тридцать лет коровы пили воду из речки, а Смирнова провела исследование и говорит: негигиенично. Отыскала родники, насела на нас: «Дайте бульдозер!» — и устроила вполне научную запруду...

— Ну, что ж, она заслуженная, ордена имеет.

— Какие ордена? А-а, это что в газетке!.. Ну, что особенного? Такая может и еще заслужить... Да и не в орденах дело. Я бы ее сейчас же взял в совхоз, стипендию бы платил — кончай институт заочно, а у нас работай...

Мы спросили, как попасть на выпасы. Степан Алексеевич стал объяснять. Но тут вмешался Володя Павловский. Видимо, разговоры о том, как лучше добираться до нужного места, задевали его профессиональную гордость:

— Каменку переезжать?

— Обязательно. И сразу налево.

— Там три дороги...

— Не помню, брат, какая...

— Машины туда ходят?

— Ходят за молоком, корм подвозят.

— Ну и все. Поехали...

И снова дорога. Подъемы, спуски. Деревни по сторонам, железнодорожные переезды, убранные поля, трактора на пашне и леса, то подходящие к самой дороге, то уходящие к горизонту.

После разговора с директором совхоза настроение у нас поднялось. Значит, не напрасно едем! Только Сергея Косырева, державшего на коленях свой потрепанный портфель, забитый фотоаппаратами, беспокоил вопрос: как Смирнова выглядит и есть ли на выпасах электричество на тот случай, если придется снимать в помещении?

Повеселел и Володя. Откинувшись на спинку сиденья, он то и дело спрашивал, не будем ли мы заезжать на новую электрическую станцию («Двадцать два километра влево!»), не хотим ли остановиться у чайной попить компота («Здесь хороший компот варят») и не стоит ли вечерком поехать на рыбалку.

Промелькнули дома районного центра, загремел под колесами бревенчатый настил мостика, с обеих сторон к асфальту подошел строевой, пронизанный солнцем лес. Володя, подавшись вперед, решительно свернул в молодой березняк. Машину то и дело заносило в сторону, едва не ударяя о стволы деревьев, колеса проворачивались, и наконец Володя решительно затормозил, открыл дверцу и, поглядывая вниз, сказал:

— Все... Дальше забиваться не будем...

Я никогда не думал, что так хороши здешние леса! То ли потому, что стоят они на высотах, то ли особенные травы покрывают их глухие опушки, а может быть, где-то в глубинках таятся от людского взора неведомые никому цветы-самоцветы, расточая тончайший и волнующий аромат, но так или иначе, когда мы вышли из машины и стали пробираться вдоль разъезженной грузовиками просеки, нам показалось, что мы окунулись в прозрачный, легкий воздушный океан, наполненный хвоей, цветами и солнцем. И совсем колдовскими показались неширокая речка в опушке зеленых кустарников и рубленый дом, возле которого на бревнах сидели женщины в черных халатах, и избушка, вросшая своим единственным окном в землю, и длинные навесы, огороженные березовыми жердями, и открывающиеся за ними луговые покосы.

Женщины, заметив нас, прекратили разговор и ожидали, когда мы подойдем.

— Можно видеть Валю Смирнову?

— Она в избе... Позвать?

Высокая, повязанная по самые брови белой косынкой женщина поднялась и, повернувшись к дому, крикнула:

— Сашка, покличь бригадиршу!..

Стоявший на крыльце крохотный мальчуган в белой рубашонке и длинных, по самые пятки, штанах, секунду смотрел на нас, затем повернулся и исчез в дверях.

Женщина снова села на бревна и разгладила на коленях большой белый лист.

— Вот, товарищи, не знаем, кто вы такие,— сидим мы, значит, и сами про себя читаем...

— Что именно?

— «Боевой листок»... Из совхоза привезли...

Это была одна из тех скромных и подчас неприметных стенных газет, которые можно встретить на полевых станах и животноводческих фермах, в вагончиках трактористов и ремонтных мастерских, в правлениях колхозов и на досках объявлений. Их называют по-разному: «Молнией», «Сигналом», «Голосом колхозника» и «Последними известиями». В данном случае она называлась «Листок трудовой славы». Но почему-то везде и всегда народ называет их «боевыми листками». Видно, таится в них и славная фронтовая традиция, и немалая взрывная сила, будоражащая душу, и вольноевольное в наше беспокойное время сравнение труда с воинским подвигом.

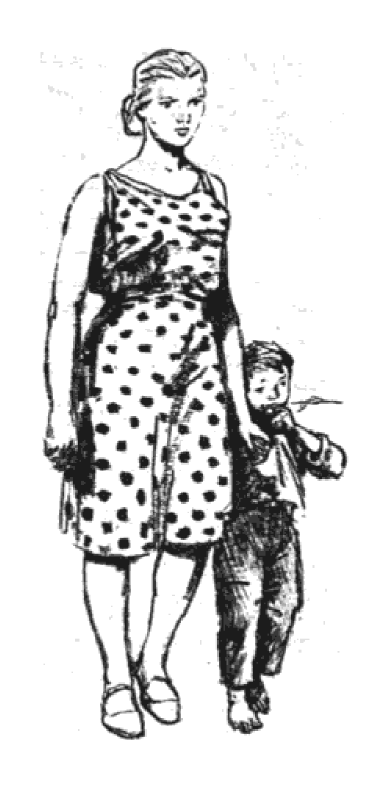
На листке крупными буквами было написано:

«Единым благородным порывом охвачен сейчас советский народ. У каждого в душе одно стремление: достойно встретить XXII съезд родной Коммунистической партии.

В нашем совхозе достойно отвечают на призыв партии трудовыми высокими показателями следующие товарищи...»

(Дальше шли фамилии передовых доярок, пастухов, телятниц. И среди них — фамилия Вали.)

Ну, что же, еще, значит, одно упоминание о Вале, еще одно признание ее хорошей работы.



— Кто меня спрашивал?

Мы подняли головы. Перед нами стояла, держа за руку белоголового Сашку, рослая, широкая в плечах и, видимо, по-мальчишески сильная девушка. Белое, в горошинках платье открывало ее смуглые, загорелые руки и исцарапанные до самых колен ноги, обутые в стоптанные парусиновые туфли. Голубые, чуть приподнятые к вискам глаза таили любопытство и настороженность.

В первое мгновение я никак не подумал, что это Смирнова: так она была непохожа на свой портрет в районной газете,— и только русые, зачесанные назад волосы, чуть трогаемые ветром, напоминали что-то знакомое.

Мы поздоровались, сказали, зачем приехали. Сергей вытащил из портфеля аппараты и пошел вокруг нас, прицеливаясь объективом.

— А откуда вы узнали про меня? — сердито и недружелюбно спросила Смирнова.

Я показал районную газету с ее портретом. Она опустила глаза.

— И хватит... Больше про меня не надо писать...

— Почему? В институте тебя хвалят, в совхозе тоже...

— Кто ж это меня в совхозе хвалит? Директор? — Валя неопределенно хмыкнула.— Удивительно! А не жаловался?

Она подняла голову, к чему-то прислушиваясь. Где-то за деревьями послышалось мерное позванивание колокольцев, Валя отпустила Сашкину руку.

— Ну вот, товарищи, извините, конечно: стадо на дойку идет... Если будете ожидать, так я расскажу, если про институт или про безобразия в совхозе, так я расскажу. А если про себя, так про себя я не буду ничего говорить... Лучше и не ждите!..

Что-то мне понравилось и одновременно насторожило в ее словах. Скромничает она или боится? Но что ее может пугать, чего она может бояться?

Появление первого неизвестного

Два дня провели мы на лесных выпасах, разговаривали с доярками, пастухами, подружились с маленьким Сашкой. Дед, с которым Валя отыскала родники, бригадный сторож Осип Васильевич Черновский, узнав, что мы собираемся писать о Смирновой, согласно кивнул головой: «Справедливо... Тридцать лет тут живу, восемнадцать бригадиров пережил, такого не видал порядку, как при ней...»

Мы ходили по лугам, любовались закатами, наблюдали за дойкой, и постепенно Валя Смирнова, словно привыкая к нам, начала понемногу рассказывать о себе. В мою записную книжку этот рассказ ложится совсем не в ло-

гической последовательности, скорее, наоборот. Начинался он с сегодняшних дней и уходил назад, к детским годам, и представлял собой довольно пестрый калейдоскоп из отдельных фраз, воспоминаний, заметок. Туда же попадало все увиденное и услышанное мною, могущее представить интерес для работы над повестью.

Вот эти записи:

«Приехала в совхоз 14 апреля. Второе отделение — 111 дойных коров, 13 нетелей, 276 молодняка.

Не было дисциплины, несвоевременно доили. Беспорядок. Возили опилки, сваливали кучами. Заставила равнять.

Плохо с кормами. Была старая силосная яма, все думали, что силос погиб. Надела стеганку, два дня сама копала. Внизу хороший силос.

Заболела доярка Маликова — доила группу ее коров. По ночам плакала. Ферма работала плохо. Начали с простого: приходили в четыре, доили в определенные часы.

От шоссе до выпасов не проходили машины. Болотце. Требовала сделать настил. Первое столкновение с директором.

Второе — по поводу родников. Не давали бульдозер. Случайно встретила инструктора обкома партии. Тот — в райком. Приезжает управляющий Пономарев. Говорит: «Что ты наделала?» «А ничего я не наделала». «Зачем пожаловалась?» «А ничего я не жаловалась. Меня спросили, я сказала». Через два дня пришел бульдозер.

Третий конфликт — пункт для осеменения. Построили.

Четвертый конфликт — подвесная дорога для подвозки силоса. Сама за ней ездила в область».

«Пришло стадо. Забегали, размахивая руками, доярки. Загоняли коров под навес. Валя первая бросилась к ним: «Э-э, хитрая!» Коровы позванивают колокольцами (боталами). Стоят ребятишки, смотрят, как матери доят.

Говорят дети: «Большая стенка открылась» (ворота), «маленький коровенок»!»

«Сторож Черновский, его жена Анна Егоровна. Спрашиваю, что делают здесь зимой: снега, морозы. Она отвечает: «Работаем помаленьку. Скучно станет, винца купим...»

«Заболевшего пастуха Авраменко заменяет его сын Виктор. Перешел в десятый класс. Работать пастухом не нравится. «Люблю футбол, а здесь, как дохлый, ползешь за стадом». Говорит, что для этой должности нужна задумчивость».

«Клички коров: «Лазурка», «Живка», «Травка», «Потеха», «Янтарка», «Тонная», «Криворожка», «Свирель», «Сфинкс», «Музейка», «Температура», «Симметрия», «Динама», «Феба», «Сотка», «Лазейка», «Тюлька», «Осинка». Названия дают организованно: для каждого года — определенная буква. Сейчас идет буква «С», а родившегося недавно бычка Валя своею властью назвала «Зорька». Почему нарушение? «Уж больно хорошая заря была, когда он народился, чистая, розовая и такая тихая...» Кажется, она романтик! Спросил, не ведет ли дневник. Ответила сердито: «Некогда!» «А мечтать приходится?» «По ночам, когда реву».

Почему так часто говорит о слезах? По виду непохоже, что слабая. Может, какая-нибудь любовная история? Спрашиваю: «Замужем?» Отвечает: «Нет, и не была». Умолкаю. Дальше расспрашивать на эту тему уже неосторожно».

«Прошу показать фотографии детских лет. Достает альбом неохотно. Рослая, угловатая девочка, пятнадцать лет. На другой фотографии: вместе с подругой — в одинаковых платьях. Еще одна карточка, уже перед отъездом в институт: круглое белое лицо. О таких говорят: «Молоком умывается, сметаной помадится».

Так незаметно — это было уже на второй день нашего пребывания на выпасах — мы добрались до детских лет. Для краткости я снова вернусь к своей записной книжке.

«Акимовка — «выселки». Дед первый поселился. Дралась с ребятами. Училась в школе. Любимая учительница — Екатерина Васильевна Валейкина. Тогда еще молодая. Платья шила, учила работать на пришкольном участке.

С пяти лет ходила к матери на ферму. «Уже тогда было влечение к животным. Сижу около теленочка, вымою его, чтоб красивый был».

«В семье у нее что-то не ладилось. Между отцом и матерью».

«Ольга — сестра — окончила училище, стала работать в Бабанове фельдшером-акушеркой. От нее письмо в 1952 году. Приглашает к себе. Осенью покинули Акимовку и поехали к Ольге: мать, я и брат Николай.

Первый раз увидела поезд. Тоннели, мосты.

Стали жить у сестры. Мать — в колхозе «Родина», дояркой. Мать болеет. Учусь в вечерней школе, дою группу коров, которую доила мать. Трудно. По триста ведер воды за день носила с речки. Сутками не выходила из фермы. Бригадир Ланских Валентин Иванович доволен. Председатель колхоза Булатов Иван Петрович хвалил на собрании.

Начали строить свой собственный большой дом...»

В этом месте ее рассказа я отложил в сторону записную книжку и спросил:

— В этом году тебя наградили?

— Да.

— За что?

— В газетке об этом сказано...— Она наклонила голову и стукнула кулаком по колену.— И вообще не надо об этом... Не надо.

— Опять ты за свое... Пойми же, это интересно для всех.

Она упрямо молчала. И я сдался:

— Ладно... Не буду об этом спрашивать... Только скажи последнее: в газетке все правильно написано? Надои, года?

— Да!

— А где ты ордена держишь?

— Нигде.

— Не понимаю.

— А чего понимать? Нет у меня их...

— Как так нет? Куда же они девались?

— Сгорели.

— Что ты говоришь: где сгорели?

— Дом сгорел... Все сгорело.

— Где? В Бабанове?

— Да...

Она опустила голову и замолчала. Наконец-то я понял, почему Вале так нелегко было говорить об орденах... Потерять такие награды — дело нешуточное! Поди их теперь восстанови... Может, поэтому и по ночам она плачет?!

— Когда же это произошло?

— Недавно...

— Ездила туда?

— Да.

— И ничего не нашла?

— Нет.

Это неожиданное признание больше всех опечалило Сергея Косырева.

— А я думал тебя около этого крылечка с орденами снять.— И, видя, что Валя еще ниже наклонила голову и, видимо, готова была вот-вот заплакать, заторопился успокоить: — Ну, ничего, мы тебя еще в институте снимем. В аудитории или лаборатории... Сможешь с нами поехать в институт?

— Меня сегодня вызывали туда...

— Ну вот и хорошо... Не возражаешь ехать с нами?..

Она тяжело, с всхлипом вздохнула:

— Да что уж теперь?! Все равно...

И снова дорога! Только на этот раз в машине нас четверо. Валя сидит рядом с Володей. Настроение у нее улучшилось. Говорим об институтской жизни. Подробно, с какой-то детской влюбленностью рассказывает о педагогах и институтских товарищах.

И здесь я снова вернусь к записной книжке.

«57-й год. Поступила на заочное отделение сельскохозяйственного института. Зимняя сессия. На 4. Предложили перейти на очное. Живет в общежитии, 2-й корпус».

«В первые месяцы учебы снились коровы. Раньше книги для нее были развлечением, сейчас читать — основное занятие. Чувствовала себя неудобно, словно бездельничала. Плохо — по-немецки. Сутками пыхтела. Думала бросить и уехать. Много занималась дополнительно. Сдала на 4».

«Прочла «Поднятую целину», лучшая сцена: прощание Майданникова с быком. Потрясло «Лебединое озеро». Посещает музыкальный лекторий в филармонии. Раньше опера не доходила, сейчас люблю».

«Первая практика в учхозе. Ученическая группа на дойке 11 коров. Попросила полную группу в 22 головы. Надаивала по 15 кг (норма — 11). В 60 году по 16 кг (по пуду). Зарабатывала до 100 руб. в месяц».

Между тем наша машина миновала на доброй скорости и районный центр, и центральную усадьбу совхоза, и места, где можно выпить и пива и родниковой воды. Показались пригородные дома, и вскоре «Победа» остановилась у здания сельскохозяйственного института.

Валя поправила косынку, расстегнула плащ и взбежала по цементным ступенькам крыльца с таким нетерпением, с каким после долгой отлучки возвращается человек в родной дом. Она поздоровалась с вахтером, огляделась, будто проверяя, все ли здесь на месте, ничего не изменилось за ее отсутствие, и потащила Сергея по лестнице на третий этаж.

— Только скорее, пожалуйста, я хочу обратно вечерним поездом вернуться.

В огромных коридорах и аудиториях было тихо и пустынно. Старые студенты не вернулись, новые еще не приезжали. К тому же было время отпусков, командировок, ремонта.

Я зашел в приемную ректора. Секретарь, еще молодая, с добрыми и внимательными глазами женщина, выслушав меня, спросила:

— Это вы из Москвы звонили?

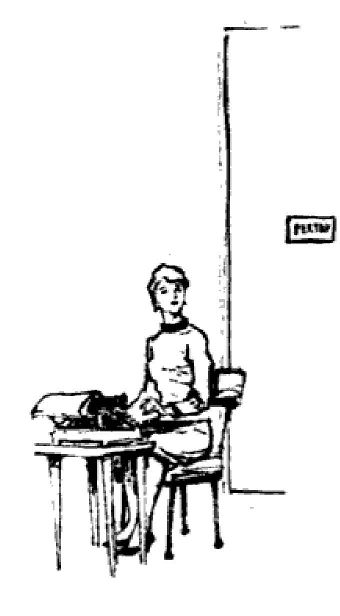
— Да...

— Нашли Валентину?

— Да, она здесь... Мне бы хотелось посмотреть ее личное дело!

— Пожалуйста!.. Только сейчас обеденный перерыв... В отделе кадров никого нет. Можете подождать до трех часов?

Если бы я знал, как необходимо было мне дождаться этого часа! Но в ту минуту я подумал: а для чего, собственно говоря, мне нужно ее личное дело? Все материалы о ее настоящей и прошлой жизни были собраны. Правда, не мешало бы записать номера ее орденов, но и эта необходимость отпала, когда я снова встретился с Валей в коридоре.



— У тебя в анкете указаны номера орденов?

— И даже сами ордена не указаны...

— Как так? Поступая в институт, ты не написала в заявлении, что была награждена?

— Нет.

— Почему?

— Не хотела, чтобы меня в институт по орденам принимали...

Ну что ж, в этом, может быть, она была права! Видимо, и в этом сказался ее характер.

Затем мы пообедали в пельменной. Шутили, смеялись. Ощущение сделанного дела всегда рождает хорошее настроение. А затем тепло простились, и мы с Сергеем вылетели в Москву.

Теперь наступило самое главное: написать обо всем этом повесть. Несколько дней я жил, воскрешая как бы заново всю недолгую, но богатую событиями жизнь Вали Смирновой. Близкими, будто своими, стали для меня и ее детство, и ее семья, ее товарищи и знакомые. Я хорошо видел ее и дома, и в школе, и на ферме рядом с матерью. Вместе с ней я проделал путь от Акимовки до заволжской земли... Правда, как всегда, не хватало каких-то деталей, каких-то красок, но повесть писалась легко до того самого места, когда декабрьским вечером на колхозном собрании Вале вручили первый орден. В записной книжке об этом значилось немного: «Все было, как в тумане. После вручения убежала домой. Дома уже спали».

Но что же она чувствовала в это время? Наверное, осматривала орден? Обратила внимание на номер? Пожалуй, номер ордена все-таки нужен для повести...

Я позвонил в редакцию моему нетерпеливому другу, заведующему сельскохозяйственным отделом:

— Нужно узнать номер первого ее ордена.

— Пожалуйста... Сейчас позвоним в Президиум Верховного Совета. Будешь дома? Сообщу...

Я уже не помню, сколько прошло времени — час, два,— наконец раздался звонок. В первую минуту я не понял, что звонит мой товарищ,— такой угрюмый и растерянный голос был сейчас у него.

— Так вот какое дело... В Президиуме сказали, что среди награжденных твоей Валентины нет...

— Не может быть...

— Выходит, может... Но ты пока духом не падай. Говорят, должны быть еще какие-то списки по области. Но это они проверят только завтра... Так что пока спи спокойно...

Хорошо сказать: спи спокойно!.. Когда даже выдуманный человек, действующий в твоей повести, рожденный и созданный только твоей фантазией, попадает в беду, то и тогда переживаешь за него, а здесь все-таки живой, реально существующий человек! Неужели Валя все это выдумала? Но для чего, с какой целью? И в районной газете об этом писали! А потом разве можно сбросить со счетов веру в человека, с которым так разговариваешь: когда слышишь его голос, видишь его глаза?.. Впрочем, я, кажется, не всегда видел ее глаза!

Что же все-таки делать? Ждать до завтра? Да, выходит, это было единственное, что мне пока оставалось.

Продолжение следует.

ВЕЛИЧИЕ ПРОСТОТЫ

Генрих Гейне в гостях у Маркса и Женни Маркс.

Рисунок Н. Жукова.

«Углубляясь в работу над образами Маркса и Энгельса, я все больше дивлюсь их любви к человечеству. Они гуманисты в самом высоком смысле этого слова». Так говорит о своих героях писательница Галина Серебрякова в послесловии к «Похищению огня». Эти слова наиболее полно раскрывают идею романа о вождях пролетариата Марксе и Энгельсе. В своих действиях и помыслах, в сокровенных желаниях и открытых дерзких порывах, в будни и светлые праздники — во всем и всегда они служили человечеству. Маркс, Энгельс, Ленин. «Люди, кованные из чистой стали»,— хочется сказать о них. Несгибаемые. Кристально чистые. Рыцари без страха и упрека... Но это для статьи. Для речи. Для вдохновенного слова оратора. А как писать роман о них, о людях, трудами и жизнью которых началась новая эра?..

С волнением читаешь рассказ автора о работе над романом. Вот первая встреча с героем: портрет Маркса, который она, Галина Серебрякова, тогда юный политработник 13-й армии, спасала от опасности на дорогах гражданской войны. А потом, несколько лет спустя, писательница узнала, что Маркс — это человек редкой доброты и отзывчивости, порывистый и спокойный, рассеянный и сосредоточенный (что иногда выражает одно и то же), непреклонно суровый и нежный (его улыбку забыть было нельзя). Он очень любил детей и (как это плохо!) много курил. Жил бедно, в вечной нужде.

Обо всем об этом Галине Серебряковой рассказал русский революционер Николай Морозов — шлиссельбуржец, знавший Маркса, не раз встречавший его. И с рассказами Морозова «седин портретных рама» вдруг ожила, «гипсом холодеющий старик» обрел теплоту жизни, «замурованный в мрамор» воскрес... Так началось обретение героя, преодоление робости перед великим: великое жило в простой человеческой оболочке.

Галину Серебрякову благословил Горький:

«...Трудненько такую глыбищу поднять. А важно и нужно. Помните одно: следует так писать о Марксе и Ленине, чтобы за мрамором памятников во всем величии вставали живые люди».

Во всем величии простоты, добавим мы.

Роман о Марксе не мог не быть эпическим романом о революции, о рабочем классе, о борьбе за коммунизм, о миллионах людей, творящих историю.

Роман о Марксе, открывшем законы развития человеческого общества, не мог не быть политическим и философским романом. Одним из его главнейших героев не могла не стать творческая мысль, ищущая истину.

Наконец, «Похищение огня» — это русский роман о Марксе. К России обращен взор Маркса уже в первые годы его революционной борьбы; почти всю жизнь Маркс общался с русскими революционерами, а передовая русская мысль, начиная с 40-х годов XIX века, изучала творения Маркса и Энгельса. Россия, по слову Ленина, выстрадала марксизм как единственно верную революционную теорию.

И читатель романа Галины Серебряковой ощущает, как проникновенно понял автор свою идейную и эстетическую задачу. Повествование о Марксе начинается с изображения восстания лионских ткачей, чтобы затем стать хроникой революции 1848 года, потом перенестись в Лондон, Швейцарию, а потом дать будто случайное, но органическое «ответвление» — «Русские дела», которые приведут читателя и в дворянский особняк в Москве, и в редакцию «Современника», и продолжатся в далекой Сибири. С кем только мы не встретимся в романе — Маркс и Энгельс, Бакунин и Бланки, Тьер и Гизо, Гейне и Гервег, Герцен и Некрасов, мадам де Сталь и простая французская работница! Они мастерски воссозданы писательницей. Этому способствовало владение историческим материалом и портретной живописью. Искусство отбора здесь стоит на первом месте. Трудно перечесть, например, образы Бакунина или Лассаля, где все предельно документировано.

Историческое содержание романа определило композицию и жанровые формы повествования. Картины героической битвы сменяются бытовыми сценами, чтобы затем уступить место публицистическому очерку и философскому раздумью. Автор вводит в роман и политический диспут, и рассказ о том, как создавалось экономическое исследование, и сложнейшие теоретические построения, подкрепленные цитатой.

Все это необходимо в романе данного типа, где — повторим — мысль теоретика выступает в качестве главного героя. Следует только сказать, что философская мысль, вводимая в роман, обязана стать компонентом художественного произведения, теряя свойства цитаты. Для этого ей необходимо обрести психологические черты личности героя, усвоить его жесты, интонацию, быть найденной сейчас, вот в это время. Иначе она будет инородным телом, цитатой, отягощающей повествование.

И надо заметить, что автор преодолел не все трудности, стоявшие перед ним. Виной тут, на наш взгляд, является — так понятная! — робость перед своим героем.

В своем прихотливом движении роман Галины Серебряковой входит и в русло бытового повествования. Нищая жизнь Маркса в лондонском изгнании. Нечем платить за квартиру. Зеленщик грозит судом. Заложены в ломбард обувь и одежда. Недоедание. Голод. Тяжелая болезнь жены. Смерть детей... В этих сценах характер Маркса, пытаемого голодом и нищетой, казнимого верящими глазенками страдающих детишек, раскрывается как характер героический, родственный по духу и плоти герою баррикад рабочему Иоганну Стоку, который вместе с Марксом и Энгельсом становится одним из главных героев романа. Рядовой рабочий и его гениальные вожди едины. Эта идея закреплена психологической общностью героев. В простоте и естественности, в решительном отсутствии какого-либо попolзновения на позу и фразу, в органичности героизма проявилось родство Карла Маркса и Иоганна Стока. Так раскрыта глубокая народность вождя пролетариата.

Трудно говорить о сложном, большом произведении в краткой рецензии. Но ясно одно: роман Галины Серебряковой — художественная удача писателя в решении ответственной темы.

В. АРХИПОВ

Галина Серебрякова. Похищение огня. Роман. Книга вторая. Изд-во «Советский писатель». Москва, 1961. 485 стр.

СОЛОВЬИ ОСТАЮТСЯ В ПУСТ

Вл. КРУПИН

Хорошо приехать в город, который рождался на твоих глазах, встретить лет через пять людей, которых знал когда-то. Или пройти по следам товарища, поднявшего некогда добрый пласт жизни, и досказать за него историю, конца которой не довелось ему узнать.

Еще лучше — забраться туда, где человек — геолог, строитель, дорожник — впервые прокладывает пути.

Но бывает и так...

Земля возвращается в строй

Мы летим в страну каракалпаков. Третий час под крылом самолета пустыня. Серо-желтые гребни барханов застыли внизу, словно волны мертвого моря. Песок, песок, песок....

И вдруг глаз различает стремительные четкие линии исполинских чертежей, нанесенных на землю неведомой рукой. Невольно вспоминаешь о каналах на Марсе: такая же ржавая, красная пустыня, такие же непонятные и удивительные в своей геометрической строгости фигуры. Что же здесь было? Чья рука начертала крохотные и гигантские квадраты, овалы и треугольники, сгрудив их вдоль прямой, как стрела, полосы?

Точный ответ на эти вопросы дали археологи. Тысячу и более лет назад здесь, на окраине Кызылкумов, кипела жизнь. Колосилась пшеница и наливался солнцем виноград на землях древнего орошения. Цвели персиковые деревья и пели соловьи в садах местных властителей.

Иноземные нашествия и междоусобные распри пронеслись над цветущим оазисом, смыв плотины и дамбы, разломав зáмки и крепости, растоптав поля и виноградники.

Двадцать лет назад, в самую трудную пору минувшей войны, сюда возвратились люди. У развалин старинной крепости Кырк-Кыз началась беспримерная стройка, о которой когда-то уже рассказывал «Огонек»[1]. Прокаленная зноем, иссеченная ветром земля возродилась, получив воду из новых каналов, проложенных по руслам древних оросительных систем.

Двадцать лет назад сюда пришел Матьякуб Ергуланов — первожитель Кырк-Кыза. Пришел с единственной целью — посадить лес в пустыне.

К тому времени, когда на Кырк-Кызе побывал мой коллега, Матьякуб посадил уже шестнадцать тысяч деревьев вдоль дорог и каналов. Уже плескалась в притененной караталом воде сытая рыба, уже шнырял в прибрежных кустах красавец фазан и гонимый голодом заяц прибегал зимними ночами в сад полакомиться корой плодовых деревьев. И уже тогда Ергуланову шел восьмой десяток.

Вот почему, торопясь на Кырк-Кыз, я не знал, застану ли там легендарного старика самого или только легенду о нем.

[1] «Огонек» № 14 за 1955 год.

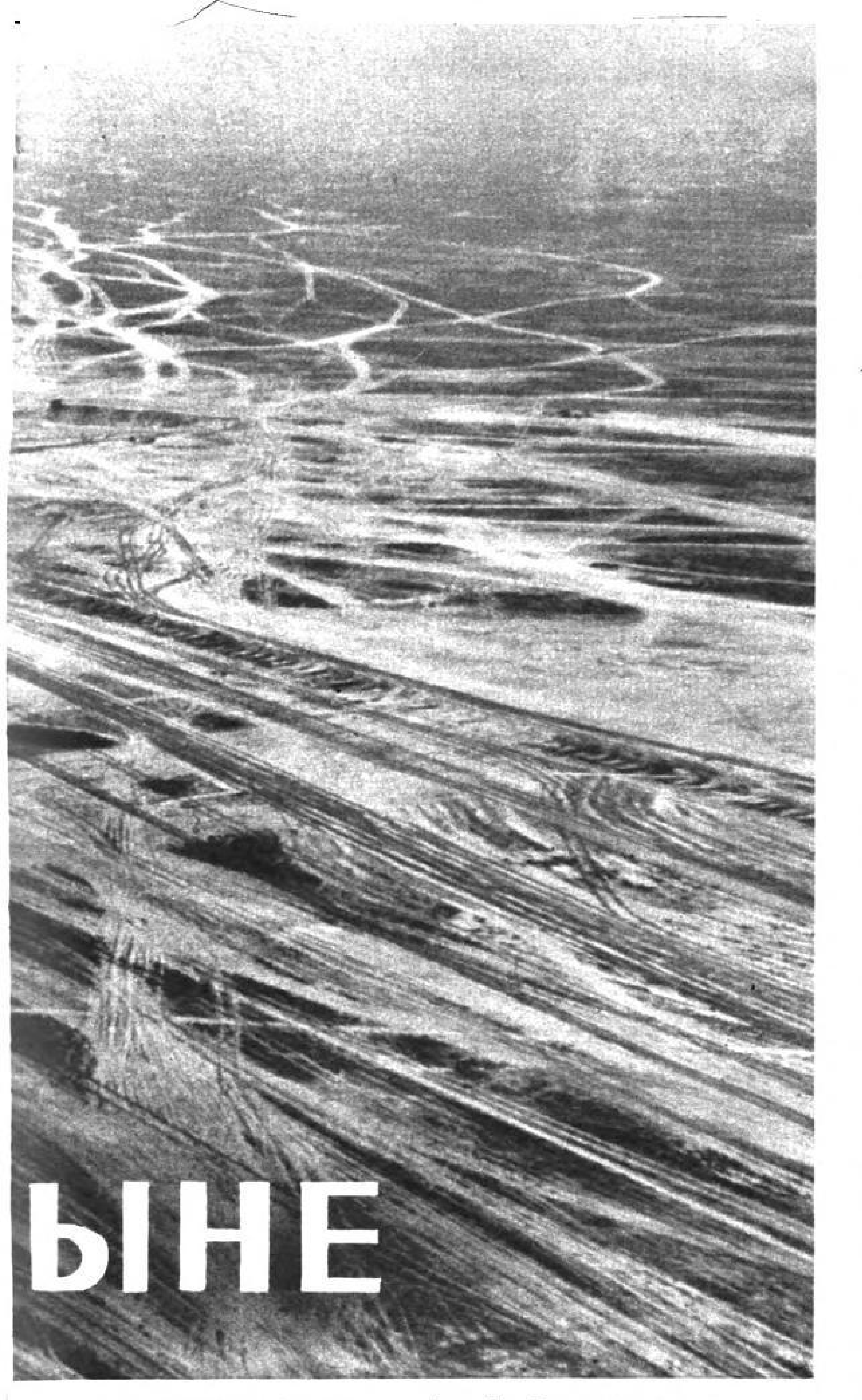
Легенда встретила меня еще в Турткуле, на аэродроме.

— Ергуланов? Как же, знаю, богатырь-старикан! — бодро ответствовал один из попутчиков.— Полрайона лесом снабжает.

— Лесовода с такой фамилией не слыхал,— сказал шофер.— Зато есть на Кырк-Кызе один аксакал, самый высокий урожай хлопка выращивает.

— Тополевая аллея? Длиной в километр? Та, что Матьякуб посадил? — переспросил другой попутчик, директор птицефабрики. — Нет уже той аллеи, пять лет как вырубили.— И, видя на моем лице огорчение, стал показывать и рассказывать: — Ферму видите? Лес для строительства взяли из той аллеи. А мост через арык? Тоже из тополя сделали. А вон дома новые! Перекрытия в них откуда? Из аллеи Ергуланова. Да тут в каждой постройке его труд есть! Не зря он корпит каждый год над саженцами.

Машина тем временем выскочила на бетонный мостик, перекинутый через канал. Невысокий, щуплый, дряхлый на вид старик стоял



Здесь прошли изыскатели... Фото Дм. Бальтерманца.

возле перил, опершись на палку и подставив солнцу изрезанное морщинами лицо, похожее на кору старого дерева.

— Где тут живет Ергуланов?

Старик посмотрел из-под мохнатой шапки подслеповатыми, слезящимися глазами и сделал в нашу сторону несколько шагов, припадая на одну ногу.

— А зачем он вам?

— Хочется посмотреть на его посадки, отец.

— Вот они!..— Он поднял палку, как указку, и обвел ею вокруг себя.

Перед нами была дорога, обсаженная могучими, позолоченными осенью тополями. Возле пней свежей порубки шелестели листвой голенастые саженцы, а у пней постарше — тополя-подростки.

— Вот они, мои питомцы,— повторил он еще раз.

Многое мне хотелось выспросить у старого Матьякуба. Но было почему-то неловко вытаскивать записную книжку.

Матьякуб заговорил сам, ни к кому не обращаясь, никому не отвечая:

— Да... А лес все-таки вырос. Настоящий лес! Хоть и в пустыне. Да... Жаль только, мало живет человек на земле. Не успевает все сделать, все понять. Вот хлопок. У меня его три гектара. Сколько лет с кетменем бьюсь над ними! Сколько раньше работал, столько теперь работаю. Раньше двадцать центнеров давал — теперь пятьдесят. Почему? Лес вырос. Лес хлопку силу дал. Да... Соловей тоже лес любит. И цветы любит. Сад зацветает — соловей прилетает. Не сразу прилетел — на восьмой год. А запел сразу. Теперь останется. Теперь пустыня соловья не пугает: лес охранит птицу...

Я смотрел на этого старца, посадившего собственными руками и вырастившего в пустыне пятьдесят тысяч деревьев— целый лес!— и повторял про себя его слова:

«Жаль только, мало живет человек на земле...»

Умар Худайбергенов хочет стать миллионером

Умар Худайбергенов, директор межколхозной птицефабрики Турткульского района, решил стать миллионером.

Нельзя сказать, что он сам сразу поверил в реальность своих планов. Птицефабрике досталось в наследство слабосильное хозяйство — мелкое, раздробленное, убыточное. Каждое яичко на ферме — на вес золота. Семь колхозов взялись на паях за дело, которое считалось в Кара-Калпакии, да еще в Кызылкумах, малоперспективным. Семеро не один: в год поставили электростанцию, инкубатор, птичник — типовой, стодвадцатиметровый, засеяли двести гектаров кукурузой, люцерной, пшеницей (корма!), рисом (подстилка для молодняка!), даже сад на пятнадцать гектаров заложили. Купили на Ходжакульской птицефабрике четыре тысячи утят. Обзавелись цыплятами.

А дальше все было, как в сказке. Снесли курочки яички. Разумеется, простые. Но не по одному, а много больше. В общей сложности тысяч семьдесят.

— Вот сколько у нас цыплят! — похвастался Умар-ака секретарю горкома Касыму Нурумбетову, заглянувшему на фабрику.

— Не торопись, ака, сам знаешь, цыплят по осени считают,— остановил его секретарь.

Осенью подсчитали: межколхозная фабрика продала хозяйствам Турткульского и Бирунинского районов 50 тысяч цыплят на расширение птицеводства. Маточное поголовье на самой фабрике тоже выросло — до 15 тысяч кур и 7,5 тысячи уток. Получили и приличную прибыль.

Тут-то и пришло к Худайбергенову увлечение астрономическими цифрами.

В самом деле, почему бы и не стать Умару-ака миллионером? Вчера было две тысячи голов. Сегодня, то есть в шестьдесят первом, уже двадцать пять тысяч. Завтра — в шестьдесят втором — будет двести пятьдесят тысяч. А послезавтра?

— Стать миллионером в наших краях, где птице раздолье,— дело не такое уж хитрое,— улыбнулся Касым Нурумбетов, услышав об этих расчетах.— Мы считаем, что межколхозная птицефабрика должна стать миллионером. И дважды и трижды. Если освоить еще одно озеро по соседству, поголовье можно довести до полутора миллионов уток. Тогда пятую часть всего плана заготовок мяса по району можно будет выполнять птицей. Но, к сожалению, Худайбергенов пока не может стать миллионером. Почему? Некуда девать птицу. Заготскот не принимает. Будет механизированная бойка, будет передвижной холодильник — сможем вывозить. А пока внедряем птицу в общественное питание. Кормим людей на хлопке пловом с уткой. И дешево и вкусно. Тоже, конечно, достижение. Но еще больше нам хочется, чтобы наша турткульская птица достигла Бухары, Самарканда, Ташкента.

Мечты министра

О чем может мечтать министр сельского хозяйства? О добром урожае хлеба и хлопка? О высоких надоях молока? О хорошей погоде осенью и о хорошем дожде весной?

Разумеется, обо всем этом. По долгу службы положено.

Так мне и ответил Юлдаш Курбанов, министр Кара-Калпакской АССР, кандидат сельскохозяйственных наук. Но, как выяснилось, этот молодой еще министр и молодой по возрасту человек мечтал о гораздо большем.

О плотинах и гидротехнических узлах на Аму-Дарье, которые обуздают своенравную реку, дадут воду хлопковым полям и на целый месяц удлинят весну в Кара-Калпакии. А раньше посеешь хлопок — больше соберешь урожай.

О новой породе коврошерстных овец, которую он выводит со своими аспирантами. Создать стадо таких овец — значит обеспечить нашу ковровую промышленность отечественным сырьем.

О настоящем, с размахом поставленном — не в пределах фермы или совхоза, а в масштабе всей республики! — научном эксперименте с каракалпакским суром, цветным каракулем.

И, конечно, о всеобщем изобилии.

Каков будет вклад республики? Рис, индейка, верблюды — вот три отрасли хозяйства с безграничными перспективами.

О рисе прямо сказано в докладе Н. С. Хрущева на XXII съезде партии. Да, здесь, в дельте Аму, должна быть создана крупнейшая в СССР база рисосеяния. Первые три совхоза рождаются в эти дни. Пока по тысяче гектаров каждый. А там — размахнуться на все низовья! Полмиллиона гектаров да 40 центнеров урожайность — вот вам 120 миллионов пудов риса. А ведь в Гурлене уже который год по 80—90 центнеров с гектара собирают.

Теперь об индейке. Пески Кызылкумов — лучшего пастбища для нее не придумаешь. Если от чего и болеет индюшка, так это от сырости. А в песках и сушь и насекомых для пропитания достаточно. Что касается скороспелости этой птицы, то она и с уткой поспорит. Шесть месяцев — шесть кило, семь месяцев — семь, восемь — восемь.

Особый разговор о верблюдоводстве. В комплексе с каракулеводством. Верблюд неприхотлив в еде. Это общеизвестно. Но мало кто знает, что лучшие сорта шерсти — вспомните хотя бы одеяла, которыми мы укрываемся, шевиот, коверкот—дает нам верблюд. Еще не оценено по достоинству широким потребителем и верблюжье молоко, одновременный соперник кумыса и сливок. Верблюд получит постоянную, а не временную прописку на плато Устюрт. Здесь пустует до шести миллионов гектаров хороших пастбищ. Именно здесь, возле колодца Кос-Булак, создается крупный совхоз с поголовьем до 100 тысяч каракульских овец и 6 тысяч верблюдов.

Мечты и цифры... Я внимательно слушал каракалпакского министра, симпатичного молодого человека с умными, проницательными глазами, и мне вовсе не казалось противоестественным соседство двух столь несхожих понятий. За цифрами он видел живую душу будущего. И в это нельзя было не поверить.

Тайна Чертовой крепости

Легенд и басен об Устюрте я начитался и наслышался досыта. Особенно о солончаке Барса-Кельмес, что в переводе означает: пойдешь — не вернешься. Рассказывали, что посреди этого солено-

го болота есть остров с довольно устрашающим названием Шайтан-Кала, или Чертова крепость. Говорили, что пытались туда пробиться многие смельчаки и гибли, отравленные ядовитыми испарениями, что будто бы кто-то, проникший туда, нашел золотой чайник. Все легенды сходились на одном: Чертова крепость полна сокровищ.

Побывать там, где, может, еще не ступала нога человека, было очень заманчиво. Карта, увиденная в одном научном учреждении, еще больше обострила интерес к Устюрту. Разноцветными красками на ней размечены различные сельскохозяйственные районы. Поскольку карта рассказывает о перспективах садоводства, виноградарства и плодоводства в семилетке, на ней много зеленых, красных, оранжевых пятен. Но, как ни странно, самое яркое пятно — белое. Оно захватывает западную Кара-Калпакию, точнее, Устюрт. В списке обозначений белое пятно расшифровано так: «Земли, непригодные к использованию».

Почему непригодные? Мне объяснили. Здесь, на плато, слишком тонкий слой почвы — всего 50—100 сантиметров. Воды нет. Растительность скудная. Где уж тут думать о земледелии! Дай бог скотину немного попасти.

Так рассуждали до последнего времени, пока на Устюрте не появились разведчики газа, нефти и воды. Они-то и оказались пионерами земледелия на Устюрте. Главный геолог Кара-Калпакской конторы разведочного бурения Том Умарович Алиев показал мне любопытнейшую радиограмму, полученную весной с буровой. В ней сказано, что на Терень-Кудуке посеяно столько-то свеклы, кукурузы, картофеля, арбузов. И подпись: «Кучеровский».

Старый кубанский казак Константин Игнатьевич Кучеровский приехал на буровую погостить к дочери. Тут и застрял. Услыхал он, что начальник разведки затеял посадить возле буровой кое-какие овощи. Возить все сюда приходится из Кунграда, за 250 километров. Все — от бура до картошки. И почти все вертолетом. Дорог на плато нет, а старинный караванный тракт добрую треть года непроходим даже для вездеходов.

Казак увлекся. А тут гидрогеологи нашли по соседству воду. Пробуренная ими скважина стала давать по 200 тонн воды в сутки. Правда, вода была солоноватой, но для полива годилась. На распаханный участок — 15 гектаров — воду подали по старым бурильным трубам. И бросили в землю первые семена. Старика подзадоривали: стóит ли здесь огород городить?

Оказалось, стóит.

Я пробовал арбуз, выращенный на Устюрте,— честное слово, не уступит астраханскому! А початки вареной кукурузы нисколько не хуже кубанской.

...Из Терень-Кудука наш вертолет взял курс на Барса-Кельмес. Вскоре на горизонте появилась ослепительно белая полоса. Издали казалось, что это снег. А потом серая тень вертолета побежала по гладкой и на вид скользкой льдистой поверхности. Соль! На десятки километров вдаль и вширь и на десятки метров вглубь — соль.

И вот мы над Чертовой крепостью. Голый, покрытый бурым налетом кусок известняка торчал над белым царством соли. Вертолет завис над островом. Мы внимательно смотрели на прибежище шайтана. Никаких следов крепости. Никаких следов человека. Задерживаться здесь было ни к чему. Вертолет взмыл вверх, и в этот миг я увидел на кромке острова след... автомобиля, а еще через две минуты — картину, которая удивила даже Алиева. Прямо на соленом льду стояла передвижная буровая! Она работала. Ровный, прямой след протянулся от нее к берегу.

— Рискуют, черти! — воскликнул Том Умарович.— Видимо, давно дождей не было, вот и пробрались посуху.

— А что они там ищут?

— Очевидно, определяют состав солей. Говорят, здесь огромные запасы мирабилита, сульфатов. Может быть, второй Кара-Богаз.

Что ж, возможно, возле Шайтан-Калы действительно отыскались настоящие сокровища.

Следы будущего на земле

Весь обратный путь до Кунграда говорим о газе. Он еще не найден на Устюрте. Но найден вокруг. Устюрт находится на кольце нефтяных и газовых месторождений — Газли, Небит-Даг, Эмба. Кольцо буровых вышек сжимается все туже и туже.

— Найдем, обязательно найдем! — говорит Алиев.— Хорошо бы только найти месторождение поближе к морю. Ну вот хотя бы возле второй буровой. Тогда все доставлять баржами можно будет. Поставим новый порт на Арале. А от него дорогу к промыслу.— Он улыбается.— И будет тогда наш поселок третьим градом. Ленинград, Волгоград, Кунград!

Кунград... Здесь завязывается ныне крепкий экономический узелок. Отсюда штурмуют Устюрт разведчики нефти, газа, рудных и нерудных ископаемых. Здесь проектируется крупный целлюлозно-картонный комбинат. Он будет вырабатывать из камыша 30 тысяч тонн целлюлозы, 20 тысяч тонн бумаги, выпускать картон и тару. Возможно, комбинат использует для этой цели сульфаты натрия мощного Кошканатауского месторождения. Здесь же, на пути газопровода Бухара — Челябинск, возникнет новый энергетический центр.

Кунград... Алиев улыбается. А я смотрю вниз, туда, где из ржавой, унылой поверхности земли бегут в разные стороны светлые полосы следов. Молоковозы везут пресную воду на буровые. Трактор тащит к месту будущей метеостанции детали ветряка. Торопится куда-то с грузом разоруженная самоходка. Десятки, сотни следов. Следы экспедиций геофизиков, химиков, ботаников, гидро- и просто геологов, землеустроителей. Следы будущего на земле.

И мне очень хочется приехать в Кара-Калпакию лет через пять, семь, пройтись по этим следам. Тогда протянется через Устюрт трасса газопровода на Урал. Зажгутся огни Тахиаташской и Кунградской ТЭЦ. Пирсы новых портов вырастут на Арале. А по стальной магистрали Кунград — Москва побегут эшелоны с каракалпакской бумагой, рисом, нефтью, пушниной, удобрениями и металлом.

Может, и не так все будет. Но если не так, то непременно красивей и лучше.

КАРА-КАЛПАКИЯ

Даулен АЙТМУРАТОВ

Сжимая руку матери, я вышел в путь впервые.
Кругом скакали всадники, джигиты боевые,
И вслед за ними ринулись мои мечты живые.
Все, что во мне есть сильного, прими, благословляя!
Люблю твои бескрайние просторы вековые,
Моя Кара-Калпакия родная!

Ты дом отцов и праотцев, ты памятник былого.
Достигла Хусханà-гора заоблачного крова.
Всегда взлететь на зов ее душа моя готова.
Меня ты манишь издали, цветя, благоухая.
Клянусь в извечной верности тебе опять и снова,
Моя Кара-Калпакия родная!

Я вижу годы детские в волнении глубоком:
Битóю в бабки целюсь я, стою при этом боком,
Букварь измят, чернилами он залит ненароком...
Теперь, теперь лишь понял я, наш путь припоминая:
Как я, была ты школьницей, готовилась к урокам,
Моя Кара-Калпакия родная!

Все девушки, с которыми сидеть случалось рядом,
Блистали, недоступные, красою и нарядом.
Но все же взгляд украдкою встречался с жарким взглядом:
Старался я понравиться, отвагу проявляя!
Моя любовь — твоя любовь, моим была ты садом,
Моя Кара-Калпакия родная!

Тебя дарит богатствами Арал — большое море.
Как честь твоя рабочая, он блещет на просторе.
Когда он тихо зыблется в предутренние зори,
Любуюсь полем хлопковым, волнам его внимая.
С тобой делю я радости, с тобой делю я горе,
Моя Кара-Калпакия родная!

Аму-Дарья проносится, как облако весною,
И воздух дышит свежею прохладою степною.
На берегу беседую с речною глубиною.
Река бежит, мечту мою баюкая, качая.
Моя мечта — твоя мечта, вскипевшая волною,
Моя Кара-Калпакия родная!

Каракалпаки, русские, казахи и узбеки
В сияющем содружестве слились в двадцатом веке,
Слились, как стены в крепости, как в море синем реки.
Живу я, братьям радуясь, живу я, твердо зная:
Твое благополучие — мое, мое навеки,
Моя Кара-Калпакия родная!

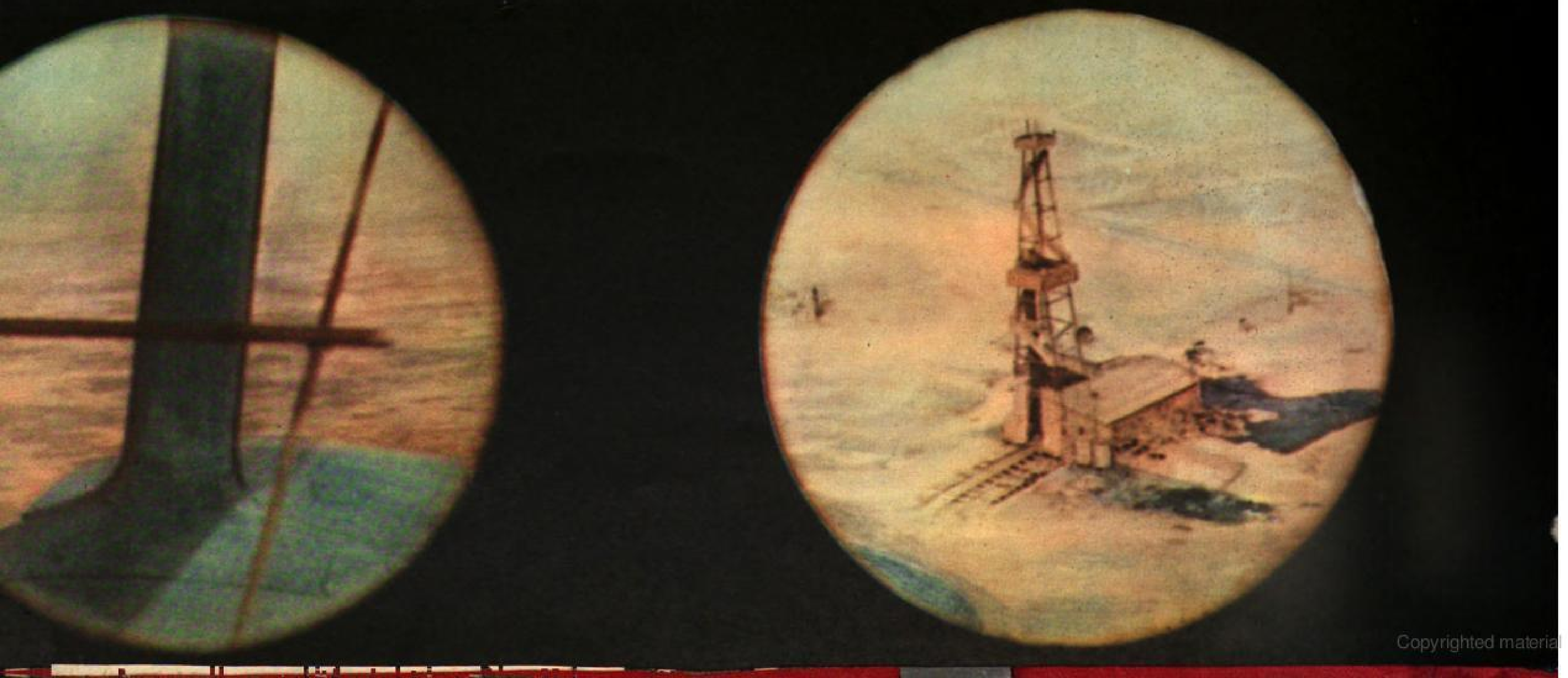
На дальнем расстоянии ты мне милей стократно.
Ты носишь орден Ленина, земля, чье имя знатно,
Где песня соловьиная душе моей понятна.
Я жизнь отдам за Родину, мне не нужна иная.
Ты, словно радость юности,— светла и необъятна,
Моя Кара-Калпакия родная!

Перевел С. ЛИПКИН.

Ходжакульская птицефабрика — форпост птицеводства в Кара-Калпакии.
Птичник Султан Базарбаев с одним из своих крылатых питомцев.

На четвертой странице вкладки: Дельта Аму-Дарьи, ее тростниковые заросли — лучшее место для разведения ондатры, ценного пушного зверька. Десять миллионов шкурок сдал уже государству созданный здесь Амударьинский зверопромхоз. Идет отлов ондатры. В густых зарослях тростника расставлены капканы. Мастер отлова ондатры Карлыбай Абильбеков доволен — отлов хороший.

Фото Дм. Бальтерманца.



Плато сокровищ—

так называют Устюрт геологи. Однако газ, нефть, подземные воды еще скрыты от человека огромной каменной толщей. Соляные и пыльные бури, бездорожье, безводье, сорокаградусная жара летом и сорокаградусный мороз зимой. Таких тяжелых условий, что выпали на долю разведчиков недр Кара-Калпакии, пожалуй, нигде больше нет. Но люди идут вперед. И, вероятно, названия первых на Устюрте буровых — Герень-Кудук, Карабаур — зазвучат со временем громко, прославятся на всю страну.

Мария БЕЛКИНА

На колесах

6.

Сюда они и пришли в октябре...

Далеко позади остались Карпаты. Побуревшие, опустевшие. Пусты туристские тропы. Пуста дорога. Редко пронесется машина с запоздавшим туристом. И автобусов меньше, и в автобусах пусто. Шумит Орява как-то по-осеннему, особенно звонко...

Далеко позади последняя гора под Мукачевом, где когда-то висел на своем экскаваторе «заякоренный» Будник. И Будник уже давно где-то совсем в другом месте роет траншеи. А здесь только просека упирается в небо, да земля еще горбится там, где зарыта труба... За Мукачевом, за Ужгородом равнинные места. Виноградники, кукурузные поля. Мы уже давно свернули с шоссе и пылим по бездорожью, по узкому коридору в кукурузе. Впереди, как в тумане, в облаке пыли лесенки кранов — знакомые очертания трубоукладчиков. Грузовые машины. Вагончик. И силуэты людей. Отсюда, с этого места, и ведут сейчас счет до границы.

— Сколько осталось?

— Должно быть, с километр.

Трубоукладчики держат на кранах трубу на весу, и, давя гусеницами пыль, медленно продвигаются вперед. А за ними очистная машина мешает земляную пыль с ржавой пылью, снятой с трубы. А за ней изоляционная пеленает трубу синей лентой. Это новшество. Никакого горячего битума, никаких гудронаторов, коптящих горелок, которые разогревают остывший в цистерне битум. Просто полихлорвиниловая синяя лента обматывает, изолирует трубу.

— Видите, насколько проще и быстрей,— говорит Галкин, соскакивая со своего трубоукладчика и подбегая к вагончику напиться воды, пока перезаряжают изоляционную машину.— Нам бы эту ленту в Карпаты! Сколько мучились с изоляцией! Машина для гор не приспособлена. Горячий битум разливался, бумажная лента рвалась... Мука!..

Это его, Галкина, спускали на трубоукладчике, на тросе с горы Зуб под уклон в сорок пять градусов. Это он и его бригада прошли самые трудные участки Карпат. Сейчас не понять, молод Галкин или стар, какой он масти. Ресницы и брови покрыты пылью, и волосы серые, и лицо землистое, серое, и бутылка с лимонадом, из которой он пьет, тоже серая. Завтра он окажется черноволосым и гораздо моложе, чем выглядит сейчас, и на лацкане его парадного пиджака будет орден Ленина. Галкин прошел много трасс. Он укладывал трубу в болотах, в горах, в Белоруссии, на Украине, на Кавказе...

Он вскакивает на свой трубоукладчик. Снова загудели моторы. И, укутанные пылью, двинулись вперед три трубоукладчика. А за ними машины пошли по трубе. А за ними трос поволок по пыли железные сани, на которых грудой навалены синие катушки с лентами. А за ними бульдозеры. Они стоят по другую сторону траншеи, где насыпана земля, и ждут. И как только «одетую» трубу опускают на дно траншеи, бульдозеристы берутся за рычаги и засыпают траншею пересохшей, пылящей землей... А мимо, обгоняя этот кортеж, пробиваются к границе сквозь клубы пыли с зажженными фарами «Победы», «Волги», «газики» и даже такси — это примчалась московская кинохроника. И вдруг откуда-то из этой пыльной мглы выскакивает начальник колонны Кравченко. Я хочу его поздравить: мне уже кто-то успел сказать, что он поступил в одесский нефтяной техникум. В городе Мукачево недавно закончились приемные экзамены, специально для работников трассы нефтепровода «Дружба». Двадцать семь человек поступили в техникум и в институт... Но Кравченко не до меня, он летит куда-то вперед и кричит:

— Не пропускать машины! Гнать в объезд! Дышать нечем, нельзя работать!

И голос из пыли:

— Так это же все начальство из Москвы, из Киева. Да корреспонденты «Правды», «Известий»...

— В объезд через кукурузное поле!

И на трассе появляется новая должность — регулировщика. Не сразу узнать контролера Валю Одинцову: раньше она проверяла битумную изоляцию, а сейчас стоит засыпанная пылью, в брюках, в свитере, и регулирует флажками — направляет машины в объезд. Впрочем, при ближайшем рассмотрении в руках у нее оказываются не флажки, а початки кукурузы...

7.

А ближе к границе, далеко опередив бригаду изолировщиков, работают сварщики. Гудит сварочный агрегат, и двое пареньков, недавние фезеошники, сваривают трубы кислородом. Это первый шов — он только «прихватывает» трубу. А за ними потолочники-мастера сваривают ее намертво. Завтра четыре лучших сварщика выйдут на границу и вместе с чехами сварят по очереди последний стык, соединят советскую и чешскую трубы. Еще только решается, кто будут эти четверо. Но журналисты на всякий случай «снимают опрос» со всех сварщиков, которые сейчас работают на трубе.

— Вы, главное, не забудьте отразить моих землеройщиков,— грохочет Рыбальченко, — а то жаловаться буду! — У Рыбальченко голос гремит, как из рупора на площади. Недаром он командовал в Карпатах целой армией экскаваторщиков, бульдозеристов, взрывников. — Идемте, я вас со своими познакомлю. — И он ведет меня дальше, к границе. — О нас, о стариках, писать нечего...

Рыбальченко всерьез причисляет себя к старикам. Он уже шестнадцать лет работает на трассах. Свой первый газопровод, Саратов — Москва, тянул еще во время войны, он тогда был совсем мальчишкой. Сейчас ему тридцать один год.

— Вы о молодежи пишите, вот о нем, о Николае Гринько. Он только недавно из армии, экскаваторщик. Если бы вы на час раньше пришли, вы бы увидели, как он закончил трассу — прорыл траншею через границу.

С Николаем Гринько уже говорит репортер. Он так же молод, как и сам Гринько, и потому, должно быть, особенно напорист и смел.

— О чем вы думали, что вы чувствовали в тот момент, когда ковш вашего экскаватора прорывал государственную границу?

И Николай, этот украинский парубок, с мохнатыми бровями, мягким взглядом темных глубокопосаженных глаз и ярким румянцем, который пробивается сквозь толщу пыли на щеках, смущенно улыбается. Завтра на трибуне, произнося слова приветствия, он будет держаться куда увереннее и спокойнее...

...Я иду дальше вдоль трубы. Еще шагов сто — и все... Конец трубы. Над открытой траншеей на насыпи стоит пограничник с автоматом. Конец трубы приподнят. В 6.15 раздастся выстрел. В 6.15 мы продуем последний отрезок трубы. А сейчас в чешской траншее работают сварщики. Чешская труба оказалась чуть длиннее. Нужно отрезать кусок. Подогнать, чтобы обе трубы сошлись. Надо откопать из земли голубую задвижку.

Я уже видела эту задвижку летом, когда в дождь мы сюда приезжали с Яшевым. Но сейчас трудно узнать местность. Тогда границу с двух сторон сторожили зеленые стебли кукурузы. А сейчас, насколько видит глаз, — голое поле, и вспаханная пограничная полоса пылит, как дорога. Пограничные столбы сняты, и на «ничейной» земле строят трибуну. И на той стороне и на нашей стороне полно машин, людно. Инженеры, рабочие, руководство из Москвы, из Главгаза, из Киева, из Укрглавнефтестроя, а на той стороне — из Братиславы, Пардубиц, Шаги... Завтра здесь смешаются и чехи и русские, и трудно будет понять, кто с какой стороны пришел. А сегодня каждый держится на своей земле, и никто не пытается перейти ту условную линию, которая зовется границей. Хотя пограничников — один-два в поле зрения.

Гудит сварочный агрегат в чешской траншее. Гудит сварочный агрегат — наш. Уже совсем близко сваривают последнюю плеть. Гудят два комбайна, убирают последнюю кукурузу, расчищают площадь для завтрашнего торжества. За насыпью, за траншеей не видно, на чьей земле они работают — на нашей или на чешской.

— Дожинки! — говорит кто-то позади меня.

Ну да, дожинки — последние дни уборки урожая, последние часы работы на трассе «Дружба». Это слово «дожинки» я слышала и в Словакии, где недавно проехала по трассе роповода,— так зовут чехи свой нефтепровод. И там шла уборка на полях, и там шли последние доделки на трассе...

...Подъехала полевая рация. Радистка тянет антенну. 6.15 приближается. Подошли наши сварщики — все! Сварочные работы на трассе закончены. Теперь дело за изолировщиками. Но отсюда, с границы, облака пыли, которые поднимают трубоукладчики, пока еще не видать. Галкин и его бригада подойдут сюда уже затемно и при свете фар завернут последние метры трубы в синюю ленту... Старик пастух, опираясь на длинный посох, рассказывает кому-то из корреспондентов свою биографию. Старику, должно быть, завидно, что все интересуются только «трассовиками», и он сам, по своей инициативе, ведет рассказ. Когда он доходит до шестой дочери, которая работает в Ужгороде шофером, овцы, серые и пыльные, как и земля вокруг, подходят к самой границе. Пограничник на насыпи кричит:

— Дед!

Дед, не двигаясь с места, тихонько свистит, и откуда-то появляется черный лохматый пес из породы жучек или шариков, и бросается к овцам, и гонит их от границы, так что земля клубится вокруг... По дороге, где не пропускают машин, где работают изолировщики, летит «газик». Человек в кожаной куртке, в фетровой шляпе соскакивает на ходу и бежит к рации.

— Лариса, соединяй!

— Прием! Прием! Как слышите меня? Как слышите? Передайте трубку мастеру Дудко. Дудко, будьте на рации. Через несколько минут слушайте команду...

См. «Огонек» № 47.

Кто-то дал сигнал чехам. Рабочие вылезают из траншеи. И на той стороне и на этой движение. Каждый старается занять лучшее место, чтобы видеть, как вылетит ерш из трубы. Кинооператоры, фоторепортеры нацеливают аппараты.

— Мастер Дудко,— кричит Лариса,— открывайте заслонку полностью! Как поняли? Повторите! Не слышу. Мастер Дудко!.. Выносной, выносной, не слышу! — Голос у радистки срывается.— Выносной! Выносной! Не слышу.

Человек в кожаной куртке бежит к «газику», шофер несется туда, где мастер Дудко ждет команды, — за семь километров отсюда. И вдруг из машины голос Ларисы:

— Слышу! Слышу! Открывайте заслонку полностью! Открывайте заслонку полностью! Повторите команду!..

Из трубы начинает виться легкий дымок.

— Пошел...

Дым сгущается, темнеет, и черные клубы валят, как из заводской трубы. А в трубе легкий перезвон: летят камни, осколки, колотятся о стенки. Перезвон нарастает, усиливается. И вот уже в трубе все клокочет, ревет, кажется, сейчас она разлетится на мелкие части. И вдруг хлопок... Как гигантская пробка из гигантской бутыли... И тишина. Ничего не видно, никого не видно — дымовая черная завеса. Когда через минуту пыль и дым рассеялись, рабочий, который стоит рядом с пограничником, говорит:

— Тебе, парень, повезло. Когда я был молодым, стреляли не из таких орудий...

Последний отрезок трубы продут. Ерш под давлением сжатого воздуха пролетел семь километров за четыре минуты. Чехи снова спускаются в траншею и продолжают работать. Снова стучат молотки — сколачивают трибуну...

И вдруг я замечаю по ту сторону границы знакомую фигуру. Это Зденек Мойжешек, директор «Плыностава» — учреждения, которое ведет прокладку всех газовых и нефтяных магистралей по Чехословакии. Мы виделись с Мойжешеком в Пардубице очень недолго, у него тогда шло совещание: решались сроки окончания работ на роповоде. Я хорошо запомнила этого плотного невысокого человека, с крупными чертами лица, в золотых очках. Мы тогда договорились, что на обратном пути из Праги в Москву я заеду еще раз в Пардубице и побываю у него в гостях. «Галина Ивановна будет рада с вами познакомиться»...

Пока я ездила по трассе, мне рассказали, что Мойжешек во время войны еще совсем юным пареньком был угнан на работы в Германию. Там он встретился с девочкой Галей из Сум, которая тоже была угнана в Германию... Теперь у них четверо детей, и старшему сыну столько же лет, сколько было им, когда они встретились... На обратном пути я не только не попала в Пардубице, но и позвонить по телефону не сумела и теперь была рада случаю извиниться. Мойжешек меня узнал. И мы пошли друг другу навстречу, выкрикивая слова приветствия. Но, дойдя до вспаханной полосы, до той линии, которая обозначала сейчас границу, остановились. Нам надо было еще сделать несколько шагов, чтобы пожать друг другу руки, но мы их не сделали.

— Дисциплина! — засмеялся Мойжешек, разводя руками.

— Как у вас на реке Грон?

— Последний стык сварили под Братиславой, вчера в газетах было сообщение.

— Гражданочка, не нарушайте! — прервал нас пограничник.— Завтра будете вести разговоры.

8

Завтра... Не только поговорить, но и найти друг друга не так было просто. Завтра... Все работы были закончены, земля полита, и вчерашняя пыль налипала на подошвы. На трибуне ветер рвал наши и чешские флаги. Играл духовой оркестр. Раньше всех собрались, конечно, представители печати, кинооператоры, фоторепортеры, работники телевидения, радио — здесь представлены Москва, Киев, Львов, Прага, Братислава, Кошице...

Подъезжали с двух сторон автобусы, машины. Народу все прибавлялось. Прибыла самодеятельность — наша и чешская. И яркие национальные костюмы расцветили толпу. Пионеры из Ужгорода и пионеры из села Капешаны стояли кружком, обнявшись за плечи, и обсуждали какие-то свои проблемы: «А у вас», «А у нас»... Какие-то взлохмаченные пареньки спорили о футболе. Два машиниста-трубоукладчика — наш и словак — сидели на ступеньках трибуны и вели профессиональный разговор. Словак объяснял, что он первым освоил наш советский трубоукладчик. Что пока не пришли наши машины, трубу на трассе укладывали кустарным способом, подвешивая ее на треногах. Что раньше и слова такого не знали: «трубоукладчик». А наш товарищ рассказывал, как трудно было в Карпатах, в горах. «Копцы (по-русски гора), большие копцы в Карпатах,— говорил словак.— А у нас болота, дожди...» «Чего, чего, а болот и дождей у нас хватало». «У вас техника, много техники», — говорил словак. «А у вас трубу на трассу доставляли готовой. А у нас сколько мороки было с изоляцией»... Но, в общем, оба сошлись на том, что и «у нас» и «у вас» было трудно, но работу закончили.

Все-таки, несмотря на многолюдье, в толпе я нашла знакомых — тех, с кем встречалась в Карпатах и в Чехословакии. Вон Милан Матвей, молодой парень из Шаги. Мы с ним вместе ездили по дорогам Чехословакии. Добраться машиной туда, где вели роповод, было нельзя, и он, сняв рубашку, подтянув брюки до колен, лез вверх по осыпавшимся сопкам, подбадривая меня, что с ним не пропадешь: он еще мальчишкой работал проводником в Татрах! Он во что бы то ни стало хотел мне показать самые трудные участки, где вели трубу, и, хотя я не выражала особо активного желания лезть в гору, он мне все-таки эти участки показал, хотя работы там давно были закончены. ...А потом — это было не совсем по пути — Матвей повез меня на перевал, где похоронено двадцать тысяч советских бойцов. «Мне было семь лет,— сказал он,— когда ваши танкисты освободили нашу деревню, но я этот день хорошо помню!»...

В толпе появились сварщики, герои дня. На их комбинезонах были нашиты ленты: «СССР», «ЧССР». Но все же раньше сварщиков к трубе по лесенке, выбитой в траншее, спустился Гладкий Юрай — пожилой чех, высокий, худой, в бархатных брюках, выцветшей спецовке.

— Я проверяю стыки! Проверил шестьсот стыков на нашем роповоде,— объявил он налетевшим на него корреспондентам. В одной руке у него был мешочек с едой, в другой он держал банку с красной краской. Он положил мешочек на ступеньки и, не обращая внимания на направленные на него объективы и сотни глаз, открыл баночку с краской, вынул из кармана носовой платок, вытер пыль с синей трубы и стал выводить кисточкой слова «Дружба», «Братство», потом провел стрелу, которая показывала путь нефти — в Чехословакию. Потом, так же не торопясь, завинтил баночку с краской и, сев на ступеньки, вынул из мешочка термос с кофе. До сварки стыка он еще может успеть позавтракать.

— Вот первая нить нефтепровода «Дружба» и закончена, — сказала мне чешская журналистка Елена Гашкова, когда мы стояли с ней на бровке траншеи и смотрели, как Юрай выводит слова на трубе.— Скоро ваша нефть придет по трубе в Братиславу, а от вашей нефти зависит успех нашей пятилетки...

Последний шов... Его сваривают Леонид Федоров (СССР) и Аврам Крумов (Чехословакия).
Фото А. Гостева.

ЗА РЕШЕТКАМИ БАРБЕРУССЫ

Анри АЛЛЕГ

Отрывки из книги «Бойцы в плену»

Июль 1959.

Еще одна зима, еще одна весна... Близится мое второе лето. Уже почти два года, как я в Барберуссе. Под нелепый ритм подъемов и отбоев, окриков «По местам!» и «Смирно!», под перечень имен, выкрикиваемых по радио, стук окошек, открываемых утром и захлопываемых вечером, под металлический аккомпанемент проверяемых решеток, скрежет цепей, волочащихся по земле, нанизываются недели, месяцы. Через слуховое окно докатывается к нам в камеры шум города. Вертолеты гудят без устали, кружась в небе или пролетая над нами с ранеными солдатами на борту — они доставляют их в Баб-Эль-Уэд, воют сирены санитарных машин и полицейских «джипов», на улочках Касбы раздается по ночам стрельба.

Так и проходит наша жизнь. Мы сдавлены в этой камере, словно нас согнали всех в купе железнодорожного вагона, отправившегося в далекое путешествие, которому не будет конца, мимо бесконечных решеток, прутьев, камней. В четырех стенах мы можем распознать с закрытыми глазами каждое пятно, каждую щель, каждую вещь. Но лучше, чем вещи, познаются в тюрьме, как никогда на воле, люди.

— В тюрьме,— говорит один из моих товарищей,— люди предстают друг перед другом как они есть.

Достоинства и недостатки выявляются здесь, словно под лупой, а совместная жизнь в этих страшных условиях делает немыслимым скрыть что-либо. Привычки, малейшие желания, чувства, странности, манера есть и спать и даже душевные порывы каждого известны теперь всем. Вера в будущее, которая объединяет нас, наше общее стремление к знаниям, к деятельности позволяют побеждать ту тюремную рутину, которая медленно и коварно засасывает нас.

...После освобождения учителя Ренэ Д., просидевшего здесь год, в нашей камере осталось шесть человек. Еще в январе наше дело было отослано в военный трибунал, но по-прежнему и речи нет о суде. Теперь мы одни из самых «старых» узников Барберуссы.

Число заключенных с 2 400 сократилось почти до 1 100 за два года, и это позволило администрации тюрьмы еще больше изолировать наше крыло. Окончательно были очищены общие камеры 2-го и 3-го отделений, которыми пользовались лишь в исключительных случаях.

Несколько камер заняты уголовниками, хотя в основном они сейчас содержатся в другой части здания. Спагетти, Слиман и «Марокко» освободились, отсидев положенное. Рабах, прежний главный староста и парикмахер Тити успели за это время не только отбыть срок, но совершить еще одну кражу и снова попасть в Барберуссу.

— Удивительно,— говорят они нам.— Вы все еще здесь?

...Камеры 1-го отделения снова заполняются приговоренными к смерти. 7 июля, несколько недель спустя после ухода последней партии помилованных, на полигоне Хуссейн-Дей Пятой Республикой был расстрелян первый алжирец. Теперь больше не гильотинируют— теперь убивают пулей. В этом и все новшество. Убивают, делая вид, что уважают свои жертвы. Но это скорее уступка требованиям публики, нежели тем, у кого отнимают жизнь.

С сожалением и, по-видимому, с большой медлительностью хозяева тюрьмы начали «модернизацию» Барберуссы.

Новый «салон» заменил прежнюю грязную комнату, в которой находилась «парикмахерская». Теперь здесь имеются умывальники и даже зеркала из полированного металла. Какое странное ощущение испытываешь, когда спустя много месяцев видишь вдруг собственную физиономию. Каждый долго рассматривает себя, словно впервые знакомится со своими новыми чертами, новыми морщинами: «А я, оказывается, похудел сильнее, чем полагал... Я не думал, что так поседел... Я постарел».

Каждое утро громкоговорители полчаса передают музыку — и в дни казней тоже. На фоне вальсов и танго слышишь ругань, грубости, которые нисколько не изменились. Надзиратели вслух выражают недовольство новыми порядками, которые шокируют их.

— Это не тюрьма, а бордель! — заявляет Лу.

Начальник тюрьмы теперь деголлевец, он награжден орденом Почетного Легиона, но не слишком поддается веяниям сверху. Продолжая так же сурово отдавать распоряжения, он только недавно лишил приговоренных к смерти свиданий, пользования ларьком и табаком на три месяца. Начальник тюрьмы делает вид, что ведет себя весьма либерально. Он даже задумал перекроить стражников на новый лад, созывая для них конференции, которые призваны сделать из тюремщиков «воспитателей»,— так один из них недавно сообщил нам. Когда начальник спускается со своего Олимпа и раздается «смирно», оповещающее о его приближении, он отцовским снисходительным жестом подает команду «отставить». Он даже дает советы заключенным, но все его слушают настороженно-иронически и не слишком доверчиво. Случается, он высказывается и об ответственных за политическую ситуацию. Изменения в мире не проходят мимо него, он говорит о чем попало или несет с немыслимой быстротой всякую чушь, что взбредет ему на ум.

В отделении изолированных и «старых» заключенных, как мы, он проявляет особую гибкость и явно хочет избежать новых «инцидентов», которые рискуют получить огласку за пределами тюрьмы. Иногда в надежде подорвать в нас непонятный ему оптимизм он заключает свой монолог следующими словами: «Это может длиться годами. Это война на измор. На годы! Вы отдаете себе отчет?! Оставаться годы здесь и быть ни на что не годными все это время. Вы мертвецы».

Он уступает в мелочах, подбрасывая жалкие крохи. Часы прогулок увеличены, изолированные гуляют большую часть дня, и надзиратели терпят, что заключенные играют в мяч, сделанный из старых тряпок. Так появилась некая разновидность волейбола. Почта поступает к заключенным с меньшим опозданием, разрешено получать книги, питание улучшилось.

А по существу ничего не изменилось. «Тыканье» и расистское презрение остаются. Патриоты по-прежнему рассматриваются как преступники, тогда как настоящие уголовники, используемые администрацией, получают определенные привилегии и лучший паек, которого лишено большинство заключенных.

Когда помощник начальника тюрьмы с видом крайнего изумления — так и не знаешь, напускное оно или естественное,— пускается в разговоры с политическими и кто-нибудь из них спросит его: «Почему в Барберуссе не такой режим, как во французских тюрьмах?» — он отвечает:

«Франция — это Франция, а Алжир — это Алжир, и нечего сравнивать».

Эта истина, так комически звучащая в его устах, нисколько не шокирует непоколебимую логику помощника начальника тюрьмы.

Когда начинается ночное дежурство надзирателя по кличке Белая Крыса, он незадолго до отбоя останавливается у нашего окошка. Прежнее презрение к нам приняло у него, как и у других надзирателей, некоторую разновидность предусмотрительности. Это произошло благодаря той упорной борьбе, которую мы вели с ними в течение двух лет, требуя элементарного уважения.

К этому еще примешивается их удивление нашей моральной стойкостью и стремлением к знаниям даже в самых трудных условиях.

— Вы, коммунисты,— говорит один из надзирателей,— вы тверды, как вот это! — И он ударяет кулаком о камень.

Белая Крыса не верит больше в возможность мирного урегулирования алжирского вопроса, через три месяца он потерял веру в человека, который должен был восстановить порядок. Некоторые политические мероприятия он тоже не очень пылко поддерживает.

— Теперь в тюрьме куда меньше народа и мало «новеньких», а между тем сражения продолжаются и покушения также. Что же делается с теми, кого арестовывают? — спрашиваем мы у него.

Он злорадно ухмыляется, явно довольный тем, что может дать ответ, совпадающий с его собственными чувствами:

— Теперь военные власти не отправляют арестованных в тюрьмы. Что это дает? Посадить для того, чтобы вскоре помиловать? Теперь тех, кто попадается, тут же убивают — так, по крайней мере, спокойнее! Нет, больше не будет сотен и сотен заключенных, как прежде...

Сейчас почти открыто убивают арестованных патриотов, зато одновременно с этим вводят дополнительное блюдо к обычному тюремному рациону для тех, кому посчастливилось добраться до Барберуссы. И комиссии всегда сумеют отметить улучшение в содержании заключенных.

— И вы это одобряете? — спрашивает один из нас.

— Безусловно,— продолжает Белая Крыса, входя в раж.— Никакой пощады! Да, кстати, вы помните надзирателя, ну этого, с маленькими усиками, такого полного? Так вот, ему в Константине гранатой ноги оторвало... Небось, тут вы считаете, что так и надо?

— А вы? Когда «пара» [1] и гражданские европейцы уничтожают сотни и сотни мусульман, вы молчите? Помните похороны Фроже? А расстрел Руиссо, когда какой-то сержант и его молодчики ворвались в арабское кафе, вывели посетителей и тут же, на улице, без всякой причины расстреляли всех до одного? За убийство двух-трех десятков алжирцев Лакост «наказал» сержанта, лишив его отпуска из казармы не то на пятнадцать суток, не то на три недели. По-вашему, так и должно быть? Это вас тоже не возмущает?

Надзиратель абсолютно невозмутим.

— Ничего общего,— говорит Белая Крыса.

Он, вероятно, считает, что таких «уроков» было недостаточно. Ярый расизм делает его совершенно бесчувственным к страданиям, к пролитой крови мусульман. Единственные жертвы, о которых еще стоит подумать,— это только европейцы. Все остальные, кто они, подумаешь? «Бико», «крысы», «простофили», «ствол смоковницы» [2]. Спасибо войне, так обогатившей жаргон надзирателя.

Он вперил в нас злобные маленькие красные глаза и выложил свою сокровенную мечту:

См. «Огонек» №№ 45 и 46.
Книга Анри Аллега «Бойцы в плену» будет напечатана в журнале «Иностранная литература».

[1] Парашютисты.
[2] Оскорбительные прозвища алжирцев.

— Бывает, хожу во время дежурства вокруг поста, а военные и даже просто гражданские идут мимо и кричат: «Подождите, мы еще вернемся, всех до одного там уничтожим...» Вы сами понимаете, мы их удержать не сумеем.

Август — сентябрь.

Благодаря новому «подкреплению» двор снова ожил. Гул многоголосых разговоров смешивается с пронзительным щебетом стрижей, взмывающих, как стрелы, в узкую полосу неба, простирающуюся над нами.

...Собираемся группками вокруг Абделькадера, Локдара и Ахмеда: они любят разговаривать, прогуливаясь,— или же, прислонившись к стене, слушаем Шатена — самого старшего из «новеньких», который предпочитает отдыхать, покуривая сигарету.

В начале 1958 года он уже побывал в Барберуссе. Нам не удалось тогда познакомиться поближе. Я знал только, что он перенес тяжелейшие пытки.

— Теперь чувствую себя лучше,— говорит он, улыбаясь.— Седые волосы — это пустое, раны и ожоги зарубцуются, ребра срастутся, вот только зубы новые уже не вырастут.

Он показывает голые десны — палачи выбили ему передние зубы.

— Придется вставить искусственные, когда выберусь отсюда... Удивительно, как это только человек остается в живых после всего, что с ним проделывают...

— Ты здоровяк!..

— То же самое сказал комиссар, направляя меня из Алжира для опознания,— соглашается он, смеясь.— Как только меня арестовали, за мною прибыл в горы вертолет, чтобы доставить в тюрьму. Там меня и распознал шпик. После пыток, которыми руководил какой-то лейтенант,— началось с ударов ремня, бычьей жилы, а кончилось электрическим током, как со всеми,— они оставили меня совершенно голого в палатке с наручниками, надетыми на руку и на ногу,— вот так, согнув вдвое, понимаешь? Так мне предстояло провести ночь. Холод был собачий, и комиссар улегся, не раздеваясь, на походную кровать и укрылся еще несколькими одеялами поверх своей теплой куртки-канадки. Посреди ночи этот негодяй, который не мог уснуть, потому что ему было очень холодно, спрашивает меня: «Тебе не прохладно?» Я ему отвечаю: «Нет». «Как это ты умудряешься не замерзнуть на земле, да еще нагишом? Я просто подыхаю от холода... Ну и крепкая же у вас шкура!» Самое забавное, что это была правда. Он меня так «отделал», что я даже не чувствовал холода.

Шатену около пятидесяти лет. Когда его подпольная деятельность была раскрыта в Блиде и стало ясно, что в любую минуту его могут арестовать, он и примкнул к повстанцам в горах Атласа, между Блидой и Медеа. Шатен рассказывает, как его арестовали:

— Я застрял на верхушке прибрежной скалы в открытой местности и скатился прямо к их ногам. Солдаты Армии национального освобождения разбились на группки, чтобы пробраться через прочесываемую местность. На этих прочесываниях я уже набил себе руку. Случалось, целая тысяча окружала отряд маки, но, кроме пустоты, им ничего не удавалось схватить. Несколько раз я видел солдат на дороге, а мы тут же, рядышком, в нескольких десятках метров, явственно слышали французскую речь. Они приближались, не подозревая, что мы здесь. Жизнь маки состояла всегда вот из чего: прятаться, если противник очень многочислен, и нападать, когда он этого не ждет. Не раз приходилось совершать длительные походы только для того, чтобы сойтись в короткой схватке, а потом вспомогательные отряды подбирали оружие врага и мы двигались дальше. У колониальных войск — у тех другая тактика. Вот увидели они лес, в котором могут притаиться маки. Они обрушивают на него бомбы, сколько влезет. Попался им дуар[1], который помогает отряду и снабжает его. Они обстреливают дуар, убивают всех мужчин, уничтожают фруктовые деревья, животных. Уцелевших алжирцев и их семьи они заключают в лагеря. А так как нет ни одного дуара, который не стоял бы за независимость, представляете себе, что получается... Камня на камне не остается в горах, ни одной землянки. Поблизости от Блиды,— рассказывает дальше Шатен,— французские солдаты проехали в танках по связанным и брошенным на землю феллахам и раздавили их насмерть. Их дуар дал пристанище «мятежникам». А потом они залили известью все, что осталось от этих изувеченных тел.

— Все равно им ничего не остановить,— говорит Бабу.— Когда отряд нашей армии проходит через селение, старики, женщины, дети — все выходят навстречу, рукоплещут, кричат с восторгом: «Аша аль Джезаир!»[2]. Армия национального освобождения никогда не будет знать нехватки в людях. Все дети только об одном и мечтают: поскорее вырасти, чтобы взять оружие в руки и бороться до победного конца за независимость. Бойцы? Их приходилось сдерживать... Каждый готов отдать жизнь в любую минуту. Что же до поддержки народа... Вначале казалось просто невероятным: словно каждый феллах готовился годами к вооруженному восстанию — столько можно было собрать оружия! Были и охотничьи ружья и пистолеты, которые они припрятали понемногу всюду, и все приносили Армии национального освобождения до того, как стало полегче...

— Армия национального освобождения,— заключает Абделькадер, — и впрямь чувствует себя со своим народом, как рыба в воде. Чтобы уничтожить эту армию, им пришлось бы истребить весь алжирский народ.

[1] Селение.
[2] «Да здравствует Алжир!»

В камере № 24 десятка два осужденных ждут, когда их отправят по этапу. Вечером один из них тихо, чтобы не навлечь на себя наказания, которое последует за ним в другую тюрьму, зовет:

— Эй! Семьдесят вторая! Семьдесят вторая!

За решеткой не разберешь, кто говорит.

— Вы меня не помните? В 1953 году, еще до войны, я был в лагере, который устроила наша молодежь в Шершелль. И мой друг тоже.— Он хлопает по плечу серый силуэт, стоящий рядом с ним.

— Вас было несколько человек из редакции «Альже Республикен».

Трудно узнать их, если бы они даже не были за решеткой. В ту пору, когда я приезжал в молодежный лагерь, находившийся в поместье Саадуна, один из его сыновей, Мустафа, считался организатором и ответственным по лагерю, а эти ребята были еще совсем детьми.

Я спрашиваю:

— А как Саадуны, вы имеете о них какие-нибудь сведения?

— Вы разве не знаете? Мустафа в маки. Колониальные части и другие европейцы расправились с его семьей, атаковали ферму. Они убили всех, кого застали там: девять человек — двоюродных братьев, тетку, рабочих, соседей. Это было согласовано с мэром... Только Саадуны, которых в тот день не было в Шершелль, остались в живых.

Потом он рассказывает мне об М., друге Саадуна, молодом феллахе из окрестностей Франсис-Гарнье, деревни, расположенной между Шершелль и Тенес:

— Он в лагере, они убили его брата. Солдаты привязали его за ноги к «джипу» и тащили за собой на полной скорости. На одном из поворотов он стукнулся о стенку. Так он и умер...

С каждой встречей растет траурный список...

Забыли запретить...

В прошлом году Ватикан распространил новый кодекс норм поведения католических священников. Этот кодекс запрещает святым отцам читать политическую литературу, посещать театры, кино, спортивные состязания и участвовать в любых играх. Но Ватикан не смог предугадать всего, что надо запретить католическим священникам.

Став настоятелем церкви Джероломини в Неаполе, отец Гвидо Мартинелли сразу понял, какие огромные сокровища там хранятся и как, совершив выгодное дельце, можно обеспечить себе безбедную жизнь. Он пригласил на должность эконома священника — пройдоху Алессандро Веско. По ночам, при свечах, католические пастыри, благословясь, вырезали куски стен, расписанных прославленными итальянскими мастерами XVI—XVII веков, выламывали дорогие инкрустации и вместе со скульптурами и ценной церковной утварью упаковывали все это в ящики и тайком вывозили. Через темных дельцов священники перепродавали свою добычу антикварам. Одно перечисление похищенных вещей занимает более шестнадцати страниц, а стоимость награбленного превышает миллиард лир.

Святые отцы, пойманные с поличным, утешают себя истиной: «Не согрешишь — не покаешься».

Задержан Шекспир

Это произошло неподалеку от Стратфорда-на-Эйвоне, города, где, как известно, родился великий английский драматург. Полицейский остановил машину, мчавшуюся на недозволенной скорости.

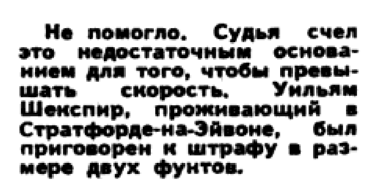
— Ваше имя? — обратился блюститель порядка к водителю.

— Уильям Шекспир.

«Глупая шутка»,— решил полицейский. Но в удостоверении задержанного черным по белому было написано: «Уильям Шекспир». Правда, он оказался не драматургом, а авиамехаником.

В суде однофамилец «настоящего» Шекспира, оправдывая свои действия, процитировал из «Отелло»: события торопят нас.

Не помогло. Судья счел это недостаточным основанием для того, чтобы превышать скорость. Уильям Шекспир, проживающий в Стратфорде-на-Эйвоне, был приговорен к штрафу в размере двух фунтов.



«Будь здоров, господи!..»

Как следует из сообщения журнала «Лайф», преподобный Альфред Моррис, архиепископ Уэльсский, никогда не вступит в общество трезвенников. Трезвенники, заявил он, люди честные и искренние, но они ошибаются. В библии, утверждает святой отец, содержатся положительные доказательства того, что алкогольные напитки являются божьим даром.

В семье аристократов

Жила-была некая ослица. Судьба забросила ее на Мальту, где она неожиданно получила поэтическое имя — Белинда. Ослица полюбилась Эмме Лейкок, младшей дочери генерал-губернатора и командующего войсками военно-морской базы Англии сэра Роберта Лейкока. С этого времени жизнь ослицы мало чем отличалась от жизни ее хозяев-аристократов. Белинда поселилась в Англии, в поместье Лейкока, недалеко от Донкастера. Ей прислуживал дворецкий во фраке. В жаркие дни он подавал ей пиво из холодильника.

Июнь 1960.

Наконец-то мы дожили до 31 мая. Против всех ожиданий нас вызвали в суд — 13 июня мы предстанем перед военным трибуналом. Итак, почти через три года решено поторопить ход событий и дать нам минимум времени для подготовки защиты и предупреждения наших адвокатов. Этот кратчайший срок уже свидетельствует о том, что будут приняты все меры, чтобы не дать нашим голосам прозвучать в полную силу. Выбор председателя трибунала тоже говорит о многом. Это Катерино, один из тех судебных следователей Алжира, который еще до вооруженного восстания специализировался на преследованиях алжирских патриотов. К его прошлым «заслугам» принадлежит расследование дела Ахмета Аккаша и позднее—руководителей «Альже Репюбликен».

— Его вам подогнали, как по мерке,— говорит Ж., либеральный адвокат Алжира, которому часто приходится иметь дело с Катерино.

— Все это не очень вяжется с заверениями президента,— иронически замечает один из наших друзей.— Президент хотел «безупречного» правосудия! Если так поступают со всеми, так что же остается охранять Комиссии по охране прав и свободы личности? Одну лишь видимость!

Вероятно, нас недолго здесь продержат после суда. Но еще несколько недель, глядя на румяна, которыми новый режим пытается приукрасить тюрьму, мы будем видеть то, чем не перестала быть Барберусса: зеркалом замученного Алжира. Политика «умиротворения», убийства, пытки — все это плод колониальной войны, страшной машины истребления людей.

В больнице я недавно видел одного молодого алжирца, который пытался выброситься с верхней галереи и теперь лежал на носилках посреди палаты. Он сломал обе ноги, упав на центральную площадку перед решетками кухни. Вокруг него расхаживали надзиратели и уголовники, как будто никого здесь не было. Только один из служащих больницы спокойно сказал своему коллеге:

— Это уже второй за десять дней выбрасывается на площадку. И еще тот старик, который хотел перерезать себе горло кружкой! Прямо эпидемия какая-то!..

Раненый с лицом в красных и синих ссадинах и кровавыми подтеками на подбородке лежал совершенно неподвижно, словно никого и ничего не видел и не слышал, и смотрел далеко перед собой.

— Он здесь недавно,— сказал служащий,— он из «новеньких», не привык еще...

Мы тоже никак не привыкнем, хотя считаемся «старенькими». Вот уже несколько месяцев, как к нашему регистрационному номеру совершенно официально приписали букву «С», означающую «старожил». Это сделано во избежание путаницы в номерах, розданных только что поступившим. Ибо всякий раз, когда число заключенных достигает десяти тысяч, в регистрационной книге подводится черта и вновь счет ведется с первого номера.

Более десяти тысяч заключенных прошло за время моего пребывания здесь! Мои товарищи, прекрасные и благородные в своем страдании, такие разные и такие схожие в своей героической вере, прошествовали как отряд мужественного народа, ведущего великий бой!

Каждый вечер два голубя аспидно-пенного цвета, шурша крыльями, в один и тот же час прилетают навестить нас. Не страшась, клюют они крошки хлеба, упавшие вокруг на землю. И мы уже знаем, что близится час, когда появится стражник и крикнет нам на ночь: «По местам!» Но немногим раньше, тоже почти каждый вечер, зовут нас голоса смертников из слуховых окошек камер. Их теперь около двадцати. Для этих несчастных ожидание смерти должно быть еще более мучительно, чем тогда, когда оно падало на плечи очень многих и каждый из них чувствовал горячую поддержку большого коллектива. Теперь приговоренные к смерти разбросаны в обоих крыльях первого отделения, в камерах, которые находятся далеко одна от другой, и, уходя на рассвете, они не уверены в том, что им удастся предупредить об этом своих братьев по борьбе.

Утром мы узнали об одной из последних казней (их было три в апреле и мае), когда соседи заметили, что камера пуста. Ее обитатель, застигнутый врасплох, ушел в полном молчании: охрана мгновенно заткнула ему рот кляпом, и товарищи по тюрьме не смогли даже напутствовать его последним прости.

Мы стоим у бассейна и поворачиваемся к слуховому окну, откуда доносится голос. Бледные пальцы смертника Аджареса едва различимы на решетке, погруженной в тень. Так ежедневно мы обмениваемся приветствиями, затем Ахмет, сидя на краю бассейна, повторяет и комментирует приказы, отдаваемые постам. Во время поездки де Голля в Америку Аджарес ежевечерне спрашивал:

— Он уже возвратился?

Приговоренный к смерти знал, что, пока продолжается поездка де Голля, в стране не будет казней, так как только сам президент республики мог подписать или отклонить помилование. Когда отвечали: «Мазаля! — Нет еще!»,— Аджарес говорил просто: «Эту ночь можно спать!»

Но однажды пришлось ему сказать, что поездка окончена, и тогда он ответил:

— Что ж! Будем опять ждать! Через несколько дней начнется ваш процесс, и мы не сумеем, братья, вот так побеседовать... Скоро вы отсюда уйдете...

— Да, скоро!..

— Но мы еще встретимся! Мы еще встретимся... если только будем живы!

Он любит поэзию, и строки, выученные в детстве, приходят ему на память: «Мы свидимся после бури, когда вернемся в тишь порта».

— Как хорошо будет вспоминать обо всем! Даже о тюрьме! Если бы не Барберусса, может, никогда бы нам не повстречаться. Столкнувшись на улице, мы, быть может, даже не взглянули бы друг на друга! Барберуссе мы обязаны своим знакомством! Именно об этом мы вспомним раньше, чем о своих страданиях... На следующий день после того, как снесут Барберуссу...

На следующий день... Когда умолкнет гул снарядов и стоны пытаемых, когда сожженные дуары восстанут из развалин, когда на полях, обагренных кровью, подымутся новые всходы, когда снова заговорят о дружбе между народами, которых разделяют наполненные кровью рвы, когда знамя независимости свободно будет реять над алжирской землей, тогда мы снесем Барберуссу!

Сколько раз мечтали узники об этом дне!

— Что мы построим на этом месте? — спрашивали мы друг у друга.

И мнения расходились:

— Больницу!

— Жилые дома... Хватит с нас лачуг и конур!

— Университет для нашей молодежи!

— Парк, лучше всего парк, здесь так мало зелени!

Да, парк! И пусть веселые голоса детворы свободного Алжира устремятся прямо к солнцу, туда, куда доносились одни лишь стоны из темниц; пусть счастливый смех матерей звучит там, где в ночи казней слышались прощальные крики женщин, и пусть в память о каждом казненном, расстрелянном вырастет чудесное ветвистое дерево, и букеты ярких, благоухающих цветов напомнят о тех унижениях и страданиях, которые пришлось пережить здесь.

Прекрасный сад будет у детей Касбы!

Перевод с французского
Э. и А. ЛАЗЕБНИКОВЫХ.

Мекка реваншистов

Мрачное кирпичное сооружение с подслеповатыми окнами, возле которого расположилась группа туристов, считается в Федеративной Республике Германии одной из исторических достопримечательностей. Сюда время от времени подкатывают на «мерседесах» и «порше» преуспевающие дельцы, наживающие капиталы на вооружении бундесвера; здесь собираются шумные оравы бывших эсэсовцев; к этому дому совершают паломничество члены молодежных неофашистских организаций.

Бывший «чайный домик» Гитлера в Оберзальцберге, близ Берхтесгадена, стал настоящей Меккой реваншистов. Какие мысли вызывает у них визит сюда?

Вот строки из книги посетителей:

«Наконец я снова в Оберзальцберге! Всплывают в памяти старые солдатские воспоминания...»

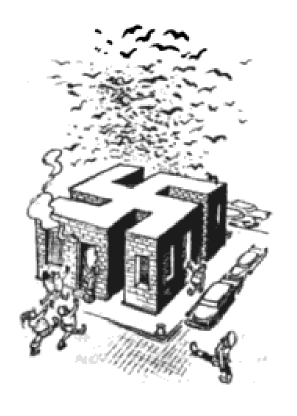
«Были здесь, смотрели, ушли, удовлетворенные».

«Думаю о прежних временах с прежней верностью».

И так далее. Подобных изречений немало. Все они достаточно красноречиво характеризуют атмосферу в боннской республике, где реваншизм и милитаризм подняты на щит официальной государственной политики, а недобитые гитлеровцы чувствуют себя как дома.

Пожалуй, точнее всех выразился некий руководитель молодежной группы. Осмотрев со щенячьим восторгом логово нацистского главаря, он написал: «Фюрер мертв, но его программа выполняется!»

Да, нынешний Бонн принял у разгромленного «третьего рейха» эстафету войны и ненависти, эстафету безумия, эстафету национального самоубийства...

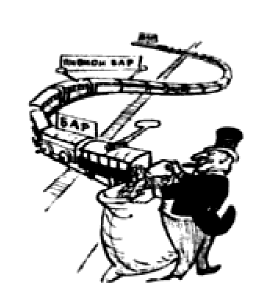


Приглашение принято

В витрине Миланской кредитной конторы было выставлено рекламное объявление: «Вам нужны деньги? Побывайте у нас!..» В одну из ночей сейф в кассе был взломан. Вор, не лишенный чувства юмора, оставил записку, в которой было одно слово: «Побывал!»

Коллекционер

Среди американских богачей немало коллекционеров. Это считается модным и создает видимость занятости полезным делом. Собирают все: старинный фарфор и бутылки от виски, картины и конфетные коробки, бабочек и пивные кружки. Один американский предприниматель коллекционирует старые трамвайные вагоны. В поисках их он объехал все страны Европы, от Португалии до Швеции. Но в этом случае тяга к металлолому— не обычная дань моде. За ней скрывается трезвый расчет. В трамвайных вагонах будет оборудован бар, «экспонаты» должны послужить рекламой для нового питейного заведения.



Рисунки Вл. Добровольского.

Покупайте, покупайте...

Видите надписи на свитерах этих хоккеистов? Это не названия команд, а... рекламные объявления. Крупные шведские фирмы рекламируют таким оригинальным способом свои изделия. Чего только не придумаешь, чтобы обойти конкурентов...

Д. А. Петруччи в редакции «Огонька». Фото И. Тункеля.

ская клетки. Оплодотворенная клетка делится перемычкой надвое, клеток становится больше. Целый ком клеток. Внутри него начинается движение. Расплывчатая, плывущая внутри клеток масса превращается в поток четко очерченных комочков. Комочки уже не движутся как попало, а, словно муравьи, бегут по невидимым тропинкам. Тропинки становятся видимыми. Комочки становятся красными. Комочки уже движутся не плавно, как раньше, а судорожно. Они пульсируют. Это кровь пульсирует по кровеносным сосудам. Это система кровообращения. Киноаппарат пятится назад, и на экране — человеческий зародыш. Вот его голова, вот спинной хребет, вот мозговые пузыри, вот почки, из которых в скором времени появятся верхние и нижние конечности. Вот закрытые смеженными веками будущие человеческие глаза. А вот и тот пульсирующий комочек, судорожно сжимающийся 60 раз в минуту, ткнув в который указкой, докладчик объявляет: «куоре» — сердце. Но все присутствующие на киносеансе видят это и сами.

Непостижимое постигнуто.

Но нужен ли науке этот человеческий инкубатор? Не имеет ли интерес, проявленный к эксперименту Петруччи биологами, физиологами, эмбриологами, наконец, практикующими хирургами, нечто общее с ажиотажем, который охватывает широкую публику, стремящуюся на публичные выступления итальянца, словно на сенсационный цирковой иллюзион: нашелся, мол, ловкач, который вывел человека в банке.

Жизнь человека начинается не с момента родов, а с оплодотворения женской клетки мужскою. И часто женщина еще не подозревает, что ей предстоит стать матерью, а будущий ребенок уже находится на грани заболевания, которое скажется только тогда, когда ребенок пойдет в школу. Многие виды человеческого уродства закладываются в организме в эмбриональный период. Часто бывает, что лечебная медицина сталкивается с болезнью, когда та неизлечима, а о профилактике болезни не может быть и речи.

Существует наука эмбриология, которая всю себя посвятила изучению зародышевого развития. Но как можно изучать зародышевое развитие, не имея в распоряжении объекта исследования? И эмбриологи находились в трудном положении палеонтологов, которые по остаткам скелета должны составлять себе представление об образе жизни ископаемых животных. Разумеется, и эмбриологи располагают огромной коллекцией зародышей животных и человека в самом различном возрасте. Но ведь все они, эти зародыши, попадали в руки эмбриологов уже травмированными. Их можно было как угодно препарировать, но никто никогда и краем

Папа Карло среди

В. ПОЛЫНИН

Итальянский сказочник Карло Лоренцини — Коллоди, сочиняя всемирно известную историю рукотворного человечка Пиноккио (у нас его называют Буратино), рассчитывал, по-видимому, надежно и навечно оторваться от реальности. Проходит несколько десятков лет, и другой итальянец, вооружившись более совершенным набором инструментов, чем столярные принадлежности папы Карло, добивается того, что по мысли сказочника позволительно рисовать лишь в фантазии.

Хирург из Болоньи Даниеле Анджело Петруччи вырастил, или вывел, или смастерил — трудно сказать, какое из слов точнее,— человеческий зародыш вне человеческого организма. И даже не одного, а целых одиннадцать. Причем старший Буратино достиг 58-дневного возраста.

И вот папа Карло — уже не сказочный, а наш современник — в Москве. Даниеле Петруччи приехал сюда по приглашению Академии наук СССР.

Первая лекция итальянского хирурга состоялась в актовом зале Президиума Академии.

Петруччи подходит к экрану, берет в руки тонкую указку...

Среднего роста. Среднего возраста. Спортивного сложения. Иссиня-черные волосы гладко зачесаны назад. Иссиня-черные усы спускаются на подбородок, смыкаясь в короткую строгую бородку. Темные глаза под густыми бровями закрыты большими стеклами густо-дымчатых очков. Черный костюм, черный галстук бабочкой. То ли это обилие черных тонов, то ли душевное волнение при встрече с высокой аудиторией придают высокому лбу и бритым щекам итальянца аскетическую бледность, а всему его облику — загадочную таинственность. Одних это наталкивает на портретное сравнение болонского хирурга с его легендарным соотечественником алхимиком Джузеппе Бальзамо—Калиостро. Других — проводить аналогию между доктором Петруччи и доктором Вагнером, которого Гете в своем «Фаусте» заставляет вырастить человечка в колбе.

Но гаснет свет в зале, вспыхивает экран, и с каждым новым кадром цветного документального фильма эксперимент, осуществленный в Болонье, и его автор освобождаются на глазах кинозрителей от ореола таинственности.

Вот банка из прозрачной пластмассы — метилметакрилата. У банки — герметически завинчивающаяся крышка. В банку вставлен обогреватель, похожий на электрический кипятильник для чайника. Обогреватель автоматически блюдет температуру в 37,3 градуса. Внутрь этого прозрачного термостата помещается небольшой метилметакрилатовый барабанчик, полый внутри. В этой «биологической колыбели» — термин Петруччи,— служащей детским местом, зарождались и вырастали эмбрионы человека.

В термостатической банке просверлено несколько отверстий. По двум из них с помощью аппарата «сердце — легкие» подводится свежая и отводится отработанная питательная среда, в третью вставляется объектив микроскопа, увеличивающего в 2 тысячи раз. Объектив микроскопа на другом конце оптической оси имеет не окуляр, как обычно, а киноаппарат. В окуляр киноаппарата смотрит не человеческий глаз, а объектив телевизионной камеры. Причем камеры, видящей в инфракрасной части спектра, попросту в темноте. Петруччи в своем опыте стремился искусственные условия максимально приблизить к условиям естественным. Это касалось и освещения. К тому же инфракрасные лучи проникают в ткань на глубину до одного сантиметра, и Петруччи и его киноаппарат видели и фиксировали на пленке больше того, что им удалось бы увидеть при обычном свете. Телевизионный передатчик был спарен с походным телеприемником. Это позволяло папе Карло не выпускать из поля зрения своего Буратино даже тогда, когда папа Даниеле выгадывал время, чтобы побыть со своей женой и двумя маленькими детьми. О ходе опыта переносный телевизионный приемник продолжал информировать исследователя и в саду, и в столовой, и даже в спальне. В лаборатории в это время оставался лишь робот-кинооператор, который по заданной программе продолжал снимать демонстрируемый теперь фильм...

Вот сливаются мужская и жен-

глаза не наблюдал, как они развиваются сами. Правда, физиологи, в частности наши советские физиологи, добивались того, что случайно оказавшийся вне материнского лона плод, а не эмбрион, еще существовал какое-то время, поддерживаемый искусственным питанием,— этот срок наши ученые доводили до 42 дней, а плод достигал веса в 500 граммов. Таких плодов, живущих некоторое время без участия матери, было немало. Но возраст всех их уже превышал три месяца. А от первого до девяностого дня биография эмбриона оставалась терра инкогнита.

Когда Колумб открыл неизвестную землю, он не подозревал, что это Америка. И изучая эмбрионы в прозрачной биологической колыбели, изобретенной Петруччи, мы, возможно, узнаем, как освободить человека будущего от врожденных пороков сердца, как лишить его неблагоприятной наследственности, сможем выбирать пол наших детей и даже добиться того, чтобы все они были рослыми, физически сильными. Во всяком случае сможем передавать их на руки профилактической медицине, медицине будущего, без единого сучка и задоринки. И когда-нибудь врачу воспитать здорового

нас

человека будет не труднее, чем садовнику вырастить фруктовое дерево. Так проблема медицинской науки и практики перерастает в общечеловеческую проблему, пронизанную высоким гуманистическим смыслом.

Но выращивание человеческих эмбрионов — насущная потребность и лечебной медицины, в частности хирургии. Создавая свой метод, хирург Петруччи ставил перед собой именно практические цели. Некоторые болезни можно лечить исключительно подсадкой к больному организму здоровой ткани. Например, пересадкой роговицы людей излечивают от слепоты. Можно было бы даже в некоторых случаях переставлять части тела от одного человека к другому.

Но приживаемость чужой взрослой ткани не подвластна медицине. А вот эмбрион, причем эмбрион того возраста, который вырастил у себя Петруччи, еще не успел сформировать своей индивидуальности. Его ткани приживутся в любом организме. И не только приживутся, но и будут расти, развиваться и, кто знает, может, и вырастут в нормальный человеческий орган.

Петруччи, кстати, уже поставил такой опыт. У своего старшего Буратино он извлек гипофиз, часть головного мозга, влияющую на многие функции организма. Этот гипофиз он «подсадил» молодой пациентке, у которой наблюдались некоторые недостатки в развитии скелета, а также не развивались зубы мудрости. Через шесть месяцев после подсадки зубы мудрости прорезались. Вполне возможно, между подсадкой, сделанной Петруччи, и ростом зубов у его пациентки нет причинной связи. Чтобы подтвердить опыт, его следует не раз повторить, и при этом каждый раз опыт должен сопровождаться успехом. Но никто из ученых не отрицает, что в будущем эмбрионы, выращиваемые в «биологических колыбелях», послужат исходным материалом для подобных подсадок.

Если упоминать о задачах, к решению которых может быть приложим метод Петруччи и которые тянут за собой одна другую так, что число их растет, словно снежный ком, получится бесконечное перечисление сложнейших, важнейших проблем, уже стоящих в повестке дня медицины.

Петруччи довел своего старшего Буратино до 58-дневного возраста. Опыт мог бы и продолжаться, эмбрион — расти, но у Петруччи не хватило питательного материала — плазмы. Эмбрион успешно развивается только тогда, когда питающая его плазма извлекается из крови женщины, носящей в себе эмбрион того же возраста. Допустимая ошибка — не более десятка дней. У хирурга Петруччи не оказалось в то время пациентки с 2-месячной беременностью, негде было достать нескольких сотен «кубиков» нужной крови, и опыт пришлось оборвать. Разумеется, если хирурга из Болоньи поддерживала бы вся государственная система здравоохранения Италии, такую плазму в Болонью могли бы доставить из другого места: где-нибудь в стране нашелся бы соответствующий донор. Но Петруччи работает в одиночку, если не считать его технических помощников, в своей собственной клинике, в собственной лаборатории, которую содержит за свой счет, зарабатывая на исследовательскую работу самыми различными хирургическими операциями. И то, что Даниеле Петруччи без чьей бы то ни было поддержки добился выдающегося успеха, характеризует его не только как талантливого хирурга, изобретателя, ученого, новатора...

Один наш эмбриолог, Г. А. Шмидт, познакомившись с методом Петруччи, сказал:

— При решении проблемы — вырастить эмбрион в искусственных условиях — рядовой исследователь не рискнул бы пойти напролом без предварительного выяснения многих, к сожалению, до сих пор не выясненных вопросов, связанных с развитием эмбриона в естественных условиях. Например, эмбриология до сих пор не знает, как передвигается кровь по матке. И для того, чтобы построить искусственную матку, «биологическую колыбель», казалось бы, надо прежде всего решить именно эту проблему. Петруччи не стал терять на это времени и, замерив лишь количество притекаемой к матке крови и ее давление, стал смело экспериментировать. Расчет изобретателя был хотя и рискован, но, как оказалось, точен.

Петруччи, прежде чем посягнуть на господствующую вершину, пришлось взбираться по длинной цепи меньших высоток. Например. Женский фолликул для опыта можно взять лишь путем хирургического вмешательства. Делать операцию можно было, разумеется, только в тех случаях, когда женщина в ней нуждалась для спасения своего здоровья. Но чтобы фолликул годился для опыта, его надо было взять в момент его созревания. А созревание надо было определить до хирургического вмешательства. И желательно день в день.

А технические трудности. Тут мало медицинских, биологических, физиологических, эмбриологических познаний. Тут надо быть конструктором, инженером, радиотехником, кинематографистом, оптиком. Да, да, Петруччи сам подсчитал и подогнал микроскопический объектив к своей 16-миллиметровой съемочной камере. Сам рассчитал и построил автомат-робот, который без участия оператора в нужное время производил заданный вид киносъемки (кстати, одна из итальянских фирм начала серийный выпуск роботов Петруччи). Он сам, своими руками выпиливал из метилметакрилата «биологическую колыбель». Сам приспособил к киноаппарату телекамеру, снимающую в инфракрасных лучах. Сам придумал, как снимать фильм в инфракрасных лучах, и, успешно сняв его, написал об этом методе съемок учебное пособие. Этот любительский фильм в 1959 году, когда был выращен 58-дневный Буратино, был удостоен в Америке высшей кинематографической премии Оскара, присуждаемой, как правило, лишь незаурядным профессионалам.

...Для разговора, не относящегося к науке, господин Петруччи назначил мне время, приходящееся на ранний утренний час. Он всегда встает рано, в Москве тем более. Три с половиной часа — обычная его норма сна: у них, в Италии, говорят: кто спит, остается без рыбы. Но вообще-то он сам ловле рыбы предпочитает охоту. Он даже в Москву привез свое ружье 12-го калибра, кучу патронов и охотничьи доспехи.

Страсть к охоте, как и любовь к медицине, в роде Петруччи передается от отца к сыну. Да и нельзя не стать охотником, если ты родился на берегу озера Изéо, в предгорьях Альп. В тех местах водится всякая дичь и даже кедровый петух, знаете, такой огромный, черный, с красными бровями, который глохнет и слепнет во время песни. Ах, у вас он зовется глухарь? Меткое название.

Так вот. Родился в Изео, учился в Бергамо. Это совсем рядом. Там отец работал врачом. В 1938 году пришлось из Италии спасаться бегством. У них в городке стояла статуя Гарибальди, а фашисты ее снесли и заменили бюстом Муссолини. Так он с ребятами из его класса вымазал рожу Муссолини грязью («скажем — грязью, чтобы не употреблять более точного, но непригодного для печати слова»). Кое-кого фашисты все-таки сцапали. Но ему удалось перейти границу. Образование пришлось получать в Англии и Швейцарии. Но в Италию он вернулся не к накрытому столу. Наступал с армией союзников, был в партизанах. А когда война кончилась, смог снова учиться. Окончил медицинский факультет Миланского университета. В 1948 году, 25 лет, стал преподавателем хирургии Болонского университета.

Болонский университет самый старый у них в Италии: ему почти 900 лет. На одном из его балконов, на чугунных перилах, Гальвани развешивал своих знаменитых лягушек. Знаменитый медик Мальпиги тоже оттуда. И Маркони там работал. Что там теперь? Когда он, Петруччи, затеял в университетской лаборатории свои опыты по выращиванию эмбриона, экспериментатора подняли на смех. Он не стал терять времени на споры и расстался с университетом. Стал работать дома, на свой страх и риск, на свои средства. Но даже когда он, Петруччи, вырастил одиннадцать эмбрионов и — старшего, восьминедельного,— господа из университета продолжали упираться, что, мол, возня с эмбрионами — никому не нужное дело.

Для него, Петруччи, приглашение приехать в Советский Союз тем более приятно, что советская наука, к которой он относится с большим уважением, не разделяет точку зрения его твердолобых научных противников. Он побывал здесь во многих интересующих его научных учреждениях Москвы и Ленинграда. А от Ленинграда он вообще пришел в восторг. Он поколесил по свету немало, видел Лондон, Париж и многие красивейшие города Европы и Америки. Но Ленинград — это что-то особенное. Такой гармонии линий, цвета не знает ни один город мира.

Во время бесед с советскими учеными он исписал ценными заметками свои блокноты. Он рад, что всюду, куда он приходил, советские ученые дотошно расспрашивали о его методе. Ведь если советская наука займется этим делом, выиграет и он, Петруччи, он будет ближе к своей заветной цели, которая, собственно, не отличается от смысла жизни любого любящего свое дело врача: иметь оружие для расправы с любыми болезнями.

Он, Петруччи, религиозный человек. Он католик. Он по своим воззрениям виталист и отрицает материальную природу некоторых вещей, например, жизни. Он знает, что в Советском Союзе господствует другая идеология. Но он был рад видеть, что разница в идеологии не мешает научным контактам. Ему, Петруччи, не нравится, когда у них, на Западе, ведут против Советского Союза нечестную пропаганду. Стараются выставить в черном свете то, что имеет совсем другую окраску. Кроме ружья, охотничьего, конечно, он, Петруччи, захватил с собой в Советский Союз и киноаппарат. И если охота в Подмосковье у него и не сложилась особенно удачно: всего лишь один рябчик,— то документальный фильм, фильм, имеющий целью рассказать о Советском Союзе правду, он, Петруччи, все же успел отснять. Каков будет сюжет? Он построен очень просто. Вот он, Петруччи, переезжает границу и видит на земле грозную тень, тень человека, держащего в руках винтовку. Но он, Петруччи, поднимает камеру вверх — вертикальная панорама,— и оказывается: это не человек с ружьем, а пастух с палкой. Знаете, у которой крючок на конце, чтобы ловить баранов на бегу за заднюю ногу? На этом приеме построена вся кинокартина. «Как вы думаете, будет она иметь у нас, в Италии, успех?»

Вокруг шахматной доски

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

ЗАТОПЕК ИГРАЕТ КАРО-КАНН

С большим удовольствием я принял приглашение знаменитого чехословацкого бегуна Эмиля Затопека. И вот я в его пражской квартире, и мои глаза разбегаются от всяких сувениров. Это память о поездках по белу свету феноменального чеха. Да, изрядный кусок земного шара обегал он, выступая на различных соревнованиях. Я бы не решился состязаться с Затопеком в беге, но он не побоялся расставить шахматы. По ходу игры я заметил, что олимпийский чемпион внимательно следил за матчем-реваншем Таль — Ботвинник, ибо защиту Каро-Канн он разыграл по последним рецептам Ботвинника...

Эмиль Затопек просил меня передать сердечный привет читателям «Огонька», что я с удовольствием и делаю.

АТАКУЕТ ПАУЛЬ КЕРЕС!

Пауль Петрович Керес потихоньку входит в зону «пятидесятников». Мало на свете шахматистов, которые способны сохранять такую постоянную хорошую спортивную форму, как Керес. Может быть, поэтому у него такое огромное количество болельщиков? Эти болельщики неизменно огорчаются тем, что Керес в турнирах кандидатов занимает по обычаю лишь второе место и никак не может «добраться» до Ботвинника. На конгрессе ФИДЕ в прошлом году обсуждалось даже предложение сделать исключение для Кереса и дать ему возможность сыграть матч с Ботвинником вне очереди. Понятно, что такое исключение сделать нельзя.

В этом году Керес занял первое место на большом международном турнире в Цюрихе. Многие надеялись видеть его победителем турнира в Бледе. Но, как известно, «старику» пришлось уступить победу Михаилу Талю.

Мы приводим одну из партий Пауля Кереса, сыгранную на турнире в Бледе. Чехословацкий гроссмейстер Л. Пахман должен был убедиться, что не рекомендуется попадать под атаку Кереса. Здорово «кусается» Пауль Петрович!

Английское начало.

Л. Пахман	—	П. Керес
1. c2 — c4		e7 — e5
2. Kb1 — c3		Kg8 — f6
3. Kg1 — f3		Kb8 — c6
4. d2 — d4		e5 : d4
5. Kf3 : d4		Cf8 — c5

Л. Пахман славится как превосходный теоретик. Играя с ним, противники обычно стараются избегать книжных вариантов.

6. Kd4 : c6	b7 : c6
7. g2 — g3	h7 — h5

Эту фланговую атаку рекомендовал еще лет 25 тому назад А. Алехин.

8. Cf1 — g2	...

В книгах Л. Пахман советует играть 8. h4. Очевидно, на практике Пахман не всегда применяет то, что сам рекомендует в своих книгах.

8. ...	h5 — h4
9. 0—0	h4 : g3
10. h2 : g3	Фd8 — e7
11. Cc1 — f4	Cc8 — b7
12. a2 — a3	Kf6 — h5
13. Фd1 — d2	Kh5 : f4
14. Фd2 : f4	Cc5 — d6
15. Фf4 — d2	...

Осторожнее было 15. Фe4. Пахман переоценил свою позицию.

15. ...	0—0—0
16. b2 — b4	...

Ничего плохого у белых не наблюдалось бы, если бы они сыграли 16. Кe4. Но теперь инициативу захватывает Керес, и не верится, что уже через девять ходов Пахман скажет: «Сдаюсь».

16. ...	Cd6 — e5
17. Лa1 — c1	f7 — f5
18. f2 — f4	Ce5 — f6
19. e2 — e4	g7 — g5
20. e4 — e5	Cf6 — g7
21. Фd2 — f2	g5 : f4
22. g3 : f4	Лd8 — g8
23. b4 — b5	Cg7 — f8
24. b5 : c6	Cb7 : c6
25. Kc3 — d5	Фe7 — h7

Пахман срочно сдался, чтобы не получить мат.

БОТВИННИК И ТАЛЬ УТЕШАЮТ ДРУГ ДРУГА

После лекций М. Ботвинника о ходе матча-реванша на первенство мира ему обычно задают десятки различных вопросов. В Тбилиси, между прочим, чемпиона мира спросили: «Скажите, пожалуйста, какие у вас отношения с Талем?» Ботвинник ответил, что отношения с Талем у него хорошие, нормальные. И чемпион мира рассказал следующий эпизод.

На первенстве Европы в Оберхаузене, когда Ботвинник проиграл Унцикеру, Михаил Таль утешал его: «Не расстраивайтесь, французская защита не совсем надежна». Через несколько дней Таль все же применил ту же французскую защиту в партии с Портишем и... также проиграл. И тогда Ботвинник подошел к Талю и утешил его: «Не расстраивайтесь, французская защита не совсем надежна».

ГРОССМЕЙСТЕРЫ НЕ СЛУШАЮТСЯ

Когда разговор заходит о Бледе, мне прежде всего вспоминается совершенно феноменальный успех А. Алехина, которому на турнире 1931 года удалось оторваться от второго призера на 5,5 очка!

Я тоже участвовал в том интересном состязании, и мне хорошо запомнилась партия одного из участников тогдашнего турнира в Бледе, Милана Видмара. Он создал тогда поистине «шедевр» — самую короткую, одиннадцатиходовую партию турнира, сыграв вничью с Тартаковером...

Быстро летит время. В этом году почтенный профессор Видмар не участвовал в очередном турнире в Бледе, он согласился быть главным судьей этого соревнования. Профессор Видмар за последнее время очень активно выступает против бесцветных, так называемых «гроссмейстерских ничьих». Он даже специально приехал на конгресс ФИДЕ, чтобы внести свои предложения по борьбе с «ничейными королями»!

И вот в одном из первых же туров в Бледе главный судья турнира Видмар вынужден был зафиксировать «гроссмейстерскую ничью» Найдорфа с Трифуновичем. Партия закончилась на 11-м ходу, так же, как в свое время партия Видмар — Тартаковер. Что же сделал недовольный главный судья? Он обратился с небольшой речью к публике с призывом протестовать против такого «безобразия». Публика аплодировала. А гроссмейстеры? Через два тура было зафиксировано еще пять таких ничьих!

Да, уважаемый профессор, трудно бороться с непослушными гроссмейстерами.

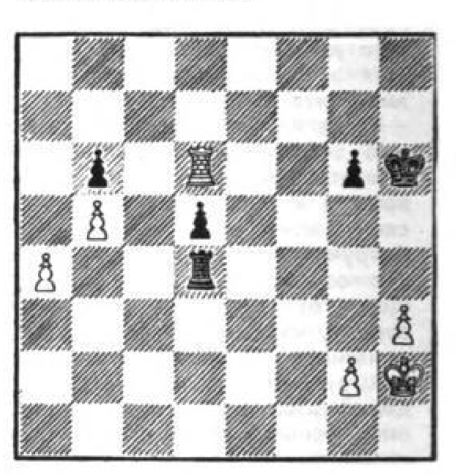
БОББИ ВЫШЕЛ ИЗ ДЕТСКОГО ВОЗРАСТА

До сих пор не улеглись страсти вокруг матча между американскими гроссмейстерами С. Решевским и Р. Фишером.

Как известно, молодой Фишер четыре раза подряд завоевывал первенство США, но прежний чемпион, Решевский, заявил: «Фишер мне все равно ничего не доказал. В матче он меня никогда не победит». Американцы любят такие острые ситуации, и нашлись меценаты, которые собрали 8 тысяч долларов для организации матча между пятидесятилетним Решевским и восемнадцатилетним Фишером. Договорились, что 65 процентов этой суммы получит победитель, остальное — побежденный.

Знатоки расценивали шансы гроссмейстеров как примерно равные, и действительно матч начался поражением Фишера.

В отложенной позиции Бобби обещал своим поклонникам, что сделает ничью «левой рукой». Но, как известно, ладейные эндшпили бывают при всей их внешней простоте коварными, и при доигрывании Фишер все же проиграл. Вот как это произошло:



42. Лd6 : b6 Лd4 : a4 43. Kph2 — g3 Лa4 — b4 44. Лb6 — b8 d5 — d4 45. Kpg3 — f3 Лb4 — b3 + 46. Kpf3 — e4 d4 — d3 47. Kpe4 — e3 g6 — g5 48. Лb8 — b6+ Kph6 — g7 49. Kpe3 — d2 Kpg7 — f7 50. g2 — g3 Лb3 — b2+? (Неудачный шах. Обязательно было 50... Kpg7, после чего выигрыша у белых не видно.) 51. Kpd2 : d3 Лb2 — b3+ 52. Kpd3 — c4 Лb3 : g3 53. Лb6 — h6 Kpf7 — g7 54. Лh6 — c6! Лg3 : h3 55. b5 — b6 Лh3 — h1 56. Kpc4 — b5 Лh1 — b1+ 57. Kpb5 — a6 Лb1 — a1+ 58. Kpa6 — b7 g5 — g4 59. Kpb7 — c8 Лa1 — a6 60. Kpc8 — c7, и Фишер сдался, ибо на 60... g3 решает 61. Лc3.

В дальнейшем Фишер уравнял счет, захватил лидерство, но после 11-й партии счет снова стал равным — 5,5 : 5,5.

Наши читатели, вероятно, знают, что в этот напряженный момент матч был прерван. Двенадцатую партию Решевский не играл потому, что, по религиозным соображениям, он по субботам не садится за доску. В воскресенье и в понедельник закапризничал Фишер, и главный судья засчитал ему поражение в 12-й партии за неявку, а затем объявил Решевского победителем матча.

Фишер обиделся: «Судья матча напрасно считает меня ребенком. Мы еще разберемся на суде». «При чем тут суд?» — спросит удивленно читатель. Но разве может Фишер примириться с тем, что Решевский получил главный приз? Правда, юный чемпион не успел осуществить свою угрозу: он уехал на турнир в Блед, однако теперь, после его возвращения в США, борьба за доллары началась с новой силой.

Так или иначе, но Фишер в Бледе доказал, что вышел из детского возраста. Если еще два года назад кое-кто относился к выступлениям Фишера с иронией, то после блестящего успеха юного чемпиона США в Бледе (он, как известно, занял там второе место, после Таля) всем стало ясно, что в его лице шахматный мир получает выдающегося гроссмейстера.

Один из итогов турнира в Бледе заключается и в том, что прошли те времена, когда наши гроссмейстеры с разгромным счетом побеждали молодого Фишера. В Бледе Фишер единственный прошел весь путь без поражений. Конечно, у советских шахматистов нет никаких оснований для паники. Но, готовясь к новым турнирам, им следует помнить, что Бобби — уже не Бобби. Роберт Фишер вырос в серьезного соперника для сильнейших шахматистов мира.

И. Синепольский. МЕТАЛЛУРГИ.
Харьковский государственный художественный институт.

В. Щербаков. СТУДЕНТЫ.
Московский государственный художественный институт имени В. И. Сурикова.

В. Сорокина. МОЛОДОСТЬ.
Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина. Ленинград.

С. МАРШАК

Новые переводы

Из Джанни Родари

Новогодние пожелания

Вот стишок мой новогодний.
Пожелаю вам сегодня:

В Январе лучей Апреля,
Чтобы вас получше грели.

Чтобы ветры чаще дули —
Да не в Марте, а в Июле.

Чтобы день ваш был без ночи
Или ночь была короче.

Чтобы в море дни и годы
Не бывало непогоды.

Чтоб весь год не знали драки
Ваши кошки и собаки.

Чтобы, сколько хлеб ни режем,
Был он мягким, был он свежим.

Чтобы сливками фонтаны
Наполняли вам стаканы.

Если это слишком много,
Не судите слишком строго.

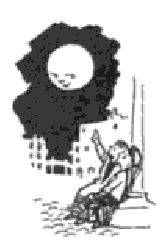
А награды мне не надо —
Ваша радость мне награда!

Чья Луна?

— Я слышал, в Киеве Луна
Прекрасна, точно в Риме.
— Она, должно быть, не Луна,
Хоть носит это имя!

— А может, в Киеве видна
Сестра Луны, а не Луна?..

Луна в ответ сказала так:
— Да что я вам? Ночной колпак?
Нет, я для всех сияю.
До рубежей мне дела нет.
Дарю Парижу ясный свет,
Бомбею и Шанхаю,
Гляжу на Кубу и Тунис,
И мне в пути не надо виз.



Династия лентяев

Не впадая в пристрастие,
Расскажу вам, ребята,
О лентяйской династии,
Что царила когда-то.

Самый первый по счету
И по времени Лодырь
Впал с рожденья в дремоту
Или в сонную одурь.

Четверть века он правил
И, предвидя кончину,
Королевство оставил
Тоже Лодырю — сыну.

Этот Лодырь Второй,
По прозванию Соня,
Тихо правил страной,
Ибо спал он на троне.

И пошли от него
Короли друг за дружкой:
Лодырь Третий, кого
Звали просто Подушкой,

И Четвертый, что стал
Класть в постель к себе грелки
(А поэтому спал
И под гром перестрелки).

Дальше царствовал Пятый,
По прозванию Мятый.

В бок толчок получал он,
Чуть во сне помаленьку
Со ступеньки сползал он
На другую ступеньку.

А Шестой пролежал
Сто четыре матраца.
А Седьмой не желал
И совсем просыпаться.

А Восьмой себя звал
По ошибке Девятым.
Значит, сын его стал
Поневоле Десятым.

Он отпраздновал брак,
Взяв принцессу Зевоту,
И семнадцать Зевак
Народил он по счету.

Всем будившим его
Он давал подзатыльники
И носил оттого
Кличку «К черту будильники!».

Был ленив, как тюлень,
Лодырь номер одиннадцать,
Целый день было лень
С места Лодырю сдвинуться.

Он скончался давно,
И в истории края
Королем «Все равно»
Именуют лентяя.

Он смотрел без участья
На чужие несчастья,
На войну и на мир,
На рагу и на сыр,
На людей и на кошек,
На морковь и горошек,
На индейку и зайца,
На капусту и яйца...

Не имел он пристрастия
Ни к чему никогда,
И, последний в династии,
Он исчез без следа.

Из английских народных детских песен

Попрошайки

Лают собаки!
В город во мраке
Идет попрошаек стая —
Кто в рваной одежке,
Кто в драной рогожке,
Кто в бархате и горностае.

Мальчики и девочки

Из чего только сделаны мальчики?
Из чего только сделаны мальчики?
Из улиток, ракушек
И зеленых лягушек.
Вот из этого сделаны мальчики!

Из чего только сделаны девочки?
Из чего только сделаны девочки?
Из конфет, и пирожных,
И сластей всевозможных.
Вот из этого сделаны девочки!

Из чего только сделаны парни?
Из чего только сделаны парни?
Из насмешек, угроз,
Крокодиловых слез.
Вот из этого сделаны парни!

Из чего только сделаны барышни?
Из чего только сделаны барышни?
Из булавок, иголок,
Из тесемок, наколок.
Вот из этого сделаны барышни!

Доктор Фостер

Доктор Фостер, добрый малый,
Учит деток чем попало:
Розгой, плеткой, ремешком,
Палкой, скалкой, кулаком.

Пляшет школа в час урока
Из Британии в Марокко,
Из Марокко до Нью-Йорка —
Хоть куда загонит порка!

Лунный вечер

Мальчишки, девчонки,
Гулять идем!
Светло на улице,
Как днем.

Оставь свой ужин,
Оставь кровать.
Айда на улицу
Гулять.

С гиком и свистом
Во двор выходи.
А если ты хмуришься,
Дома сиди.

Вверх по стремянке,
Вниз по стене.
Славно мы будем
Играть при луне!

Из Эдварда Лира

Комар Долгоног и Муха

I

Папаша Комар Долгоног,
В костюм серо-бурый одетый,
У моря бродил в стороне от дорог
В прекраснейший полдень лета.

Навстречу — мистер Зум-зум-зум,
Без умолку жужжащий,
Одетый в праздничный костюм,
Как зеркало, блестящий.

Пока часов протяжный бой
Их не позвал к обеду,
Они вели между собой
Приятную беседу.

Потом на золотом песке
Играли мирно в бильбоке.

II

Комар Долгоног, оглядевшись вокруг,
У друга спросил, наконец:
— Почему никогда, уважаемый друг,
Не ездите вы во дворец?

Ведь так богат у вас наряд,
Как зеркало, блестящий,
Что двор, наверно, был бы рад
Вас принимать почаще.

Средь мрамора и хрусталя
Вы увидали б короля.
А рядом королева
Сидит на троне слева.

Сияет золотом их трон.
Она — в зеленом, в красном — он.

III

— Нет,— Зум-зум-зум сказал в ответ,—
Бывать я там не мог.
Я вам открою свой секрет:
Всё горе — из-за ног!

Богат и пышен мой наряд,
Да ноги коротки.
Об этом в свете говорят
Все злые языки.

И если я пойду в чертог,
Мне не простят коротких ног.
Король и королева
Сойдут с ума от гнева.

И, верно, скажет мне король:
— Ты, Муха, выйти вон изволь!

IV

— Мой друг,— немного погрустив,
Промолвил Зум-зум-зум,—
Прошу я: спойте мне мотив,
Какой придет на ум.

Бывало, слушать вашу трель
Любили окунь и макрель,
И краб, клешнями шевеля,
Пел вместе с вами: «Тру-ля-ля!»

Вы пели так, как ни одно
Земное существо.
Но не поете вы давно.
Скажите, отчего?

Хоть ради праздничного дня
Вы спойте нынче для меня!

АВТОГРАФЫ ПУШКИНА В «ЗЕЛЕНОЙ КНИГЕ»

Читалъ 10го класса Александръ Сергеевъ сынъ Пушкинъ 1817 Июня 15

В архиве внешней политики России хранится старинная тетрадь, известная когда-то под названием «Зеленой книги». На первом листе книги — текст указа императрицы Екатерины II от 4 августа 1791 года о запрещении чиновникам Коллегии иностранных дел посещать квартиры иноземных дипломатов и вступать с ними в какие-либо разговоры о своей службе. Все определяемые на службу в Коллегию обязаны были дать подписку в том, «чтоб дела каждому вверенные, сохраняемы были с надлежащею тайною», опасаясь за нарушение этого указа «не токмо отрешения от дел, но суда и взыскания по всей строгости законов». Последующие листы «Зеленой книги» пестрят подписями трех поколений чиновников, служивших «по дипломатической части» со времен Екатерины II по 1865 год. Среди сотен чиновничьих автографов выделяются имена людей, оставивших глубокий след в развитии русской культуры, в революционном движении тех лет. Сероватые листы книги хранят автографы поэта и дипломата А. С. Грибоедова, поэтов К. Н. Батюшкова и Ф. И. Тютчева, известного путешественника и основоположника русской индологии Г. С. Лебедева, поэта и декабриста В. К. Кюхельбекера, революционного демократа М. В. Буташевича-Петрашевского.

Но «Зеленая книга» замечательна еще тем, что в ней сохранились два впервые публикуемых здесь автографа Александра Сергеевича Пушкина. Многие другие его подписи под официальными документами неоднократно публиковались.

Первый автограф Пушкина в «Зеленой книге» датирован

Читалъ Титулярный Совѣтникъ Пушкинъ

V

— Мой друг,— ответил Долгоног,—
От вас не утаю,
Какое множество тревог
Терзает грудь мою.

Уж столько лет я петь не мог
Из-за ужасно длинных ног.
И эти ноги — целых шесть! —
Мне не дают ни лечь, ни сесть.

Шесть длинных ног — и там и тут —
Все время, кажется, растут.
Как на ходулях, я стою.
Вот отчего я не пою.

Мне пенье не идет на ум,
Любезный мистер Зум-зум-зум!

VI

Тут мистер Комар Долгоног
И мистер Зум-зум-зум
Присели рядом на песок
Морской послушать шум.

И оба думали, полны
Тревоги и тоски:
То ноги чересчур длинны,
То слишком коротки!

Один не мог попасть в чертог
Из-за своих коротких ног.
Другой же песню спеть не мог
Из-за ужасно длинных ног...

Кругом царит такой сумбур.
Все в этом мире чересчур!

VII

Мистер Комар Долгоног
И мистер Зум-зум-зум
К воде со всех пустились ног
Без цели, наобум.

Они вскочили в утлый бот,
Столкнув его легко,
И понеслись вдвоем вперед,
Далёко-далеко!..

Они приплыли невзначай
В Громбулианский славный край
И там на золотом песке
Играют мирно в бильбоке,

Пока протяжный бой часов
Не возвестит: обед готов!

Поббл, у которого нет пальцев на ногах

У Поббла Без Пальцев Ног
Были пальцы в былые года.
Но в ответ
На совет,
Чтоб он пальцы берег,
Отвечал он всегда:
— Ерунда!

А тетя Джобиска,
В сырую погоду
Давая племяннику
Хинную воду,
Клялась, что никто бы
Придумать не мог
Лекарства полезней
Для Поббловых ног.

Поббл Без Пальцев Ног,
Едва он немного подрос,
Бристольский канал
Пересек
Поперек,
Фланелью укутав нос.

От леди Джобиски он знал, что вода
Ногам никогда не приносит вреда,
И тот, кто от холода нос уберёг,
Навек не расстанется с пальцами ног.

В пути он всё время повязку хранил,
А если встречал корабли:
Динь-динь-дилидинь! — в колокольчик звонил,
Чтоб сбоку его обошли.

И каждый морской капитан, адмирал,
Увидев плывущего Поббла, кричал:
— Плывет он за рыбой для киски
Почтеннейшей леди Джобиски!

И вот уж близка его цель —
Почти переплыл он канал.
Как вдруг мимоходом цветную фланель
Дельфин с его носа сорвал.

Он нà ноги бросил испуганный взгляд,
Где было на каждой минуту назад
Пять розовых пальцев, уложенных в ряд,—
И замер в тоске и тревоге,
Увидев беспалые ноги.

И никто никогда не узнал —
И не сможет узнать, вероятно,—
Кто начисто пальцы ему обкорнал
Так быстро и так аккуратно:
Акула, чьи зубы кинжала острей,
А может, русалка — жилица морей,
А может быть, краб или вобла
Насытились пальцами Поббла...

Поббла Без Пальцев Ног
Уложили заботливо в барку,
А потом понесли
(Ведь ходить он не мог)
По тропинке к Джобискину парку.
И тетя от счастья, что он не погиб,
Устроила завтрак из жареных рыб —
Из тех, что в Бристольском канале
К племяннику в руки попали.

И Побблу сказала: — Конечно, беда,
Что пальцев своих ты лишен навсегда.
Но если ты ноги без пальцев сберёг,
Куда это лучше, чем пальцы без ног!

Рисунки Л. СМЕХОВА.

1817 годом. В июне того года состоялся выпуск Царскосельского лицея. Семь выпускников были определены, «согласно их желанию», в Коллегию иностранных дел. Среди них был и Пушкин, получивший чин коллежского секретаря (по «табелю о рангах» — чиновник X класса). 15 июня священник сенатской церкви привел Пушкина к присяге на верную службу. В тот же день он явился в Коллегию и расписался в «Зеленой книге» о чтении указа Екатерины II.

«Читал 10-го класса Александр Сергеев сын Пушкин, 1817 июня 15».

На том же листе книги стоят подписи В. К. Кюхельбекера, С. Г. Ломоносова, князя А. М. Горчакова, Н. А. Корсакова, барона П. Ф. Гревеница и П. М. Юдина, лицейских товарищей Пушкина, избравших службу по дипломатическому ведомству.

К служебным делам Пушкин не приступал, но продолжал числиться в штате до 1824 года.

В конце двадцатых годов Пушкин задумал большую работу по истории России. Он обратился с просьбой о дозволении «заняться историческими изысканиями в наших государственных архивах и библиотеках». Но для того, чтобы получить доступ в архивы к историческим документам, необходимо было состоять на государственной службе. Просьба Пушкина была удовлетворена, его зачислили в Коллегию иностранных дел и допустили для работы в Петербургский Главный архив. В «Зеленой книге» появилась новая подпись Пушкина, сделанная в конце января 1832 года:

«Читал титулярный советник Пушкин».

Отмечая значение рукописей Вольтера, Пушкин сказал: «Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства. Мы с любопытством рассматриваем автографы, хотя бы они были не что иное, как отрывок из расходной тетради или записка к портному об отсрочке платежа. Нас невольно поражает мысль, что рука, начертавшая эти смиренные цифры, эти незначащие слова, тем же самым почерком и, может быть, тем же самым пером написала и великие творения, предмет наших изучений и восторгов».

Р. ОВЧИННИКОВ,
старший научный сотрудник Центрального государственного архива древних актов СССР.

Бунин и Короленко

15 июля 1913 года общественность России отмечала 60-летие Владимира Галактионовича Короленко. В одесской газете «Южная мысль» (№ 565) появилась беседа И. А. Бунина с корреспондентом, посвященная юбилею писателя-гражданина. Затерявшаяся в старых газетах, беседа эта представляет значительный биографический и литературный интерес.

«Первое мое беллетристическое произведение, — сообщал Бунин,— было напечатано в «Русском богатстве», но я долго в журнале не продержался. Как только покойный С. Н. Кривенко откололся от «Русского богатства» и основал «Новое слово», я ушел вместе с ним.

Встречаться с Короленко я таким образом не мог часто, так как всем известно, что В. Г. в широких литературных кругах не появлялся и держался исключительно в тесном кругу литераторов из «Русского богатства».

Все же кое-когда у В. Г. я бывал.

Жил он в Петербурге возле Греческой церкви в деревянном двухэтажном доме с мезонином, доме глубоко-провинциальном (к провинциальному В. Г. кажется вообще питает большую склонность).

В длинные петербургские вечера я и забирался к В. Г., с которым мы долго и много беседовали на литературные темы. Однажды, помню, мы целый вечер говорили о Толстом.

В. Г. говорил о Толстом с благоговением. Слушая его, я упивался и тонким анализом учения Толстого и образностью речи В. Г. Помню, в этот вечер Короленко подарил мне свою книгу, в которой сделал надпись: «Вечер. Пески. Долгие разговоры».

Что я могу сказать о В. Г. Короленко?

Радуешься тому, что он живет и здравствует среди нас, какой-то титан, которого не могут коснуться все те отрицательные явления, которыми так богата наша нынешняя литература и жизнь.

Когда жил Л. Н. Толстой, мне лично не страшно было за все то, что творилось в русской литературе.

Теперь я тоже никого и ничего не боюсь: ведь жив прекрасный непорочный Владимир Галактионович Короленко!..»

А. ХРАБРОВИЦКИЙ

БЕССМЕРТНАЯ ИСТОРИЯ АДЖИМУШКАЯ

...В редакцию пришла девушка, высокая, белокурая. Она положила на стол пожелтевшую фотографию и потертую на сгибах страничку старого письма и молчала. Девушка старалась скрыть волнение, но было заметно, как сильно она волнуется.

С карточки смотрит прямым взглядом человек с открытым русским лицом. Старая, довоенная командирская форма, портупея через правое плечо, капитанская шпала в петлицах...

— Кто это? — был вопрос.

Девушка отвечала сбивчиво.

— Мы прочли... мы с мамой прочли в «Огоньке» очерк «Бессмертная история Аджимушкая»... Там упоминается капитан Левицкий... Мы думаем, это наш папа... Виктор Митрофанович Левицкий.

Опубликованный в № 35 «Огонька» очерк «Бессмертная история Аджимушкая» рассказывал о том, как летом 1942 года воины Советской Армии держали оборону каменоломен в поселке Аджимушкай, под Керчью. Защитники каменоломен превратили свои подземные позиции в неприступную крепость. Фашистские варвары травили их газами. В каменоломнях не было пищи, не было воды. Но гарнизон каменоломен сражался до последнего патрона, до последнего бойца.

Все, кто читал этот очерк, запомнили имена героев каменоломен. Среди них был и капитан Левицкий, человек железной воли, тот капитан, которому ампутировали ногу без всякого наркоза. В очерке не называлось даже имени Левицкого, потому что оно не было известно. И вот теперь выясняется не только имя и отчество, но и многое из его биографии.

Виктор Митрофанович родился в 1907 году в городе Ельце, Орловской губернии. В 1929 году пошел служить в Красную Армию и остался кадровым военным. В 1932 году окончил училище связи, был начальником штаба, командиром части, начальником связи дивизии. С первых дней войны — на фронте, был дважды ранен и контужен. Лечился он, по счастливой для всей семьи случайности, в госпитале в городе Орджоникидзе, где жили его жена, дети и родственники. Выписавшись из госпиталя, капитан Левицкий получил новое назначение и уехал из Орджоникидзе. Больше родные уже не видели его.

Последняя весть пришла от Виктора Митрофановича из Керчи. Какие обязанности исполнял он там, капитан в письме не сообщал: видно, нельзя было. Вот первые строки этого письма:

«Город Керчь,
24 апреля 1942.

Здравствуйте, дорогие Мурчонок, мама, Маруся, Валя, Коля и славные малыши. Я жив-здоров, чувствую себя ничего, но сильно скучаю и хотел бы видеть очень вас. Я тебе давал телеграмму и письмо, но ответа еще не получил. Что за причина, я, конечно, не знаю. Где Люся, мне также неизвестно (далее строка неразборчива). От всех вас оторван. Но все это ничего, победа наша, и будем вместе...»

Девушку, которая принесла в редакцию портрет и письмо Левицкого, зовут Ольга. Она младшая его дочь. Живет вместе с матерью, Марией Дмитриевной Левицкой, в Орджоникидзе и сейчас работает контролером на швейной фабрике. Старшая дочь, Людмила Левицкая, вышла замуж, живет в городе Долгопрудном под Москвой, работает медсестрой. Обе они комсомолки.

...По крупицам, по малым черточкам складываются живые образы защитников каменоломен. Их еще не так много, этих черточек, но они о многом говорят нам. Предоставим же слово письмам, которые все идут и идут в редакцию после опубликования очерка.

Вот что узнаем мы о полковнике Ягунове:

«Я прочитал в № 35 очерк «Бессмертная история Аджимушкая» и был чрезвычайно взволнован.

Дело в том, что герой Аджимушкая полковник Ягунов П. М. — мой бывший начальник.

С 20 сентября 1939 года по 10 июня 1941 года я учился в пехотном училище, где заместителем начальника был полковник Ягунов. Несмотря на то, что прошло более двадцати лет со дня выпуска из училища, до сих пор его помню как сейчас и, наверное, никогда не забуду.

Я был курсантом и, конечно, не знаю его личную жизнь, но что касается службы — хорошо знаю. Пожалуй, без преувеличения скажу, он был самым знаменитым человеком в училище. Его знал каждый курсант. Он был худощавый, чуть выше среднего роста, подтянутый, аккуратный офицер. Всегда в до блеска начищенных сапогах, в безукоризненно отглаженном обмундировании. Я эту деталь отмечаю, подчеркивая его образцовый вид — образцовый для всех офицеров и курсантов училища.

Любил он присутствовать на стрелковых тренажах (они проходили рано утром). На этих тренировках он требовал заряжать винтовку за три секунды.

Помню такой случай. Встретил он у штаба одного курсанта, пригласил в свой кабинет, дал ему учебную винтовку и патроны, вынул секундомер и подал команду: «Заряжай!» Курсант эту команду выполнил четко, за две с половиной секунды. Полковник тут же наградил курсанта двумя билетами в драмтеатр и приказал оформить ему увольнение в город...

Многому научились от полковника Ягунова и офицеры и курсанты училища. Требовательный, справедливый и заботливый командир — таким я помню его всегда...

Полковник Аванесов А. Ш.»

Капитан запаса В. С. Бузоверов, также бывший курсант того же училища, добавляет еще одну черточку:

«Однажды зимой, в начале 1941 года, наш батальон находился на многодневных учениях в пятидесяти километрах от города. С нами был и полковник Ягунов. На вторые сутки учений поднялся сильный ураган, длившийся около трех суток. Образовались большие сугробы снега, все обледенело, дороги стали непроходимыми. Батальон остался без пищи. В разгар метели полковник Ягунов, взяв с собой несколько человек курсантов, добрался до училища и оттуда на танкетке доставил батальону продовольствие. Таким мы, курсанты, знали полковника Ягунова».

Начальник шахты имени 7 ноября треста «Ленуголь» комбината Кузбассуголь Кемеровской области Владимир Павлович Парахин узнал в старшем батальонном комиссаре Парахине своего брата Ивана Павловича.

«С 1941 года, — пишет Владимир Павлович, — мы о нем ничего не знаем, хотя и делали неоднократные попытки что-либо выяснить: где он сражался, где погиб. Считали, что он без вести пропал, а тут оказалось, что он сражался под Керчью, был схвачен фашистами и замучен ими в Симферополе.

Считаю своим долгом сообщить о нем некоторые биографические данные. Родился он в 1903 году в семье рабочего на Брянском руднике нынешней Луганской области. Семья наша состояла из 8 человек. Отец мало зарабатывал, и Иван с малых лет пошел работать на шахту. В 1920 году вступил в комсомол, был секретарем комсомольской организации, участвовал в составе отрядов ЧОН в разгроме банд в 23—24 годах, в хлебозаготовках в Старобельске. В 27 году окончил Коммунистический университет имени Артема в Харькове. После университета работал парт. секретарем на стройке Кадиевской ГРЭС. Затем был на политработе, в 37 году служил начальником политотдела авиабригады, а в последнее время перед войной — старшим батальонным комиссаром. Он был кристально чистым коммунистом.

У него была семья: жена Ирина Сергеевна, дочь Надя, дочь Тамара и маленький Сережа. О судьбе семьи нам ничего не известно».

В очерке упоминалось имя старшего лейтенанта Павла Сидорова. Владимир Ефимович Сидоров из поселка Восточного, Верхотурского района, Свердловской области, считает, что это его родной брат Павел Ефимович. Он родился в 1917 году в Смоленской области, в деревне Андроново (ныне деревня Тверицы). В 1936 или 1937 году окончил пехотное училище. Служил в Тбилиси. В 1942 году воевал в районе Керчи и пропал без вести.

Большой поток писем вызвал найденный в каменоломнях список 29 участников подземной обороны. С разных концов страны идут сообщения тех, кто был знаком с людьми, носившими фамилии, числящиеся в списке.

Николай Дмитриевич Сова из Челябинска знал Василия Дидыка. Василий в 1940 году окончил Одесский индустриальный техникум, а в октябре или ноябре месяце 1940 года был призван в армию Аргаяшским райвоенкоматом Челябинской области.

Н. Д. Сова был знаком и с лейтенантом Барановым.

Виктор Баранов в июле 1941 года был призван в армию также Аргаяшским райвоенкоматом.

«Конечно, таких фамилий в Союзе много, — заканчивает свое письмо Н. Д. Сова, — и нельзя с полной уверенностью сказать, что именно те, которых я знал, были участниками бессмертной истории

Аджимушкая, но я уверен: любой из них сражался геройски...»

Действительно, может быть, в каменоломнях сражался не Виктор Баранов? У Виктора Ивановича Бойкова из Новосибирска существует свое предположение.

«Я участвовал в боях по защите Аджимушкайских катакомб в мае 1942 года в составе отряда, которым командовал полковник Ягунов,— пишет Бойков.— ...12 мая 1942 года я встречал в Аджимушкае лейтенанта Василия Баранова. Он из Москвы, прибыл в Керчь в апреле 1942 года после окончания авиаучилища. В подземелье мы с ним не встречались, но в конце июня я видел его в Херсонском лагере, в этапном блоке.

27 мая группой из 12 человек мы пытались найти выход к морю под землей, так как были отрезаны от своих обвалом. Помню, что в этот день мы спрятали две полевые сумки с документами. Это было где-то в штольне, недалеко от места открытого карьера, находившегося с противоположной стороны церкви (которая была видна из выходов, оборонявшихся отрядом полковника Ягунова)».

Шпилевой Иван Петрович, живущий в Красноярске, работающий токарем в строительно-монтажном управлении, пишет: «В списке среди двадцати девяти значится мой брат Шпилевой Григорий Петрович, уроженец села Картушино, Ровеньковского района, Луганской области. Служил он в городе Тбилиси. Я все время имел с ним переписку. Хорошо помню, в мае месяце 1942 года я получил от него письмо из Керчи, в котором он писал: «Защищаем город Керчь, бьем фашистов днем и ночью, настроение бодрое. За меня не беспокойся, не опозорю нашей фамилии, оправдаю доверие нашей Родины». Это и было последнее его письмо, эти слова остались в моей памяти на всю жизнь».

Директор Николо-Александровской школы Октябрьского района, Амурской области, П. И. Буря счел своим долгом сообщить:

«В списке встречается фамилия политрука Мелешко. В нашем районе, в селе Григорьевка, работает учителем Мелешко. Насколько мне не изменяет память, он чем-то связан с катакомбами. Как-то, собираясь на курорт (а у него болят ноги), он жаловался на катакомбы, где пробыл два-три месяца и где получил эту болезнь. Встречаться мне с ним в последнее время не приходилось, чтобы выяснить подробности, но, кажется, он говорил и о генерале Книге».

Еще одна весть — от Елизаветы Николаевны Гондаревой из Астрахани. Она узнала своего мужа Гондарева Петра Николаевича. По профессии техник-строитель, 1902 года рождения, уроженец Астрахани, он был призван в армию в сентябре 1941 года. Последнее письмо пришло от него из Крыма 13 мая 1942 года. У него остался сын, Валентин Петрович Гондарев, 1926 года рождения, который работает на заводе «Октябрь» в Астрахани и учится на пятом курсе в Астррыбвтузе.

Последним в списке 29 фамилий значится Миркин. Читательница из Киева Е. И. Айзенберг узнала в нем своего брата Миркина К. И.

Особого исследования заслуживает история дневника, найденного в каменоломнях. Дело в том, что существует предположение, будто фамилия автора дневника не Сериков, не Селихов и не Сариков (в очерке говорилось, что подпись размыта, неразборчива).

Предположение это выдвинул ответственный секретарь районной газеты «Знамя труда», выходящей в станице Абинской, Краснодарского края, Александр Герасимович Максимов. Он занимался розысками и вот что обнаружил.

«В очерке приводилось несколько записей из дневника политрука Александра Серикова. Автор очерка пишет, что, возможно, фамилия политрука Сариков или Селихов.

В дневнике политрука, между тем, была и такая запись (автор очерка ее почему-то не привел):

«Часто вспоминаю свою родную станицу Ахтырскую. Вдали на несколько километров протянулись Кавказские горы. По северным их склонам течет речка Ахтырка, по обеим ее сторонам раскинулась станица Ахтырская. Там живут мои орлы-сыновья: Гриша — старший, Николай и Вова».

В поисках политрука я опросил многих старожилов, просмотрел книги учета поселкового Совета (сейчас станица преобразована в поселок). Однако ни Сериковых, ни Сариковых, ни Селиховых разыскать не удалось. Но мне подсказали, что до войны жил и работал в станице учитель Трофименко Александр Иванович, который в армии был политруком и под Керчью пропал без вести.

Дальнейшие поиски убедили меня в том, что Сериков и Трофименко — одно и то же лицо. У Трофименко действительно три сына: Григорий, рождения 1929 года, Владимир, рождения 1936 года, Николай, рождения 1940 года. Сам он в августе 1941 года был мобилизован в армию, до октября этого же года находился в учебном полку, а затем направлен в военное училище. В конце марта или начале апреля 1942 года ему присвоили звание младшего лейтенанта и направили в должности политрука роты в распоряжение Военного совета Крымского фронта.

Жена Трофименко, Домна Михайловна, сохранила одно из писем, написанное мужем из поселка Аджимушкай. На нем ясно видны почтовые штемпели: «Керчь, 21.4—42»; «Ахтырская, Краснодарского края. 6.5.42».

В этом письме Александр Иванович указывает адрес, по которому просит писать ему. Вот он: «г. Керчь, поселок Аджимушкай, ул. Кирова, 9, Егорова Зиновья Сергеевна. Для Трофименко А. И.» В конце письма неразборчивая подпись. Можно прочитать ее и как Серо и как Сериков. В других письмах, написанных Трофименко в Краснодаре, сходство подписи с фамилией, указанной в очерке, еще больше.

Уверенность в том, что Трофименко является политруком каменной крепости, укрепляет то, что стиль писем и записей в дневнике один.

Коротко о Трофименко и его семье. Александр Иванович родился в 1908 году. В годы нэпа был пастухом, вступил в комсомол. По комсомольской путевке закончил педучилище. Работал учителем начальных классов, заочно учился в Новороссийском учительском институте. Жена Трофименко, Домна Михайловна, во время войны работала в колхозе. Сейчас домохозяйка, нянчит внуков. Сыновья работают. Все трое женаты, у всех есть дети. Григорий назвал первенца в честь деда Александром. Саша Трофименко пошел нынче в первый класс.

Вместе с письмами посылаю и одну фотографию. Это А. И. Трофименко и его жена Домна Михайловна. Снимок сделан в начале 1942 года, когда Александр Иванович был курсантом училища».

Однако другое письмо подтверждает точку зрения, высказанную в очерке «Бессмертная история Аджимушкая».

«Я, Вильченко Николай Яковлевич, 1914 года рождения, офицер запаса, проживающий в гор. Львове, Кутузова, 41, кв. 8, участник Великой Отечественной войны. После ранения и контузии я находился на излечении в эвакогоспитале 1826. По излечении меня направили сначала в Дубовку, Волгоградской области, для дальнейшего прохождения службы, а затем, в апреле 1942 года, на Керченский фронт, в 47-ю армию, в армейскую базу, которая находилась в районе Семи Колодезей. 5 мая 1942 года немцы подвергли расположения наших войск сильной бомбежке и начали теснить нас к Керчи и к переправе. Поскольку на Керченском направлении было расположено три армии, переправа через Керченский пролив была тяжелой, с большими потерями. Фашисты рвались к переправам, пытались окружить наши части. Помню (это было 7 или 8 мая), на переправу в районе поселка Жуковки прискакал с эскадроном казаков командир казачьей дивизии генерал-майор Книга. Он обратился к солдатам и офицерам с призывом вернуться в каменоломни Аджимушкая, занять круговую оборону и дать возможность остальным частям переправляться через Керченский пролив. Я лично встречался с командиром танковой части полковником Бурминым, который собрал возле себя человек 30 офицеров из частей разных родов войск и поставил задачу окопаться и дать отпор наседавшим фашистам. 8 мая 1942 года в 18.00 каменоломни атаковала горнострелковая рота. Мы совместно с другими подразделениями отбили атаку противника и отогнали его от каменоломен на 6 километров. Вот здесь-то я и встретился с политруком старшим лейтенантом Сериковым Александром Ивановичем, как припоминаю его всегда. Мне вскоре удалось переправиться в Темрюк, где уже был штаб 47-й армии...»

Сейчас, может быть, рано говорить с полной определенностью, кто же был подлинным автором найденного в каменоломнях дневника. Новые предположения оставляют вопрос открытым.

И невольно возникает мысль: ведь даже сами эти сомнения утверждают несомненность главного — у нас героизм не удел одиночек, героизм в характере всего советского народа.

Много в стране людей по фамилии Сидоров, Шпилевой, Селихов, Дидык, Баранов, Филиппов... Может быть, люди, о которых сообщают авторы взволнованных писем,— лишь однофамильцы тех, о ком рассказывалось в «Бессмертной истории Аджимушкая». Но это не просто однофамильцы! Будь они там, в каменоломнях Аджимушкая, они вели бы себя так же геройски, как автор дневника, как Бурмин, Ягунов, Левицкий, как все... Вот главная правда, которая встает со страничек читательских откликов.

И как понятно волнение Ольги Левицкой, дочери погибшего капитана Левицкого, — волнение, которое охватывает всех, кому сегодня двадцать, перед памятью павших за Родину...

Капитан В. М. Левицкий.

А. И. Трофименко с женой. Снимок 1942 года.

Страничка последнего письма В. М. Левицкого родным.

О. Андровская — Наталья Голубь, В. Топорков — Антон Мак.
Фото А. Гладштейна.

ОНИ ЖИВУТ НАД ДНЕПРОМ

Чуден Днепр при всякой погоде... При всякой! Но особенно сегодня, когда погода столь благоприятствует раскрытию творческих сил советского человека. Когда окончательно изгоняются с нашего двора всевозможные Сомы и Кваки, Чапли и Куксы — иными словами, бюрократы и подхалимы, очковтиратели и лжеученые...

Сом и Квак, Чапля и Кукса — это персонажи комедии Александра Корнейчука «Над Днепром», поставленной Московским Художественным театром имени М. Горького к XXII съезду партии. Но не они главные герои пьесы. Драматург — а теперь и театр — утверждают торжество коммунистической морали, духовную красоту подлинных героев наших дней: это председатель колхоза Родион Нечай и его друг Антон Мак, тракторист Петр Орел, профессор Ярослав Голубь...

Отрицательных персонажей автор не наказывает юридически: не сажает их на скамью подсудимых, не исключает на наших глазах из партии. Он развенчивает этих людей морально, показывает их полную нравственную несостоятельность, полное несоответствие всего их облика нормам нашего общества, нашему пониманию человеческой красоты.

И такое их посрамление и осмеяние оказывает на зрителя впечатление весьма глубокое и сильное. А то, что в партии подобным типам не место и что партия уж обязательно выбросит их из своих рядов, сомнения не вызывает ни у кого в зале!

Режиссеры спектакля — М. Кедров, С. Блинников, И. Раевский — проделали совместно с автором серьезную и вдумчивую работу. Спектакль точно передает атмосферу пьесы — жизнеутверждающую, пронизанную радостью и счастьем свободного труда советских людей.

В спектакле Художественного театра заняты актеры разных поколений — и «старики» и молодежь. Поэтому и удач в нем немало.

Так бывает редко, очень редко... Признаюсь, я в первые минуты даже не узнал В. Топоркова, играющего роль директора колхозного ресторана Антона Мака. Да, не узнал актера, которого вижу на сцене на протяжении нескольких десятилетий, с которым за последние годы часто встречаюсь и в жизни, просто не узнал! Куда девался его возраст?! Весь он огонь, молодость души, лукавство, лирика...

Вот они встречаются, директор ресторана Антон Мак и Наталья Голубь (ее играет О. Андровская). Когда-то, в ранней юности они жили в одном доме, думали и мечтали втихомолку друг о друге... Затем дороги их разошлись, но в годы Великой Отечественной войны обе судьбы оказались сходными: оба находились в партизанском подполье, воевали с врагом. И вот два немолодых — и в то же время очень молодых — человека, сидят и вспоминают... И оказывается, что героизм, бесстрашие, подвиги отнюдь не требуют ни фанфар, ни барабанов, ни труб. Героизм стал здесь лирикой. В ней и раскрылись чудесные души этих простых, на первый взгляд будто бы даже малопримечательных людей...

Крупный, самобытный характер человека цельного, яркого, неуемного в ненависти ко лжи и злу складывается у Л. Золотухина в роли Родиона Нечая. Большевистская страстность пронизывает этот образ борца — последовательного и несгибаемого.

Остро играет роль областного работника Гавриила Нечая В. Белокуров, показывая зрителю оголтелого глушителя любой инициативы, любого начинания, любого живого дела. Даже в своем доме, даже наедине с собой он не позволяет себе «в теории и фантазии ударяться» без команды сверху. Трус, перестраховщик и бюрократ, он скрывает под внешней импозантностью «руководящего лица» свое полное ничтожество.

Сродни Гавриилу Нечаю хитрый очковтиратель, спекулянт Македон Сом в исполнении С. Блинникова.

В спектакле много интересных актерских работ. О них в короткой рецензии не расскажешь. Но следует хотя бы упомянуть А. Андрееву в роли Орины, колхозного библиотекаря, и М. Юрьеву, играющую Марину Демченко...

...Над Днепром развертываются события спектакля; здесь живут, радуются и страдают, сталкиваются в острых схватках герои пьесы. А величавая и могучая красавица река течет где-то там, куда ведет тропинка, сбегающая по крутому, обрывистому берегу,— внизу. Но живой образ Днепра, словно образ всей Советской Украины, встает в той мощной, раздольной песне, которая звучит в финале; встает в словах и чувствах героев, в их характерах — крутых и крупных, самобытных и поэтичных.

Юр. ЗУБКОВ

В ЖУРНАЛА

РАССКАЗЫВАЮТ

НОВЫЙ МИР

Александр ТВАРДОВСКИЙ

— Задачи нового, 1962 журнального года,— заявил в беседе с нашим корреспондентом главный редактор журнала «Новый мир» Александр Твардовский,— естественно, не могут быть иными, чем задачи всей советской литературы в целом, как они определены XXII съездом нашей партии и новой Программой, принятой на съезде.

Мы не собираемся злоупотреблять особо щедрыми посулами и обещаниями читателю на будущее, как это порой бывает. Предпочтительнее давать обещания более сдержанные, а выполнять их с надбавкой — за это, надо полагать, никто не осудит. И все же я должен сказать, что новый редакционный год сулит нам произведения, которые, я надеюсь, могут порадовать читателей.

Назову лишь некоторые имена и работы.

В ближайшее время нам обещает сдать новые главы своей широко известной книги «Дневные звезды» Ольга Берггольц. В портфеле редакции — новый роман Ю. Бондарева «Тишина», автора военных повестей «Батальоны просят огня» и «Последние залпы». В романе речь пойдет о послевоенной жизни советских людей. Уже получен роман С. Залыгина о наших современниках, преобразующих жизнь Советской Сибири. Очевидно, в первом номере мы начнем печатать повесть дочери Сергея Есенина — Татьяны Есениной «Чудо XX века». В ближайшее время мы получим большой роман Л. Первомайского «Дикий мед» и продолжение «Деревенского дневника» Е. Дороша. Заканчивает свою четвертую книгу воспоминаний «Люди, годы, жизнь» И. Эренбург. Видимо, в будущем году будет напечатана и пятая книга его воспоминаний.

А дальше — повести «Чужой» Г. Бакланова, «Три минуты молчания» Г. Владимова, «Шелковый город» Е. Герасимова. Эм. Казакевич обещает роман «Новые времена». Новый роман заканчивает А. Крон и новую повесть — В. Катаев. Завершает очерково-художественную книгу «Идем на Восток» А. Марьямов. К. Паустовский собирается дать журналу очерки об Италии, Франции, Польше. В. Некрасов снова выступит в жанре путевого очерка. Поэт М. Светлов впервые дает большое прозаическое произведение «Повзрослевшие сказки». Г. Троепольский работает над повестью «В камышах». В. Панова на этот раз намерена выступить в необычном жанре романа-сказки. Автобиографические рассказы даст И. Соколов-Микитов.

Будут также опубликованы произведения Б. Агапова, С. Антонова, Ч. Айтматова, Е. Драбкиной, Н. Дубова, И. Зыкова, В. Тендрякова...

Я мог бы назвать и многих поэтов, которые выступят в журнале, но этот список может оказаться слишком длинным.

В «Новом мире», как и прежде, найдут свое место произведения мемуарного или близких к нему жанров: воспоминания академика И. Майского, продолжение «Невыдуманных рассказов» адмирала И. Исакова, книга воспоминаний об Испании А. Эйснера. Будем печатать новые историко-литературные публикации, переписку писателей. В «Дневнике писателя» выступят И. Андроников, К. Чуковский, С. Маршак.

Журнал — это средоточие широкого и разнообразнейшего в своем составе авторского коллектива, плод творческих усилий многих умов и талантов, знатоков и специалистов своего дела, самых заслуженных и почтенных и самых молодых, которым суждено стать заслуженными.

Свои надежды редакция возлагает именно на свой широкий авторский актив, в который входят не только представители Москвы, Ленинграда и республиканских столиц, но и большая наша литературная периферия. Нет, они не гости из провинции, появление которых временно и случайно, это наши активные сотрудники, пользующиеся, так сказать, постоян-

НЕ НА ТОЙ ВОЛНЕ

Житель Свердловска К. А. Рябов приобрел слуховой аппарат, который, как известно, предназначен для усиления звуков. Когда аппарат испортился, Рябов решил исправить его сам. Он разобрал аппарат, а затем собрал.

— Вдруг я услышал очень четкий мужской голос,— рассказывает К. Рябов.— Оглянулся: может быть, кто-то находится в комнате? Но никого не было. Выглянул за дверь — там ни души. И тут я понял, что слушаю радиопередачу. С тех пор слуховой аппарат служит мне радиоприемником. Я получаю большое удовольствие.

А Эрнс Хогг, живущий в Англии, был удивлен еще больше.

Он, страдая глухотой, также пользовался слуховым аппаратом. И вот Хогг заявил, что вблизи своего дома он слышит телевизионные передачи. Эрнс Хогг обратился к специалистам. Те разгадали тайну странного явления. Недалеко от дома Хогга был проложен кабель телевизионной сети.

Какая причина этих явлений?

На этот вопрос ответил директор Московского завода слуховых аппаратов Р. Ф. Васьков:

— Слуховые аппараты настроились на определенную волну благодаря тому, что оказались случайно смещенными параметры полупроводниковой или ламповой схемы.

Т. РЕЗНИК

МАРКИ ИТАЛИИ

В Италии выпущена серия марок, посвященных Микеланджело. Мне хочется познакомить с нею филателистов — читателей «Огонька».

Марко СКИЕЗАРО

Италия,
Бергамо.

Х 1962 ГОДА

РЕДАКТОРЫ

ной прописной на страницах «Нового мира».

Мы не можем не гордиться и взыскательным нашим читателем, чью критику, замечания и пожелания мы принимаем с благодарностью и видим в ней опору и помощь в нашей работе.

Всеволод
КОЧЕТОВ

Вот что рассказал нашему корреспонденту о планах журнала «Октябрь» главный редактор Всеволод Кочетов:

— Раздумья о XXII съезде партии — так называем мы один из разделов журнала, материалы которого вот уже несколько месяцев подряд открывают номера «Октября». Писатели, деятели культуры делятся здесь своими заветными мыслями, связанными со съездом партии. Стремясь представить себе будущие номера «Октября», мы хотим, чтобы весь журнал — от первой до последней страницы — стал таким творческим раздумьем наших авторов о самом важном и сокровенном.

Хотим, чтобы новые романы, повести и рассказы активно вторгались в жизнь, поднимали острые проблемы современности, истории нашего социалистического общества. Думается, что наши надежды будут серьезно подкреплены новыми, на мой взгляд, многообещающими произведениями, над которыми сейчас работают авторы «Октября». Это роман А. Коптяевой «Дар земли» — о труде, семье, браке, дружбе и любви; роман уральца В. Очеретина «Сирена» — о романтике коммунистического труда; роман А. Андреева «Не судите нас, люди!»; это продолжения известных книг В. Закруткина «Сотворение мира» и Г. Коновалова «Истоки»; новые произведения Л. Соболева, Г. Николаевой, А. Калинина, К. Паустовского, Г. Маркова. Это повести о кризисе современного буржуазного общества — «Кто украл Пуннакана?» Р. Кима и «Пасынки Альбиона» Д. Краминова; исторические произведения Эм. Казакевича «Иностранная коллегия», Г. Серебряковой «Вершина жизни», Л. Шейнина «Дарданеллы». В портфеле редакции немало произведений молодых авторов. На молодежь у нас большая надежда: «Октябрь» всегда давал ей и будет давать на своих страницах широкий простор.

В русло главных устремлений журнала органично вливаются и новые стихи, обещанные нам П. Антокольским, Н. Асеевым, С. Васильевым, С. Кирсановым, А. Прокофьевым, И. Сельвинским, Н. Тихоновым, и работы публицистов. Важно, чтобы в новом году жизнь «Октября» была бы ознаменована действительно новыми делами — будь то дискуссии, литературные обозрения, переписка литераторов с читателями, или цикл статей на морально-этические темы, или деятельность выездного клуба «Октября» в разных городах страны.

Мы добиваемся,— подчеркнул, В. Кочетов,— чтобы один из старейших журналов, «Октябрь», попрежнему оставался журналом молодым, устремленным в современность, чтобы он боролся за высокое искусство коммунизма — источник радости и вдохновения миллионов людей.

Владимир
ПИМЕНОВ

Читатель «Огонька», вероятно, помнит наш рассказ о планах редакции журнала «Театр» на 1961 год. Все наши обещания мы постарались выполнить. Напечатанные в журнале пьесы утвердились в репертуаре театров. Дискуссия «Актерское мастерство сегодня» вызвала интерес и многочисленные отклики читателей. Выросший тираж журнала и все больший приток писем в редакцию свидетельствуют о том, что взятый редакцией курс быть журналом не только актерской громады, но и всех, кто любит театр, нашел поддержку в читательской массе.

Наш курс остается прежним.

Как и в прошлые годы, каждый номер журнала будет открываться пьесой. Нам обещали свои новые произведения драматурги А. Корнейчук, В. Лаврентьев, В. Розов, А. Салынский, Н. Погодин, К. Яшен, В. Собко, В. Панова, И. Шток.

С рассказами и очерками в журнале выступят писатели Н. Атаров, В. Ардов, А. Вербицкий, А. Крон, Л. Лагин, В. Лидин, Ю. Нагибин, З. Паперный, Г. Рыклин.

В портфеле редакции имеются пьесы зарубежных драматургов «Невеста Голландца» Э. Штриттматтера и «Гость» Л. Ашкенази.

Заинтересует театральных деятелей и любителей театра намеченная в предстоящем году д и с к у с с и я о п р о б л е м а х р а з в и т и я с о в р е м е н н о й с о в е т с к о й д р а м а т у р г и и. Острота дискуссии определяется решениями XXII съезда КПСС, который поставил новые задачи в искусстве и литературе.

В 1962 году мы опубликуем творческие портреты видных советских режиссеров и актеров: Ю. Завадского, Р. Симонова, Л. Вивьена, Н. Охлопкова, М. Царева, Ю. Глизер, Н. Мордвинова, М. Семеновой, А. Тарасовой, А. Степановой, Н. Ужвий.

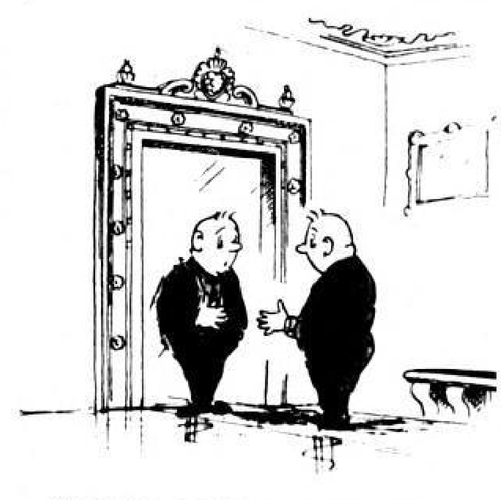
В портфеле редакции находятся весьма интересные материалы: например, режиссер и художник Н. Акимов выступит у нас с воспоминаниями и размышлениями о театральном искусстве под названием «Копилка впечатлений». Н. Волков передал журналу первую биографию К. Станиславского («Молодость Станиславского»).

В течение года журнал опубликует более 100 рецензий о примечательных спектаклях сезона, рассказы, очерки, фельетоны.

В выпуски «Народные театры» по-прежнему будут включены одноактные пьесы и информация о творческой жизни народных театров. В этом разделе выступят ведущие критики, режиссеры и артисты, а также деятели народных театров.

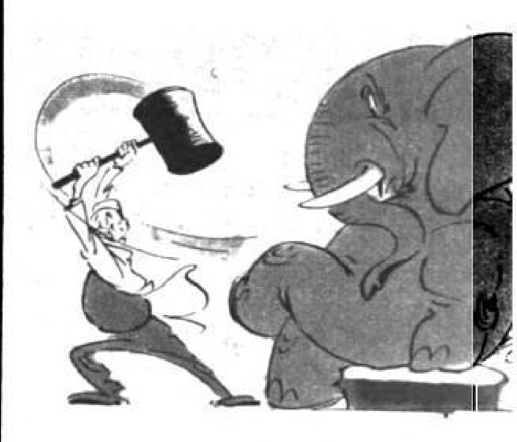
Как и в прошлые годы, много внимания мы уделим жизни зарубежного театра, особенно стран социалистического лагеря (очерки о творчестве Жана Вилара и Елены Вейгель).

Мы хотим, чтобы журнал стал настольной книгой для всех, кто работает в профессиональных театрах, в любительских коллективах, для всех, кто любит театр.



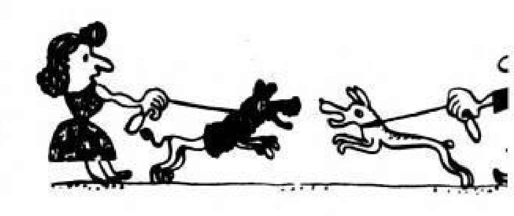
— Простите, я думал, это зеркало.

Рисунок М. Ушаца.



У невропатолога.

Рисунок В. Черникова.



Натянутые отношения.

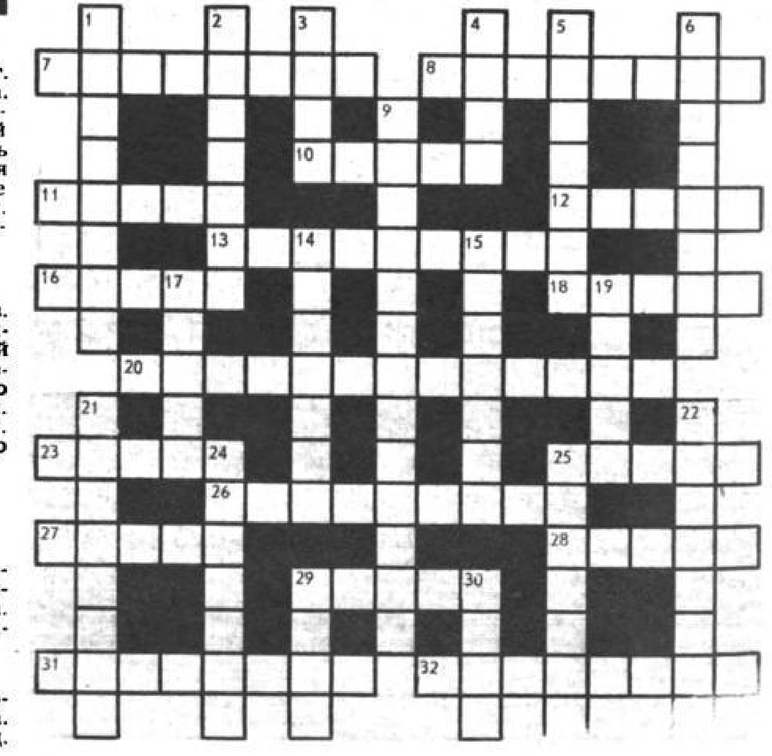
Рисунок Р. Матюшина.

ЗВЕРИ И СПИЧКИ

Я составил из спичечных этикеток своеобразный учебный плакат. Тема его — «Фауна Индии». Такие тематические коллекции довольно интересны и познавательны. В школах они могли бы служить оригинальным учебным пособием.

В. БОГДАНОВ

КРОССВОРД



По горизонтали:

7. Стройность, соразмерность. 8. Писатель-декабрист. 10. Молодежный журнал. 11. Стихотворение Д. Кедрина. 12. Изъян в работе. 13. Морская мера. 16. Спортивный снаряд. 18. Точка небесной сферы, по направлению к которой движется солнечная система. 20. Русский химик, учитель Д. И. Менделеева. 23. Черноморский курорт. 25. Хищная птица. 26. Миниатюрная скульптура. 27. Произведение А. Гайдара. 28. Река в Башкирии. 29. Сестры-спортсменки. 31. Словесный текст к музыкальному произведению. 32. Столица государства, расположенного на островах.

По вертикали:

1. Ледник на Кавказе. 2. Соединение электропроводников. 3. Остров в Эгейском море. 4. Химический элемент. 5. Героиня романа И. С. Тургенева «Накануне». 6. Танец. 9. Русский мореплаватель XIX века. 14. Тесьма с кисточками. 15. Перевозка без остановок. 17. Вид гравюры. 19. Лопасть гребного колеса. 21. Гриб. 22. Прибор для измерения освещенности. 24. Советский музыковед. 25. Город в Пензенской области. 29. Дорога, железнодорожная линия. 30. Продукт неполного сгорания.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 47

По горизонтали:

5. Ломоносов. 8. Глобус. 9. Термос. 10. Кукушка. 11. Кавычки. 13. Ветлуга. 15. Лесков. 17. «Садко». 19. Батист. 20. Университет. 23. Венера. 24. «Чайка». 27. Термин. 30. Хроника. 31. Адвокат. 32. Лимонад. 33. Молния. 34. Ракета. 35. Дирижабль.

По вертикали:

1. Томский. 2. Молекула. 3. Кокошник. 4. «Полтава». 6. Волынка. 7. Смальта. 12. Анемометр. 14. Гостиница. 16. Ванта. 17. Сивуч. 18. Осина. 19. Брест. 21. Чернила. 22. Ортопед. 25. Алюминий. 26. Карнавал. 28. Шаляпин. 29. Кадриль.

Когда зажигаются огни.

Вечером здесь танцуют.

ДОМ НАЗЫВАЕ

Внутренний дворик.

Г. ГУРКОВ, А. БОЧИНИН

Он большой, солнечный и светлый, этот дом. Он стоит недалеко от Москвы-реки, возле лужниковского спортивного гиганта. И когда течет со стадиона в метро взволнованная людская масса, кипящая страстями только что закончившегося матча, многие останавливаются на минуту, чтобы взглянуть на этот дом. Он и в самом деле очень хорош — современен, элегантен.

— Можно было сделать красивее,— сказал нам главный архитектор проекта Юрий Арндт.

Мы идем по холлу нижнего этажа гостиницы «Юность». За стеклянными стенами, на улице, зажглись фонари. Зажглись огни и внутри здания. Гирлянды светильников отражаются в зеркальном стекле, и создается фантастический эффект — электрические пунктиры уходят куда-то вдаль.

— Красивее можно было сделать,— повторяет архитектор.— Но мы думали больше всего о том, как сделать полезнее.

Он разъясняет свою мысль. При строительстве «Юности» были в большом количестве использованы новые материалы. Многие предприятия еще не освоили их выпуск. Поэтому творческий коллектив архитекторов и инженеров, создававший это здание, разрабатывал вместе с представителями заводов образцы и технологию.

— Не уникальное, а типовое — это было нашим лозунгом. И почти все, что вы здесь видите,— Арндт обводит рукой вокруг себя,— сейчас уже включено в планы предприятий, вошло в производство. Вот, например, таких светильников будет выпущено к концу года двести тысяч. Так что любой архитектор в любом строительстве сможет использовать материалы и элементы, примененные здесь. И это очень важно: строительство станет лучше и дешевле.

На первом этаже — нарядное кафе, кинотеатр. Легкие, удобные стулья. Если их убрать, зал превращается в большую танцплощадку.

— Юность — гостиница для молодых,— продолжает свой рассказ Арндт.— И поэтому при планировке мы учитывали: здание должно быть таким, чтобы в нем мог разместиться молодежный клуб.

Поднимаемся на этажи. Небольшие, уютные номера. Их 217. Остроумное и экономное использование каждого сантиметра площади. Не случайно добрым словом вспоминает архитекторов и строителей каждый, кто жил в «Юности». Архитекторов, строителей и тех, кто принял из их рук гостиницу, стал здесь добрым и гостеприимным хозяином. Мы говорим о дружном молодежном коллективе «Юности» во главе с ее директором Владиславом Асташовым.

Заглядываем в книгу посетителей. По ней можно изучать географию. Конго, Сальвадор, Япония, Алжир, Занзибар, Австрия, Куба, Гвинея... В гостинице первыми поселились делегаты Всемирного форума молодежи, здесь жили участники совещаний передовиков сельского хозяйства и руководителей бригад коммунистического труда. Скромную молодую женщину из 210-го номера звали Валентина Гаганова. Кубинского мальчишку, который плакал, прощаясь с работниками «Юности», его друзья — пионеры далекого зеленого острова — называли Фиделито. А полное его имя — Фидель Кастро Диас, сын легендарного героя Кубы.

В дни исторического XXII съезда в «Юности» жили делегаты. В книге отзывов — теплые слова, дружеские пожелания. «Спасибо, спасибо и еще раз спасибо»,— написали саратовцы. «Честное слово, здесь и сам себя чувствуешь моложе»,— таково мнение волгоградцев.

А вот еще одна запись: «С большим удовольствием ознакомился с замечательной гостиницей «Юность». Нравится все: и номера, и материалы, которые применены в строительстве, и особенно люди. Мне кажется, что «Юность» будет пользоваться большой популярностью среди гостей столицы. Летчик-космонавт СССР майор Г. Титов».

Гостиница «Юность» широко открывает двери для юношей и девушек, приезжающих в Москву по путевкам бюро международного молодежного туризма «Спутник». Здесь они будут жить, здесь будут встречаться с советской молодежью, смотреть фильмы и концерты, здесь будут проходить вечера, диспуты.

...Когда мы уходили из гостиницы, то оказались рядом с двумя парнями в спортивных костюмах. Они, вероятно, забежали посмотреть «Юность» и теперь делились впечатлениями.

— Понравилось?

— Очень!

Нам тоже.

На каждом этаже — небольшой холл.

Вестибюль «Юности».

...ЕТСЯ „ЮНОСТЬ"

У входа в кафе.

Хотите отдохнуть — опустите жалюзи.

«Москва это здорово!»

Молодым найдется, о чем поговорить, поспорить.

Самые юные гости.

В парикмахерской

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10602. Подписано к печати 22/XI 1961 г. Формат бум. 70×108 1/16. 3,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 850 000. Изд. № 2117. Заказ 2960.

Ордена Ленина типография газеты «Правда». Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп.